

1

КНЯЗЬ НИКТО

Меня предали те, кому я доверял больше, чем себе. Мое имя вычеркнули со страниц истории, а уста мои замкнули чарами, чтобы я никогда не смог рассказать правду о той смуте. Весь мой род приговорили к смерти, но мне достался приговор более жестокий — ЖИЗНЬ. Я должен был жить и безмолвно наблюдать, как Российская Империя существует без меня.

Но я не сдался. Я ждал почти полвека, чтобы получить возможность отплатить предателям той же монетой. Могущественная сила отправила меня на сто лет назад, в тело одного из моих родичей. Только вместо княжеского поместья я очутился в самых грязных трущобах Петербурга...

Пролог

Светлейший князь-протектор Аристрах Иоаннович Голицын свернул свежий номер «Вестника Российской Империи» и посмотрел на меня. Во взгляде его не было неприязни, только бесконечный холод и безразличие.

— Как себя чувствуешь, Никто? — спросил он, глядя на меня с ледяным любопытством. А ведь ты даже не знаешь, кто я, мальчик... Сколько тебе, двадцать семь? Тридцать? Надо же, я начинаю терять счет годам...

— Как себя чувствуешь, Никто? — повторил свой вопрос Голицын, уже с долей брезгливого раздражения.

— Почему ты не бросишь делать это? — глухо спросил я, не поднимая головы.

— Не брошу делать что? — его голос такой же, как у его отца. Звучный, глубокий, полный достоинства и внутренней силы. Владелец такого голоса никак не может быть низким и вероломным человеком. Да. Никак не может. И именно таким голосом ты зачитывал мне приговор, Иоанн, лучший друг и названный брат.

— Читать мне газеты, светлейший князь-протектор, — я никак не мог привыкнуть к новому звучанию своего голоса. Как будто ворона каркает.

— Это мой долг, Никто, — молодой Голицын встал со стула. Отряхнул несуществующие пылинки со своего белоснежного кителя. Молодой еще совсем. Для него пока все это чертовски важно — тяжелый шелк придворных мундиров, отороченная горностаем мантия, золоченый эфес шпаги. Перстень с красным камнем — знак благости Всеблагого Отца, широкий золотой ободок обручального кольца и три тонких серебряных — трое детей. Трость из черного дерева с шаром — знак распорядителя церемоний... Некоторые из медалей и нагрудных знаков были мне незнакомы. — В отличие от тебя, у меня есть честь и достоинство.

— Честь... — прокаркал я. — Ты даже не знаешь, кто я...

— Как себя чувствуешь, Никто? — еще раз повторил ритуальный вопрос Голицын и посмотрел на часы. Если сейчас я отвечу, что хорошо, то он уйдет. Если отвечу, что плохо, то он тоже уйдет, но вместо него явится невесомая стерильная медсестра в сопровождении пары здоровенных лекторов и сделает мне укол. Золотая жижа, омерзительное изобретение моего друга и соратника Прошки Брюса. Злая пародия на эликсир бессмертия. Прошки Брюса больше нет, зато его отравой меня пичкать продолжают. Чтобы я оставался в живых и слушал, как лощеный отпрыск моего бывшего друга и моей бывшей невесты каждую неделю зачитывает мне новости. Чтобы знал, как этот мир живет без меня. Без моего рода. Без моей

крови.

— Лучше не бывает, — выплюнул я и отвернулся.

Голицын ушел. В янтарной гостиной Дворца Кукушки, запасной летней резиденции рода Голицыных воцарилось привычное молчание. Начался новый день. Через пару часов мелодично звякнут часы, и молчаливый пожилой слуга принесет мне завтрак. Впрочем, может он бы и поболтал, но, кажется, у него отрезан язык. Когда часы пробьют полдень, в гостиную явится стайка юных девиц. Княжна Алиса со своими подругами. Будут гонять чай, вышивать и щебетать о своих девичьих делах. Или княжич Николай с своими приятелями.

Голицыну не о чем беспокоиться. Уста мои навсегда замкнуты Хрустальным замком и Вороньим Граем. Если я даже просто попытаюсь назвать свое имя или рассказать правду о его отце или Бархатной смуте, как они теперь это называют, то мой рот будет исторгать только противное воронье карканье. На моих немощных руках — надежные Навьи цепи. А альков, ставший моим последним пристанищем, отделен от гостиной прочной металлической решеткой. Голицыны и их приятели привыкли ко мне, как будто к какому-нибудь бесполезному пуфику или торшеру. Никто из них не знает, кто я такой. Но они ревностно исполняют волю первого князя-протектора Российской Империи, моего бывшего друга и сподвижника, даже после его смерти.

А после ужина потянутся долгие часы бесконечной ночи. Последний год я почти не могу спать. Только всматриваться в ночной мрак и ждать.

Ждать и иногда касаться пальцами глубоко спрятанных в единственном кармане моего рубища сокровищ. Крохотный обломок мела. Кровавая капля граната с серьги, оброненной несколько лет назад княжной Алисой. Сухой стебелек асфоделя, букет этих цветов стоял в календы ноября, Дни поминовения и печали. Щучья чешуйка, налипшая однажды на тарелку с моим обедом. Уголек из камина, стрельнувший прошлой зимой в тот вечер, когда княжич привел сюда свою подружку и устроил ей романтический ужин. Огарок восковой свечки длиной с фалангу пальца. Такие всегда зажигают в день Нисхождения Благодати, и мне удалось стянуть его так, что никто не заметил. Все это выглядит невинным мусором на дне кармана. Но только до тех пор, пока я не заполучу последний недостающий ингредиент...

— Деда Никто! — раздался от решетки громкий детский шепот. Я открыл глаза. Обед уже закончился, а ужин был еще далеко. Княжна Алиса и две ее подружки убежали купаться по случаю жары, а меня оставили одного.

— Здравствуй, маленькая княжна, — я растянул пересохшие губы в улыбке. Анастасия. Младшая дочь Голицына.

— Моя бонна уснула, и я убежала! — гордо заявила девочка. Она была очаровательна в своей непосредственности. Пушистые пшеничные волосы уложены изящными локонами, белое платье, сшитое как будто из одних только кружевных оборок, тонкая золотая цепочка со знаком защиты Всеблагого Отца, похожий на цифру восемь, положенную на бок. Ясные серые глаза сияют от осознания своего дерзкого непослушания. Ей не разрешали ко мне подходить, но иногда она своевольно убегала и составляла мне компанию. Она могла бы быть моей внучкой, если бы

— Ай-яй-яй, девочка, — я покачал головой. — Тебя накажут!

— Не накажут, — маленькая княжна топнула ногой. — Я видела, как бонна пьет из коричневой бутылки. И сказала ей, что если она будет много ябедничать, то я расскажу маман про это, и ее уволят. Деда Никто, ты расскажешь мне сказку?

— Какую сказку ты хочешь услышать, маленькая княжна? — спросил я, уже заранее

зная ответ. Она всегда хотела слушать только одну историю.

— Про семерых братьев! — она подтащила бестолковый бархатный пуфик поближе к решетке.

— А ты помнишь, что рассказчику нужно платить? — я строго свел брови.

— Конечно, деда Никто! — фарфоровое личико стало очень серьезным и сосредоточенным. — Голицыны всегда исполняют свое слово. Я принесла тебе серый камень, — она раскрыла ладонь, на которой тускло блеснул гладкий бок полупрозрачного кабошона. «Неужели?» — ворохнулась в душе искра надежды. — Только я тебе его сейчас не отдам! Сначала сказка, потом оплата!

— А ты умеешь торговаться, маленькая княжна, — я улыбнулся в бороду, чтобы скрыть волнение.

— Сказку! — потребовала девочка и с нетерпеливым видом завозилась на пуфике, устраиваясь поудобнее.

— Ну что ж, слушай... — я откашлялся. Маленькая княжна замерла, сложив руки на коленях.

Я рассказал ей о злом Императоре-кровопийце, выжимавшем последние соки из стонущей под его гнетом страны. Бросившем в горнило чужой войны сыновей, отцов и братьев, только чтобы потешить свой нрав и других правителей, таких же злых и безжалостных. И о семерых закадычных друзьях, ставших названными братьями и поклявшихся освободить Империю от обезумевшего от своей власти повелителя.

Рассказал, как разъехались они по разным концам страны, как собрали они простой люд и дали им веру в то, что вместе они смогут сокрушить зло. Как один за другим поднимались лазурно-белые флаги воли и свободы. И как один за другим падали оплоты Императора.

В моей сказке семеро победили. С триумфом они вошли в столицу, окружили дворец Императора и вынудили его признать свое поражение. А потом правили страной вместе, все семеро, рука об руку. Долго и справедливо.

Княжна как замороженная слушала мой каркающий говор. Я говорил... говорил... А перед глазами моими проплывали совсем другие картины. Как опустил взгляд, отдавая команду о моем аресте безликим громилам из Багряной Бригады, светлейший князь Иоанн Голицын. Как обнаружил пустоту за моим плечом, там, где должен был стоять, прикрывая мне спину, названный брат мой и возлюбленный сестры моей князь Север Долгорукий. Как подскакивает, катясь по помосту, отрубленная голова Прошки Брюса, единственного, кто не предал и остался со мной до конца. Как длинные костлявые пальцы Императора прилаживают усыпанный самоцветами орден на парадный мундир графа Велимира Оленева, владеющего одинаково искусно клинком, ружьем и нежным словом. Как безликая толпа рукоплещет палачам, хладнокровно расправляющимся со всеми членами моей семьи. Без устали свистят топоры, и кровавый ручеек стекает по пыльной брусчатке лобного места... Как дергается и замирает в петле безжизненное тело Кузьки, моего бесконечно доброго денщика, заботливого, как тысяча мамочек. Который заменил мне погибшего на чужой войне отца и последовавшую за ним в скором времени мать.

— А у кого-нибудь из семерых же была маленькая дочка, которая потом станет самой доброй Императрицей? — спросила девочка, когда я замолчал.

— Конечно, маленькая княжна, — я снова улыбнулся в бороду.

— Тогда это буду я! — заявила девочка. — Мой папа сказал, что через неделю моя помолвка с наследником Императора! И мне уже сшили небесно голубое платье в

серебряных звездах!

— Наверняка это самое красивое платье, которое когда-либо видел этот мир! — проговорил я, изо всех сил скрывая свое нетерпение. Но маленькая княжна не торопилась. Она принялась болтать о том, как она подложила бонне в туфлю маленький камешек, и той приходилось скрывать хромоту, чтобы светлейший князь не сделал ей замечание.

Я кивал, улыбался, качал головой, а сам неотрывно смотрел на детский кулачок, в котором была зажата моя надежда.

Нежный перезвон часов возвестил о скором ужине.

— Ой, мне пора бежать! — княжна вскочила с пуфика и шагнула к решетке. — Я люблю твою сказку, деда Никто. Вот твоя оплата!

Ее маленькие пальцы разжалась, и на мою иссохшую и покрытую пятнами ладонь выкатился полупрозрачный серый камень. — Я взяла его в мастерской придворного ювелира. Вот видишь, как я люблю твою сказку! Ты сказал, что подойдет любой серый камень, но это же нечестно — подобрать простую гальку на дороге?

Я едва сумел сдержать крик радости. Это была невероятная удача, один шанс на миллион! На моей ладони, еще влажный от потной детской ладошки, лежал дымчатый турмалин.

— Ты очень щедра, маленькая княжна! — срывающимся от волнения голосом проговорил я. Но девочка, кажется, не заметила, как я изменился в лице, и как задрожали мои руки. Она развернулась на пятках своих атласных туфелек и вприпрыжку поскакала к высокой двери из черного дерева, инкрустированного серебром и каплями медового янтаря.

Я всмотрелся в свое сокровище. Да, это точно он, никакой ошибки быть не может. Видимо, сама судьба желает, чтобы задуманное удалось. Иначе как еще объяснить, что среди тысяч и тысяч серых камней маленькая княжна выбрала именно серый дымчатый турмалин. Не особенно дорогой, но очень редкий камень. И единственный, который мне подходит из серых камней.

Я почувствовал на щеке прохладное касание сквозняка и торопливо сунул свое сокровище в карман. Молчаливый слуга подкатил свою тележку к решетке и стал выставлять на стол мой нехитрый ужин.

Потом он отойдет в сторону, сядет на табурет и будет молча смотреть, как я ем. Потом заберет посуду, составит на поднос и укатит свою тележку обратно. И если я откажусь от ужина или буду вести себя как-то странно, то об этом обязательно узнает Голицын.

Я неторопливо ковырялся ложкой в тарелке. Мне стоило нечеловеческих усилий, чтобы не проглотить чертов ужин как галка, чтобы слуга убрался уже и перестал пялить на меня свои бесцветные чухонские глаза. Медленно, как всегда. С чуть брезгливым и скучающим выражением лица, как полагается на официальном приеме с участием простолюдином. Я допил морс и поставил стакан на стол. Поднялся. Звякнула хрустальная цепь на моих руках.

Выдох-вдох. Я прикрыл глаза и начал считать.

Я слушал, как слуга забрал со стола посуду. Потом едва слышно скрипнула сервировочная тележка, покотившись в сторону двери. Негромкий стук дерева о дерево.

Один. Я сунул руку в карман и коснулся пальцами своих сокровищ. Мне не терпелось прямо сейчас броситься чертить Лунное Колесо... Но после ужина ко мне еще могли зайти. Или мажордом князя, имевший право пользоваться этой гостиней для своих нужд, если она не была занята кем-то из Голицыных. Или княжна Алиса, которой иногда вдруг хотелось

почитать в одиночестве. Или...

Я умею ждать. Только как же это трудно, когда твой путь на свободу лежит у тебя в кармане, а за круглым столом Янтарной гостиной именно сегодня решили собраться за бриджем сам Светлейший князь и трое его ближайших приятелей.

Часы уже давно прозвенели полночь, а молодые аристократы, отягощенные титулами и орденами, все еще метали карты на полированное дерево стола.

Я забился в самый темный угол своего алькова, чтобы Голицын не заметил радости предвкушения на моем лице. Но вряд ли он вглядывался. Бросил дежурный равнодушный взгляд и отвернулся.

Скоро, юный Аристарх Иоаннович. Нет-нет, ты не будешь жалеть о своей заносчивости и умолять меня о пощаде. Тебя просто не станет. Как не станет и твоих детей. Да, маленькой княжны тоже, как ни жаль. Хотя может быть, она вернется уже моей внучкой. И будет с такой же жадностью слушать сказку о семерых братьях с настоящим финалом. Счастливым.

Я сидел неподвижно, слушая, как похохатывая, молодые аристократы собирают со стола карты. Как, звеня шпорами, неторопливо идут к выходу. Как обсуждают планы на завтрашнюю охоту и последующий Императорский Пикник. В этот момент уголки моих губ дрогнули. Скоро Ничто обратит в ничто ваши планы, господа. Совсем недолго осталось.

Хлопнула, закрываясь, дверь. Шаги и смех удалились. Наступила ватная тишина.

Я сидел неподвижно. Я столько лет ждал этого момента, что сейчас меня на мгновение обуял страх. Но лишь на миг его ледяные пальцы коснулись моего сердца и сразу же отпустили.

Пора.

Я взял в дрожащие пальцы кусочек мела. Совсем крохотный, мне хватит только на одну попытку. Я опустил на хрустнувшие и сразу занывшие колени и принялся тщательно выводить на темно паркете сложный узор Лунного Колеса. На последнем изгибе мел закончился, оставив лишь белую пыль на пальцах.

Гранат на символ погребального костра. Чешуйка на символ гнилого болота. Стебель асфоделя на символ надгробия. Дымчатая слеза турмалина — на символ безутешной вдовы. Огарок свечи — в центр, на перекрестье всех линий.

Я тяжело поднялся. Прикрыл глаза, сделал несколько вдохов и выдохов, чтобы хоть немного замедлить ритм колотящегося испуганной птицей сердца. Теперь слова. Их всего три.

Я размеренно произнес формулу, вызывающую к жизни Трижды Забытых богов. Настолько древних, что даже имен у них не было. Только прозвища.

Печальник. Полуденница. Повелитель Червей.

Император отнял у меня мою силу. Наложил оковы на мои слова. Закрыв путь ко всем источникам. И только об одном он забыл. Впрочем, нельзя его за это судить. О них все забыли. Недобрые древние покровители страны, на месте которой возвела свои города и деревни Российская Империя. Изворотливые, окаянные, несущие слезы, смерть и разрушение. Могущественные и дикие силы, которые предпочли предать забвению, чтобы даже случайно, по незнанию или недомыслию не навлечь на себя их гнев или благодать, которые мало подчас, мало чем друг от друга отличались...

Опаленный фитиль свечи задымился, а потом на нем вспыхнул язычок пламени. Но не теплого оранжевого цвета, как в камине зимней ночью. И не синего, как в газовом рожке. А мертвенно-серого, как болотные огни. Кто-то из трех явился на мой зов.

— В твоих жилах течет золото, мешающее тебе умереть, — раздался над моим ухом молодой насмешливый голос. — Ты за этим позвал меня, поддельный бессмертный?

— И тебе привет, Повелитель Червей, — сказал я, гордо выпрямляя спину.

— Тогда что тебе от меня нужно? — спросило божество, показываясь передо мной в полный рост. В пустых глазницах серебряного черепа — тысячи копошащихся червей. Ниспадающий истлевший саван вместо одежды.

— Я хочу троекратного возмездия, Повелитель Червей, — сказал я. — Я желаю, чтобы ты перенес мой дух на сто лет назад. Чтобы я смог уничтожить своих врагов еще до того, как они увидят этот свет. Я хочу стереть их, как они стерли меня. Предать забвению. Навсегда.

— Ты коварный прохвост, старик, — Повелитель Червей расхохотался. — Но мне нравится ход твоих злокозненных мыслишек. Но я не всемогущ. Чтобы перенести твой дух, мне потребуется тело, в жилах которого течет твоя кровь. Молодое, сильное, но бесплодное. Ты знаешь подобного человека в своем роду?

— Знаю, — я кивнул. — Иероним, старший брат моего отца. Беспольный, бездарный и бесплодный. Его семя не породило даже выкидышей. Он до конца своих дней отравлял нам жизнь, прожигая в праздности свои дни. Подойдет такой человек?

— Мне все равно, поддельный бессмертный, — Повелитель Червей захохотал. Между его почерневших зубов тоже извивались черви. — Я закину твой дух на сто лет назад, и если он не найдет себе подходящий сосуд, то ты просто останешься скитаться в серой мути между жизнью и смертью. Ты готов на такой риск?

— Да, Повелитель Червей, — я сделал шаг вперед.

— Оказавшись в новом теле, ты снова станешь подвержен страстям юности, которые могут затмить твою память, — сказал владыка смерти и забвения. — Ты готов к этому?

— Да, Повелитель Червей, — я сделал еще шаг вперед.

— И последнее, — полы ветхого савана затрепетали как будто на сквозняке. — Ты должен будешь заплатить за свою просьбу. Раз ты призвал меня, то ты знаешь цену?

— Да, Повелитель Червей, — я шагнул к нему практически вплотную. Ноздри защекотал сладковатый запах тлена.

— Тогда приступим... — в каминной трубе завыл ветер. Деревья за окном застонали. Небеса исторгли раскатистый гром.

Дверь распахнулась, и в Янтарную гостиную ворвался Светлейший Князь Голицын, в ночном исподнем, без тени прежнего гонора на лице.

— Что здесь происходит?! — закричал он. — Нет! Нееет!!!

Поздно, сын моего бывшего друга. Костяные пальцы Повелителя Червей уже коснулись моего лба. Смертная стужа охватила мое тело, сознание начало погружаться во мрак. Последнее, что я увидел, были полные паники глаза Голицына.

Почти мертвыми уже губами я произносил имена.

— Князь Иоанн Голицын, князь Север Долгорукий, граф Велимир Оленев, барон Ярослав Витте, архонт Всеблагото отца князь Алесь Белосельский-Белозерский...

Глава 1. Кое-что о маленьких семейных секретах

Меня разбудил назойливый щебет какой-то пичужки. Еще не открыв глаза, я понял, что все получилось. Не было ставшей привычной скручивающей боли в пояснице. Не ныли даже в неподвижности все суставы. Не было вечного вкуса горечи во рту, мешающего ощутить вкус пищи. Не было саднящей сухости в горле. Не болело вообще ничего, и еще толком даже

не освободившись от сонного оцепенения, я ощущал себя бодрым и полным сил юнцом. Я лежал с закрытыми глазами, представляя себе, как я сейчас встану со своего огромного роскошного ложа... Впрочем, может быть, до моего рождения он еще не заказал себе ту неприлично роскошную даже для нашего дворца кровать с колоннами в форме голых девиц и муаровым балдахином... Но вряд ли его вкусы сильно отличались, а к фонду семьи он доступ имел чуть ли не с самого рождения. Так что я выскользну из-под неприлично дорогого шелкового белья, капризным тоном прикажу слугам немедленно набрать мне горячую ванну. С ароматной шапкой пены до самого потолка. И буду нежиться там, пока вода не остынет. А потом прикажу подать себе завтрак. Французские тосты с нежнейшим трюфельным паштетом. И цветочками сладкого сливочного масла. И кофе, много ароматного кофе, целый кофейник. И вазочку с прозрачным клубничным конфитюром. И восхитительные бриоши с начинкой. И... От гастрономических мечтаний мой рот наполнился слюной, губы сами собой растянулись в улыбке. Ах, какое же это счастье — улыбаться и не чувствовать, как при этом покрываются глубокими трещинами твои губы...

Грубый тычок под ребра резко и неожиданно вернул меня с небес на землю.

Что еще за ерунда? Кто это настолько обнаглел, что смеет так обращаться с княжеским сыном?!

В этот момент мне в нос ударил густой смрад, мало чем похожий на запах покоев княжича. Ядреная смесь из прелого сена, гнили, тухлого мяса и кошачьей мочи.

Что за шутки?!

— А ну поднимайся, ленивая задница! — сварливо сказал кто-то незнакомый и заперхал. Слова свои он подкрепил еще одним чувствительным тычком под ребра. Я отбросил в сторону одеяло, моментально осознав, что ни о каком шелковом белье речи не идет. Грубое шерстяное одеяло, колючее и жесткое. Тут же я почувствовал, что какие-то мелкие твари кусают меня за задницу и за ноги. И догадался, наконец, открыть глаза.

Я лежал на матрасе, набитом сырой соломой. Подо мной были грубо сколоченные деревянные нары. Роль спальни выполнял крохотный загончик из криво сбитых досок.

И поверх этих самых досок надо мной маячила меланхолично жующая конская голова.

Да уж. Похоже, мой дядя изрядно набрался вчера вечером, и его бросили спать в конюшне... Что ж, с ним это бывало...

— Да почему же тебе приходится по три раза-то повторять?! — визгливо заорал все тот же голос, хозяина которого я пока не рассматривал. А зря, потому что он в этот момент подхватил какую-то палку и со всей дури огрел меня через одеяло. Сознание в этот момент раскололось как будто надвое. Память о старом и немощном теле заставляла сжаться в клубок и прикрыть голову руками. Юный здоровый организм, в который было перемещено мое сознание, требовало вскочить и дать сдачи охреневшему обидчику.

Получилось нечто среднее — я быстро сел, сбросив с себя кишачье клопами одеяло, и посмотрел, кто это тут оказался настолько смелым, что лупит палками княжеского сына.

Передо мной стоял мужчина средних лет с помятым и как будто стекшим вниз лицом. Тяжелые брыли тянули уголки губ вниз, из-за этого лицо казалось несчастным, обиженным или просто чем-то недовольным. Круглые навывкате глаза с тяжелыми набрякшими мешками были прикрыты грубыми круглыми очками с толстенными линзами. Из-за этих линз глаза казались еще больше и еще круглее. Как будто у рыбы. Он был какой-то и толстый и тощий одновременно. Над поясом свешивалось объемное брюхо, зато руки и ноги были такими тощими, что даже просторная одежда этот факт скрыть не могла.

— Ты что это себе позволяешь, холоп? — брезгливо спросил я. Понятия не имею, кто по профессии этот оборванец, но явно не аристократ.

— Что? — пузатик выронил палку. На лице его последовательно отразилось гнев, удивление, непонимание, а потом он наконец заржал, тряся брылями. Да еще и так громко, что лошадь, до этого момента мирно жевавшая что-то в соседнем загоне, нервно затопотала копытами и заржала тоже.

— Ты с глузду что ли съехал, убогий? — отсмеявшись, с трудом проговорил он. — Какой я тебе, холоп? Кем ты себя возомнил? Княжеским сыном? Или выше брать, самим Императором?!

— Уйди с дороги, мне надо домой, — сказал я и встал. Рост мой неожиданно и неприятно меня удивил. Я был значительно ниже этого неприятного мужика. По моим расчетам, дяде должно быть в это время около двадцати, а он никогда не выглядел хлюпиком... Или этот пузан на самом деле настоящий великан, хотя сначала мне так не показалось...

— Домоооой? — протянул мужик и снова потянулся за палкой. — Ты дури что ли обкурился вчера? То-то я смотрю, ты последнее время завел дружбу с какими-то проходимцами! Домой он собрался. А где это ты другой дом нашел, прощельга мелкий?

Что-то было не так. Ну не стал бы простолюдин себя так вести с аристократом, даже если тот напился до беспамятства и уснул в его конюшне! Да даже если бы аристократ в яме с навозом уснул, с ним бы все равно разговаривали, кланяясь и заискивая. И не размахивали бы палками точно... Я опустил глаза и посмотрел на себя. Это никак не могло быть тело моего двадцатилетнего дяди. Это было... Куда я, черт побери, попал?!

Тело мое было худым, даже тощим. Похоже, что меня не особенно-то хорошо кормили, потому что ладони смотрелись совсем даже не крохотными. А может это просто по контрасту с тощими запястьями... Одет я был в мешковатые коричневые штаны, подпоясанные куском веревки, потому что по ширине в них вполне можно было бы запихать второго меня, и замызганную рубаху, которую, кажется, сняли с огородного пугала. Обтерханные рукава болтались бахромой ниток, на самом видном месте — уродливая заплатка из черной ткани, пришитая криво и косо. Может, сам же бывший хозяин тела и пришивал. Сколько мне было лет? Шестнадцать? Четырнадцать?

Вот же дряньество... Что-то явно пошло не так. Почему я не оказался в теле своего настоящего родственника, а попал в этого оборванца?

— Опомнися, аристократ обдристанный? — мужик издевательски скалился. На его сползшем лице это выглядело тошнотворно.

Похоже, мои планы на роскошную жизнь в родовом поместье по какой-то неведомой причине рухнули. Надо было перестраиваться, и быстро. Ну это ничего. За последние несколько десятков лет я привык к унижениям.

— Ой-ой, — я сделал испуганные глаза и втянул голову в плечи. Залепетал. — Простите, простите, приснилась какая-то чушь... Я уже опамятовался!

— То-то же! — мужик повернулся ко мне спиной.

— А есть что-нибудь покушать? — захныкал я, плетясь следом.

— Если на работе где накормят, пожрешь, — бросил мне через плечо мужик. Как к нему хоть обращаться-то? Ладно, пока выкручусь как-нибудь... — Хватай тачку и погнали. Сегодня, говорят, на Большой Подьяческой кто-то помер.

Тачку... Я по-быстрому огляделся, но не так, чтобы стало понятно, что я тут все

впервые вижу и тарашусь, как селянин на Исаакиевский Собор. Тачка. Какая здоровенная. Он мне предлагает одному ее тащить? В такую надо лошадь впрягать...

— Пошевеливайся! — прикрикнул пузан и снова огрел меня палкой. Из глаз полетели искры, больно было, просто жуть! Но ни бросаться в драку, ни огрызаться я не стал. Не время, ох не время еще... Сначала следовало разобраться в ситуации, понять, куда именно забросил меня Повелитель Червей. Да что там! Я пока даже не был уверен, в Петербурге ли я вообще!

Я схватился оглобли и попытался сдвинуть здоровенную телегу с места. К моему удивлению, это оказалось не так уж и сложно. Похоже, тощее тело подростка, в которого я попал, было не таким уж и слабеньким. Вот только еще бы желудок не прилипал к спине от голода...

Я выкатил повозку из закутка в центр просторного помещения. С удивлением обнаружил, что катится она, металлически позвякивая. Будто к ее дну приделан десяток-другой бубунчиков и колокольчиков. Похоже, что это все-таки не конюшня, а что-то другое. А лошадь тут стоит, потому что... Ну, потому что больше поставить негде. Но вот чем занимается мой... хм... хозяин?... я пока не совсем понимал. Пока пузан возился с засовом на воротах, я спешно оглядывался. Ага. Стены из неоштукатуренного красного кирпича. Справа — грубо сколоченные нары. Пустые. Без всяких там удобств, в виде хлипких подушек и убогих матрасов. Самый дальний от входа угол больше всего похож на контору. Там стоял обшарпанный стол-бюро, стул, который когда-то явно украшал собой более богатый дом, но потом его выкинули на помойку, где пузан его и подобрал. Закопченный бок буржуйки. Дверь в стене, наверное, в спальню хозяина. Пара здоровенных сундуков. На досках деревянного пола — слой соломы. Ничего из этого не помогло мне сориентироваться, а в то ли время меня забросил Повелитель Червей. Или сейчас я обнаружу, что вместо жандармог — стража, не генералы, а воеводы, а солдаты носят остроконечные шлемы и вооружены тяжелыми прямыми мечами.

Ворота со скрипом распахнулись. И я торопливо поволок свою повозку на выход.

Узенькая улица. Все тот же потемневший и покрытый мшистыми пятнами красный кирпич. Потемневшее дерево. Кое-как уложенная брусчатка.

Где же я, черт меня возьми?!

Пузан шагал впереди, опираясь на палку. Его длиннополая хламида развевалась на промозглом сыром сквозняке, который гулял по между этими жуткими стенам, похоже, вне зависимости от погоды. Завидев нашу крохотную процессию, замотанные в грязные тряпки нищие уползали в какие-то темные подворотни. А с помятых и пропитых лиц потаскух при одном звуке только бубунцов моей повозки сползали их дешевые блудливые улыбки. Убирались с дороги какие-то темные личности, прячущие лица под тканевыми масками, женщины с тусклыми лицами и пузатыми корзинами испуганно жались к стенам, грязные и оборванные дети расползались по норам, как тараканы на свету.

Я сделал мысленную пометку. Наше ремесло внушает страх.

Гул большого скопления людей впереди становился все отчетливее. Рынок? Или площадь?

Очень хорошо, как только мы выйдем на открытое пространство, все сразу же встанет на свои места. Только вот из-за извилистости улицы мне пока не было видно, что же там впереди...

Тащить тачку мне было все еще нетрудно. Я постепенно принаравливался не наезжать

колесами на торчащие булыжники и обходить на всякий случай лужи, чтобы не завязнуть. Изначально вонь, шибавшая со всех сторон, прямо-таки вышибала у меня из глаз слезы. Такое впечатление, что обитатели этих мест никогда не моются, специально держат самых вонючих животных, устраивают помойки прямо под окнами. И испражняются на любом углу, где припрет. В молодости мне случалось бывать в нищих кварталах. Но знатоком этих мест и завсегдатаем притонов я так и не стал. Раньше казалось, что к счастью. Теперь... теперь вот я понял, что может быть, стоило больше обращать на них внимания.

Узкая улочка закончилась внезапно. Я остановился, и край тачки больно ударил меня в крестец.

— Кит! Кит! — выкрикнул я, не успев вовремя себя одернуть. Но душу захлестнул такой восторг, что поделаться с этим я ничего не смог. В небе над площадью, утыканной грубо сколоченными прилавками, кривобокими ларьками, телегами со снедью, сеном и дровами, гордо поблескивая серебристым боком пролетал величественный дирижабль.

— Что встал?! — прикрикнул мой пузатый начальник и опять замахнулся палкой. Я как будто бы испуганно втянул голову в плечи и потащил повозку дальше. То и дело поглядывая на огромный летающий корабль. В душе пенистым шампанским вскипала радость. Я все-таки попал куда надо. Последнего летучего кита император приказал демонтировать, когда мне было лет пять. Помню, когда я был совсем маленьким, то всегда выскакивал на балкон, чтобы проводить в рейс каждого небесного исполина... И даже плакал, когда мне сказали, что больше я никогда этого зрелища не увижу. За что получил выволочку сначала от отца, а потом от бонны.

А значит сейчас, за несколько лет до моего рождения, дирижабли еще бороздили небеса над Российской Империей, не уступив пока что место нелепым, но юрким самолетам. Длинные и хищные сигары военных, пузатые и неспешные киты рейсовых лайнеров, сдвоенные и кольцевые махины грузовиков.

И еще я наконец-то понял, где я. Этот нищенский рынок — Сенная Площадь. Ее легко можно опознать по часовне Всеблагото Отца, шпиль которой был сейчас покрыт все еще свежей позолотой. А значит дыра, из которой мы выползли — Вяземская Лавра. Пристанище всякого отребья, воря, беглых каторжников и дешевых шлюх. Помесь ночлежки для нищих и притона для всяких темных личностей. В газетах, которые мне на протяжении долгих лет читал светлейший князь-протектор несколько раз сообщали, что эту язву на теле имперской столицы окончательно выжгли, но она все равно возрождалась. Снова и снова. И теперь, получается, я — один из ее обитателей.

Почему я оказался здесь, а не в поместье моего деда — это другой вопрос, который мне еще только предстояло выяснить. Всякие мысли, конечно, закрадывались, но имело смысл разузнать все точно.

На звон нашей телеги народ на Сенной площади тоже реагировал нервно. Оборачивались, сжимались, как будто искали убежище, куда бы спрятаться. Но расслаблялись, увидев, что повозка пустая. Только черная тряпка какая-то на дне.

Моего хозяина... Ох, как же меня коробило даже мысленно так называть этого отвратительного пузатого дядьку, похожего на обрюзгшую свинью на тощих ножках! Но пока я еще не знал, как его называть. Впрочем, ответ на этот вопрос пришел неожиданно быстро.

— Хэй, Пугало! — распахивая народ локтями, к нам спешно шагал рослый подтянутый мужичок с выправкой бывшего военного. У него были вислые седые усы и уродливый шрам

через все лицо. Правый глаз не закрывался, нижнее веко вывернуто так, что кажется, что из под глазом висит капля крови. Одежда тоже выдавала в нем военное прошлое — выцветший синий китель со споротыми знаками отличия, черные штаны и наброшенный на плечи плащ. «Пугало, — мысленно повторил я и бросил взгляд на своего пузатого начальника. — Подходящее прозвище...»

— Здорово, Кочерга, — Пугало остановился и оперся на палку. — Тебе опять что-то от меня надо, раз ты мне опять свои целые зубы демонстрируешь?

— Вот злой ты человек, Пугало! — вояка улыбнулся еще шире. — Не зря тебя люди не любят... Нешто я не могу старого друга поприветствовать, раз заметил?

— И тебе не хворать, коли не шутишь, — буркнул Пугало. — Все? Или кому-то кости перемывать будем, как у друзей и полагается?

— Тут такое дело... — Кочерга замялся и поковырял брусчатку носком сапога.

— Ага, значит все-таки дело! — осклабился Пугало.

— Ой, не язви, — раздраженно отмахнулся Кочерга. — Да, дело. На пять рублей, между прочим!

— И кто тебе нужен на этот раз? — на лице Пугала появилось самодовольное выражение.

— Девушка, — прошептал Кочерга, склонившись к уху Пугала. — Чем моложе, тем лучше.

— Изващенцу какому-нибудь повезешь? — Пугало презрительно сплюнул.

— Обижает, — Кочерга развел руками. — Я такими делами не занимаюсь. Племяш на врача учится.

— Нешто врачам своих трупов не дают? — спросил Пугало. — Кстати, а почему девушка-то?

— Так он женским врачом хочет стать, — важно проговорил Кочерга. — Должен понимать, как у них там все устроено.

— Ты мне чушь не пори, ладно? — взгляд Пугала стал холодным и колючим. — Племяш у него... Выдумает тоже. Откуда у тебя шестой по счету племяш в Петербурге? Ты же из Сартовской области приехал! Зачем тебе на самом деле труп?

— Пугало, ну вот что ты пристал с расспросами? — теперь уже сплюнул Кочерга. — Тебе что, бесхозного трупа жалко? Я тебе деньгами плачу...

— А ты, друг мой, мне нотаций не читай и жизни меня не учи, — назидательно заявил Пугало. — Бесхозные, скажет тоже... Я кому попало трупы не продаю!

— Так нешто я кто попало, Пугало? — на перекошенном шрамом лице появилось выражение горькой обиды. — Мы же с тобой третьего дня бутылочку беленькой уговорили да шансоны на Фонтанке распевали!

— Вот, — Пугало ткнул узловатым пальцем в лицо Кочерге. — А ты мне врешь про племяша!

Я слушал их перепалку, и до меня постепенно стало доходить, чем занимается Пугало. И я, получается, вместе с ним. Мы собираем трупы. Каждое утро мы берем вот эту самую повозку и идем на обход закрепленных за нами улиц. Если находим тело прямо на улице, подбираем. Кто-то платит, чтобы мы забрали мертвого из его дома. После обеда заглядывает жандарм и смотрит, нет ли среди мертвых тел кого важного. Если есть, то забирает. А всех остальных мы к вечеру грузим на повозку и везем к котельную на Фонтанке. В котельной чиновник считает тела и выдает по рублю за каждого. Потом бесхозные мертвецы

отправляются в печь. Только вечером повозку тащит лошадь, а не я.

Мне как-то раньше не приходило в голову, что этим вообще кто-то занимается. Ну что ж, иногда новые знания бывают полезны...

— Так что, мы договорились? — с надеждой спросил Кочерга.

— А ты расскажешь правду, за каким хреном тебе труп? — колючий взгляд Пугало вперился в лицо Кочерге.

— Но это же... между нами, да? — шепотом проговорил Кочерга. Пугало с самодовольным видом кивнул. — Ну ладно...

Глава 2. Кое-что о женских чарах

На этот раз Кочерга говорил так тихо, что подслушать его речь мне не удалось. Сумел разобрать только несколько фраз «ритуал посвящения», «малинник» и «князь Вяземский». Когда тот замолчал, Пугало посмотрел на него странно, а потом расхохотался так громко, что заглушил шум площади, и, кажется, все покупатели, продавцы и зеваки обернулись на нас. Кочерга густо покраснел.

— Мне кажется, тебя разводят, — отсмеявшись, сказал Пугало. — Но теперь ты точно не врешь.

— И? — с надеждой спросил Кочерга.

— Зайди вечером, — кивнул Пугало. — Если своей тачки нет, отправлю Ворону тебе подсобить.

На слове «Ворона» он мотнул головой в мою сторону. Это что ли так меня называют? Запомню, на всякий случай...

И потянулся рабочий день. Оказалось, что легко тащить эту чертову тачку, только когда она пустая. Но вот после того, как мы взвалили на нее тело древней старухи с Большой Подьяческой, безымянного бродяги из подворотни Малинника и размалеванной шляхи с перерезанным горлом, которую нам пришлось вытаскивать из канализационного люка, спотыкаться я стал гораздо чаще.

Мы вернулись домой, сгрузили наш скорбный груз на нары и продолжили. До часа прихода жандарма у нас скопилось восемь тел. Меланхоличный жандарм брезгливо осмотрел их все и махнул рукой. Никто, мол, не нужен, увозите.

И тут у меня случилась передышка, потому что Пугало уселся за бюро и принялся что-то записывать в здоровенной конторской книге. Я забился в ту же самую нору, где и спал, сразу за стойлом лошаденки, чтобы перевести дух, подумать и сжевать, наконец, бутерброд, который сунула мне тайком сердобольная старушка с Большой Подьяческой.

Во-первых, несмотря на усталость и некоторую оторопь от произошедшего, менять свои планы я был не намерен. Да, путь в мир аристократии теперь пока что для меня закрыт, но это же не значит, что нельзя что-то придумать. Времени у меня теперь было предостаточно, что же касается возможностей... Конечно, волею судеб меня занесло в тело тощего подростка, но разум и опыт-то свой я не утратил! Кроме того, теперь меня не сдерживают тюремные чары, а значит моя сила снова при мне. Кстати...

Я собрал пальцы в горсть, приблизил к губам, прошептал три знаковых слова. Раскрыл ладонь. В воздухе над ней едва заметным контуром проступили и тут же погасли линии символа Зело. Я нахмурился. Да, сила моя была при мне, вот только почему такая слабая?

Я снова посмотрел на свое тощее запястье. Ах да... Я же щегол еще желторотый. Дс полной силы мне еще расти и расти. Упрямо закусил губу. Ладно. Ладно. Значит придется

проявить чуть больше смекалки, только и всего.

Дожевав свой бутерброд, я выглянул из своего «загончика». Пугало все еще сидел за столом и скрипел пером по бумаге. Долго оставаться с этим человеком мне совершенно не хотелось. Можно было просто сбежать, но для начала следовало все же выяснить собственный статус. Если я клейменный холоп, то первый же жандарм, которому я попадусь на глаза, моментально вернет меня обратно. Если я батрак, то дело, конечно, упрощается, но просто сбежать глупо. Могу сменить шило на мыло и оказаться в гораздо худших условиях.

Я изо всех сил напряг память, вспоминая то небольшое, что я знал о Вяземской Лавре и прочих окрестностях Сенной Площади. Среди отчаянной молодежи в пору моего развеселого студенчества эти места пользовались популярностью. Сюда ходили в поисках дешевой любви, приключений и просто пощекотать нервы. Правда, потом любителям всего этого приходилось в лучшем случае лечить стыдные болезни и подсчитывать украденные украшения и пуговицы. А в худшем — их тела вылавливали из Фонтанки, распухшие и изуродованные. Но ходить я сюда не любил не поэтому. Мне просто претила тошнотворная атмосфера безысходности, царившая на этих улицах. Смотреть на опустившихся на самое дно людей, только чтобы осознать, как же хорошо я на самом деле живу? Нет уж, оставьте это кому-нибудь другому.

Меж тем, слух-то у меня был, так что разговоры про окрестности Сенного рынка мне слышать, конечно же, приходилось.

Все как один рассказчики заявляли, что это только снаружи кажется, что в трущобах царит сплошной хаос и анархия. На деле же, у этих мест всегда был хозяин. Тот, кто командует местными ворами и попрошайками, следит, тот, кому платят дань все местные харчевни, притоны, скупщики краденного, тряпичники, перешивающие ворованные вещи и прочие обитатели домов, которые занимаются здесь своими темными делами.

Еще один важный момент, который так или иначе всплывал в разговорах — это совершенно неограниченные возможности, таящиеся в доходных домах, улочках и переулках Вяземской Лавры. Мол, это только кажется, что там собрались беспомощные и калечные жители Петербурга. На деле же, если нужно совершить что-то невозможное, то за самыми отчаянными исполнителями шли именно сюда. Редкие ингредиенты, уникальные вещи, запрещенные препараты и прочие товары, которые нигде не найдешь в свободной продаже, здесь могут запросто быть свалены кучей на заднем дворе какого-нибудь грязного притона. С одной стороны, я в эти рассказы не очень верил, с другой... надо бы проверить.

Третий факт из не самых очевидных, который я смог вспомнить, это строгая иерархия, почище аристократической, которой здесь подчинено все и вся. Только в отличие от той же аристократии, равным которым стать не получится, если ты не рожден с определенной фамилией, стать графом или герцогом трущоб может любой человек, у кого достанет мозгов и умения обойти всех остальных. И что власти у этих «аристократов» может быть гораздо больше, чем у какого-нибудь законопослушного обывателя, пусть даже и зажиточного.

Ну и, разумеется, я не мог не вспомнить, что по слухам именно здесь прячутся все попавшие в опалу, беглые с каторги и последователи запрещенных мрачных культов, практикующих человеческие жертвоприношения и прочие мерзости.

Теперь же мне предстояло познать этот новый для себя мир изнутри. Правда, задавать вопросы нужно было осторожнее, чтобы не попасть впросак и не оказаться запертым в приют умалишенных где-нибудь на Пряжке.

— Эй, Ворона! — рывкнул Пугало из-за своего бюро. — Поди сюда!

Я торопливо выскочил из своего закутка.

— Я весь внимание, — тихо сказал я, склонившись над ухом Пугала.

— Смотрите-ка, какие умные слова он знает... — презрительно пробурчал он. Как будто нимало не удивившись. Похоже, что парень, в тело которого я переселился, был для него настолько пустым местом, что он вообще даже не прислушался. — Значит так, Ворона, есть для тебя поручение. Возьмешь вот это, — он пододвинул к краю стола маленький кожаный мешочек, — и отнесешь его в распивочную «Три сороки». Отдать нужно Соньке-Арфистке. Повтори!

— Взять мешочек, найти в распивочной «Три сороки» Соньку-Арфистку и отдать ей, — отрапортовал я.

— Только никому другому! — Пугало погрозил узловатым пальцем. — Скажешь ей, что, мол, Алоизий Макарыч передал. Запомнил?

— Алоизий Макарыч, — повторил я. — Да, Пугало!

— Ты как меня назвал, гаденыш? — немедленно взвился он. — Ты мне что ли друг закадычный или мы с тобой в буру играем по четвергам? А ну-ка повтори, как меня зовут?!

— Алоизий Макарыч... — на удачу сказал я, хотя не был уверен, что эта передача не от кого-то другого.

— То-то же... — Пугало сел на место. — Вернешься, получишь карманные деньги. Все, бегом! Метнулся кабанчиком!

Я схватил мешочек и рванул наружу. Спрашивать, где конкретно находится эта самая распивочная, ясное дело, не стал. Явно же, я должен знать, где это. Значит, разберусь по дороге. Благодаря первому рабочему дню, как-то я здесь все-таки уже ориентировался. Сначала ноги понесли меня на Сенную Площадь. Но уже через несколько шагов меня одолело любопытство. Интересно, что это такое отправил в мешочке Пугало неведомой пока что Соньке-Арфистке?

Я нырнул в какой-то темный отнорок, вытащил из кармана кошелек и аккуратно развязал шнурок. Мешочек был нетяжелый, значит там не монеты. Да и вряд ли Пугало отправил бы малохольного пацана одного деньги куда-то относить. Содержимое издавало сухой стук, вроде деревянного. Я вытряхнул на ладонь несколько предметов, и не сразу понял, что это. Продолговатые штучки белого цвета... Как будто с утолщением на концах. Вроде коротких палочек, размером с треть пальца примерно... И тут до меня дошло. Это же фаланги человеческих пальцев! Я быстро ссыпал их обратно и завязал кошелек.

Поиски немного затянулись. «Трех сорок» не оказалось среди питейных заведений, выходящих на площадь. Знающий человек обнаружился только с третьего раза. Он ткнул мне в арку подворотни, где нужно искать, и я нырнул туда.

В вонючем дворе-колодце, который, кажется, все лошади Петербурга использовали в качестве общественного туалета, я, наконец, обнаружил дверь, над которой было краской крупными буквами написано искомое название. А для тех, кто читать не умеет, были еще нарисованы три черно-белых птицы, которые и в самом деле были похожи на сорок.

Я открыл дверь и спустился по узкой лестнице в подвал, ожидая увидеть мрачный притон с сырыми и покрытыми плесенью стенами и толпой доходяг, глушащих из надколотых стаканов, а то и прямо из бутылок, дешевое пойло, которое воняет еще хуже, чем моча, которой, кажется, поливают землю в этом дворе ежедневно и с утра до ночи.

Не угадал... Причем настолько, что замер столбом на пороге и привлек к себе внимание, кажется, всех посетителей. Никакой плесени и мрачного кирпича. Стены и пол

были устланы цветастыми коврами, с потолка свисали узорчатый мозаичные лампы с длинными красными кистями, вокруг низких столиков на гнутых ножках возлежали на подушках гости. Никто из них не был оборванцем или забудыгой. Трое точно были аристократами. Угадывались фамильные черты Болконских, Бестужевых и Витте. Остальные — просто весьма обеспеченные горожане — дорогие костюмы, запонки на отутюженных рубашках, цепочки от карманных часов...

— Мальчик, тебе чего? — белозубо улыбнувшись спросила черноволосая девушка в красном цыганском платье и с серебряным подносом, уставленным кубками цветного стекла и пузатыми бутылками.

— Мне нужна Сонька-Арфистка, — смущаясь проговорил я. Я понял, что краснею, и взгляд мой, помимо моей воли фокусируется на низком вырезе платья.

— А, ты же Чижик! — цыганка расхохоталась. — Не признала тебя, богатым будешь! Возьмешь меня замуж, как разбогатеешь? Ты же обещал, когда крохой был, помнишь?

Теперь я почувствовал, что покраснело вообще все лицо, до кончиков ушей. Я хотел что-то сказать, но смог только упереть глаза в пол и повторить, что мне нужна Сонька-Арфистка.

— Деловой стал, не могу просто! — цыганка поставила поднос перед компанией аристократов и подошла ко мне. Не успел я опомниться, как она схватила меня за руку и потащила куда-то вглубь заведения, сквозь несколько слоев тонких газовых штор, потом повернула в темный коридор. Я шагал следом на деревянных ногах, а предательский отроческий организм рисовал мне в фантазии картины, как я прижимаю эту черноволосую прелестницу к кирпичной стене, срываю с нее одежду, прижимаюсь губами к ее губам... Отогнать видение у меня никак не получалось, чертово юное тело при приближении этакой красотки вело себя и дико. За долгие годы старческой немощи я успел уже отвыкнуть от этого. Что ж, еще и с этим предстоит разобраться тоже.

— Так что, Чижик, возьмешь меня... замуж? — в полумраке сверкнули ее белые зубы. Она намеренно сделала паузу перед словом замуж, чем вызвала во мне прямо-таки бурю, которая собиралась захлестнуть меня с головой.

— Какая ты быстрая, — чуть охрипшим от волнения голосом сказал я. — Надо сначала товар посмотреть, подумать... Потрогать...

Она снова расхохоталась, быстро чмокнула меня в щеку и, звеня монистами, упорхнула обратно в зал. Оставив меня перед полукруглой деревянной дверью.

Наверное, мне сюда. Я постучал, потом взялся за ручку. Дверь скрипнула и открылась. Изнутри пахло густым жаром и запахами ароматических смол и сушеных цветов.

Ах вот кто такая Сонька-Арфистка... А я думал, что сказки. Что не существует таких давно, сожгли на кострах еще лет триста назад...

К моей удаче, хозяйка этой комнаты не была похожа на встретившую меня цыганку, значит. Она была очень высокая и очень худая. Сложно было сказать, сколько ей лет. Лицо было гладким, без морщин, глаза огромные, как два черных колодца, волосы замотаны черным платком. На шее — множество ниток деревянных и костяных бус, на худых запястьях — кожаные браслеты с выжженными узорами. Простое черное платье без пояса.

— Входи, — сказала она. От ее голоса у меня по спине пробежали мурашки. Он не был каким-то особенным, низким или высоким. Он был... потусторонним. Похожим на тот, которым говорил со мной Повелитель Червей. По ее лицу я понял, что видит она меня не в первый раз.

— Вот, — сказал я, доставая из кармана мешочек. — Вам передал это Алоизий Макарыч.

— Здоров ли старый хрен? — спросила она, не обратив внимания на мешочек.

— С утра был здоров, — осторожно ответил я.

— Заглядывал? — женщина мотнула острым подбородком в сторону мешочка.

— Да, — честно ответил я.

— Эх, любопытствующая молодость! — она вздохнула и протянула руку, чтобы забрать передачку. Когда коснулась моей кожи дернулась резко, схватила меня за запястье. Заглянула в глаза.

По коже пробежал мороз, будто она в самую душу смотрела. Но взгляд я не отвел. Она отвела.

— Что-то странное с тобой, — сказала она задумчиво. — Как будто сила в тебе просыпается. Или... Да нет, ерунда, пустое. Показалось, наверное. Тебя покормить? А тс знаю я, как Пугало тебя кормит. Одни кости остались, в чем только душа держится...

На слове «душа» ее глаза снова затуманились, как будто она о чем-то задумалась. Или о чем-то догадалась.

— Было бы очень здорово, — сказал я, чтобы прервать неловкое молчание.

— Тогда подожди чуть-чуть, я быстро, — она вышла из комнаты через занавеску из длинных ниток деревянных и костяных бус. Шелестя и постукивая они бусы пропустили ее и сомкнулись, так что разглядеть, что было в соседней комнате я не смог. А в той, где она меня встретила, не было ничего примечательного, ничего, что бы выдало род ее занятий, кроме запаха. С другой стороны, символы Черной Троицы — Бабы Скворчи, Бабы Трандычи и Бабы Морочи на стенах никогда не рисовали. Только мукой овсяной или ржаной глухой ночью на мостах и на перекрестках.

— Вот, возьми, — Сонька-Арфистка возникла рядом неожиданно, я даже не успел понять, почему не услышал шелеста бус, когда она в комнату обратно входила. Она что-то вложила мне в руку. Что-то теплое, шершавое и на шнурке. — Может быть, он тебе нужнее, чем мне. А теперь пойдем, я попрошу Рубину на кухню тебя провести и накормить как следует.

При упоминании Рубины краска опять бросилась мне в лицо. Странное это было чувство. С одной стороны, меня бесило, что я не управляю чем-то в своем теле, с другой — это было такое счастье — снова чувствовать себя молодым.

Сонька шла по коридору впереди меня. Но направлялась она не в ту же сторону, откуда мы пришли, а в противоположную, наверное, чтобы видом моим оборванным не смущать публику в зале. А может и своим тоже... Иногда она оглядывалась и странно на меня смотрела. Как будто хотела о чем-то спросить, но не решалась.

Коридор повернул. Потянуло ароматными запахами жареного мяса и специй.

— К матери своей что не заходишь? — спросила вдруг Сонька, когда мы шли по темному коридору. — Загордился или поссорились?

Глава 3. Кое что о целях и средствах, которые они оправдывают

Этот простой вопрос заставил мой мозг прямо-таки взорваться. Что ответить? Презрительно оттопырить губу и отвернуться? Сказать, что не ее дело? Пожаловаться, что много работы, некогда? Но главная мысль, которая затмевала все остальные, была, о том, что МОЯ МАТЬ ЖИВА! То есть, не моя, а этого парня, в голове которого я поселился. Но все же

это ниточка, которая может привести меня к ответу на вопрос, какого черта я оказался здесь, а не в покоях моего бесполезного дяди!

Я буркнул что-то невразумительное и отвернулся. Настаивать на другом ответе она не стала и просто продолжила свой путь на кухню. Не отвлекаясь более на разговоры.

Рубина, увидев меня, лукаво улыбнулась, чем опять вызвала в душе целую бурю эмоций и жар, хлынувший в уши. Но в этот раз я уже был к этому готов. Тело у меня, конечно, мальчишеское, но разум-то нет.

— Конечно я накормлю моего Чижика, как же иначе? — цыгана снова рассмеялась и принялась уверенно порхать по кухне, собирая на стол. — Я сегодня повара отпустила, так что из горячего только остатки вчерашнего жаркого, но есть солонина, свежий хлеб и соус, так что с голоду не помрем.

Я смотрел, как она ставит на стол узорчатую, под стать обстановке заведения, тарелку. Выгребла из котла на плите ароматно благоухающую мешанину из мяса и овощей. Выглядели эти остатки не сказать, чтобы эстетично, но рот мой все равно наполнился слюной. Я смотрел, как Рубина уверенно отпластала хрустящую горбушку от румяной краюхи свежего хлеба. От запаха у меня закружилась голова. Я смотрел, как острый нож вгрызается в бледно-розовую плоть окорока, истекающего ароматным соком... Как тяжелая серебряная ложка в руках Рубины ловит в здоровенной стеклянной банке крохотные яркие помидорки... Как пупырчатые маринованные огурчики укладываются ровным рядком на мозаичной поверхности тарелки... Как льется из стеклянного кувшина вишневым морс...

Кажется, голод оказался еще сильнее, чем моя внезапно вспыхнувшая к Рубине страсть. Я даже не заметил, как ушла Сонька-Арфистка. Теперь в кухне мы были втроем — я, очаровательная задорная цыганка и тарелка с едой.

Я сглотнул, чувствуя, как руки мои дрожат от нетерпения. Теперь главное, не забыть правила приличия. Честно говоря, мне хотелось наброситься на еду и заглотить ее всю сразу, урча и чавкая.

Но я же все-таки аристократ, и не могу себе такого позволить. Даже в момент страшного голода.

Я устроился на широком табурете за крохотным столиком, придвинутым к кирпичной стене. Рубина устроилась напротив, и, блестя глазами, смотрела, как я ем. Смущения от ее дразнящего взгляда отошло на второй план.

— Как быстро ты вырос, Чижик, — сказала она. — Даже как-то неудобно теперь называть тебя Чижиком. Вроде совсем недавно ты был совсем мальчишкой. А сейчас... такой взрослый взгляд. И манеры как у аристократа...

Я молча улыбнулся ей, старательно поглощая еду. Это доставляло мне такое неприличное удовольствие, что мне стоило прямо-таки гигантских усилий, чтобы не застонать. Я понимал, что еда простая. Что в былые времена я бы только презрительно поморщился, узрев такое угощение. Но сейчас мне казалось, что чуть подгоревшее рагу из мяса и картошки, корка свежего хлеба и шмат копченой свинины — это самое вкусное, что я когда-либо в жизни пробовал.

Я перевел дух и сделал глоток компота, чем вызвал новую волну захлестнувшего меня с головой удовольствия.

— Зови тогда Вороной, как Пугало, — сказал я со сдавленным смешком.

— Ну нет! — Рубина снова расхохоталась. — К твоим белокурым кудрям это прозвище совсем не подходит!

Белокурый кудрям? Я вдруг понял, что до сих пор не видел своего лица.

— А давай я тебе погадаю? — вдруг спросила Рубина, и не дожидаясь ответа, схватила меня за руку. — Ах, яхонтовый мой, удивительная судьба тебе уготована! Счастье и горе идут за тобой рука об руку, я вот сейчас рукой взмахну и скажу горю: «Брысь, нечисть желтоглазая!» и останется рядом с тобой только счастье. Ах, какая печаль для несчастной Рубины! Вижу целый хоровод прекрасных женщин в шелке и кружеве, что будут благосклонности твоей искать! Разве смогу я с такими соперничать? Много слез из-за тебя прольется, много сердечек разобьешь...

— Да брось, Рубина, — я попытался вырвать у нее свою руку. Я видел, что ей просто нравится дразнить юного парня. Что она вовсе даже не питает к нему никаких особенных чувств. Кроме, разве что, какой-то материнской симпатии. — Ты же просто выдумываешь все. А денег у меня все равно нет, так что даже если я попадусь в твои кружевные сети, взять с меня нечего...

— Ты и правда вырос, — Рубина перестала улыбаться и посмотрела на меня потемневшими серьезными глазами. Я легонько пожал ее пальцы и улыбнулся одними кончиками губ. Она резко вскочила, так быстро, что мониста зазвенели на ее шее. — А знаешь, что в этой жизни правда важно, Чижик? Деньги! Любовь, честь и достоинство, преданные друзья — все это чушь! Будут у тебя деньги, Чижик, все остальное тоже будет.

Я мог бы с ней поспорить, но зачем? У меня были преданные друзья, честь и достоинство, любовь... И с чем я остался? Безымянный старик на цепи, экзотическое украшение одной из гостиных князя-протектора. И смогу ли я теперь снова поверить, что честь и преданность на самом деле существуют, а не пустой звук? Я шел на Императора под знаменем идеи и высокой цели сделать мир лучше, а проиграл жирному пенсиону и высоким должностям.

А деньги...

Деньги...

Рубина права, вот что. Мне действительно нужны деньги. Много денег. Или даже очень много денег. Когда я обдумывал свой план, я рассчитывал на то, что уж в средствах-то я нуждаться не буду. Моя семья богата. Не как изворотливые нувориши Меньшиковы, конечно, но уж точно могли себе позволить не задумываться том, что у нас будет на ужин из пятидесяти персон.

Мне даже в голову не могло прийти, что я окажусь в теле нищего бастарда в Вяземской Лавре. Этот парень, имени которого я до сих пор не знаю, только два дурацких «птичьих» прозвища, точно какой-то мой родственник, скорее всего, сын деда и какой-то девушки. И родился он позже моего отца, потому что тому сейчас должно быть лет восемнадцать... С другой стороны, хорошо, что я оказался в Петербурге, а не где-нибудь на Кавказе, где мой дед довольно много бывал. Или, скажем, я оказался бы в теле какой-нибудь из многочисленных сестер моей матери. С точки зрения договора — все верно, кровь матери во мне есть, а значит я запросто мог бы сегодня проснуться Лизонькой или Настенькой. И пришлось бы мне учиться обращаться с корсетом, веером, мушками и прочими милыми светскими премудростями, которыми мужчины никогда не забивают голову.

— О чем задумался, Чижик? — Рубина снова уселась напротив меня, глаза ее весело заблестели.

— Да так, о своем... — пробормотал я и встал. — Надо мне бежать уже, а то Пугало с меня живьем шкуру спустит.

Я выскочил из «Трех сорок» гораздо более суетливо и торопливо, чем мне самому хотелось. И попрощался с Рубиной как-то скомканно. На самом деле, мне очень хотелось посидеть на кухне вместе с ней еще, поболтать, пофлиртовать, чтобы обвыкнуться с всплесками эмоций своего юного организма в безопасной компании... Хотя не знаю, почему считал Рубину безопасной. Не исключено, что какие-нибудь аристократы, лишившиеся из-за ее умелой стрельбы глазами и белозубой улыбки кошелек, часов и фамильного перстня, со мной бы не согласились. Но пока я гол, как сокол, я с ней точно в безопасности. «Интересно, а откуда вообще взялось выражение „гол как сокол“? — подумал я. — Ни разу не видел голых соколов...»

Я нырнул в мрачную подворотню Вяземской Лавры. Сумерки сгустились лишь самую малость, летом в Петербурге небо практически не бывает темным, но в закоулках трущоб всегда темно. Даже в белые ночи. Хаотично настроенные доходные дома практически смыкались верхними этажами. А в некоторые из узких проходов между ними едва можно было протиснуться. Не заблудился я только чудом.

— Где тебя носило так долго?! — не поворачиваясь к двери буркнул Пугало. Он сидел на стуле и опять что-то записывал при свете неяркой настольной лампы. — Пришлось без тебя жмуров до слона везти!

— Простите, Алоизий Макарыч, больше не повториться, — не задумываясь, отозвался я и юркнул к себе в загончик. На мое счастье, он был, похоже, так занят, что не стал привязываться и придумывать мне какое-нибудь новое поручение. А мне как раз надо было побыть одному и привести мысли в порядок.

Я прижался спиной к шершавым доскам и обхватил колени. Закрыв глаза. Прошел уже почти день, а я еще ничего не сделал, чтобы приблизиться к своей цели. Меня, конечно, извиняло то, что я осваивался с новым телом и занимался работой, которая неожиданно свалилась мне на голову. Но все же...

Когда я строил планы, сидя за решеткой в Янтарной гостиной Голицыных, мне представлялось, что все это будет сильно проще. Что я буду идти по прямой к своей цели, как бронепоезд... Никуда не отвлекаясь и не сворачивая.

Но отсюда, из загона в конторе труповоза Пугало, моя цель выглядит гораздо менее достижимой. Я поймал себя на желании броситься лицом в тощую подушку, набитую соломой, и разрыдаться, как маленький капризный мальчик. Я же все так хорошо придумал! Почему все вот так?!

— Князь Иоанн Голицын, князь Север Долгорукий, граф Велимир Оленев, барон Ярослав Витте, архонт Всеблагото отца князь Алесь Белосельский-Белозерский... — прошептал я сквозь зубы, чтобы унять этот непрошенный эмоциональный порыв.

Все они еще не родились, их души пребывают в блаженном нигде, прежде чем заселиться в младенческие тела, которые должны появиться в результате счастливых и не очень аристократических браков. Если я собираюсь вмешаться в этот ход событий, то мне перво-наперво нужно выбраться из этих трущоб.

Деньги.

Рубина тысячу раз права, мне нужны деньги. Не пять рублей за проданное на сторону тело девушки раз в неделю и по рублю за труп в котельной, а настоящие деньги. Целое состояние. Разрыдаться от усталости — оно, конечно, может и не повредит, но к цели меня никак не приблизит. Даже с учетом, что мой носитель оказался значительно моложе, чем я рассчитывал, вряд ли его рыдания вызовут хоть у кого-нибудь желание поделиться своим

состоянием. А значит рыдать не имело смысла...

Кстати об этом теле... Я же до сих пор не знаю, как я выгляжу!

Я тихонько выбрался из своего закутка и проскользнул в уборную. Ну, то есть это, конечно, громко сказано... Уборная у Пугала представляла собой крохотный загончик, в котором стояла бочка с водой, таз, кувшин и ночная ваза, больше похожая на обычное помятое ведро. Зато там висело потемневшее от времени зеркало.

Я опять почувствовал непрошенное волнение. Даже пульс в висках застучал. Я выдохнул и сделал шаг вперед.

При тусклом свете, который падал из косого окна я вряд ли смог бы внимательно, до черточки, себя разглядеть. Но пока что не до хорошего, хоть общее представление получить...

Из мутноватого, покрытого черными язвами зеркала с отколотым нижним правым углом на меня смотрел... я. Исхудавший до впалых щек и кругов под глазами, со слипшимися и повисшими сосульками волосами, которые даже в таком убогом виде отливали пшеничным золотом, я был похож на себя в этом же возрасте. Почти как двойник или брат-близнец. Во всяком случае, если вернуть меня в мое отрочество, настоящее, а не как сейчас, то мы с этим парнем отлично могли бы развлечься, воплотив в реальность пьесу про князя и воришку, которые поменялись местами. И пока князь куролесил в трущобах и учился добывать еду, воришка никак не мог справиться с привычкой хватать и прятать ценные вещи.

Я улыбнулся, и отражение улыбнулось мне тоже. Получается, что мне дана вторая молодость? И я смогу прожить еще одну жизнь, исправить собственные ошибки, очаровать тех девушек, которые не обратили на меня внимания, потому что я скромничал из-за отсутствия опыта... Снова наслаждаться вкусной едой, вином, верховыми прогулками и задорными пирушками... А может... Я понял, что теперь улыбаюсь совершенно искренне. Все-таки, проведя почти полвека в немощи, забываешь, как это удивительно — чувствовать что-то, кроме боли.

Мутная вода, которую Пугало не выплеснул после вечернего умывания, вдруг забурлила. От неожиданности я отпрянул и больно стукнулся об доски спиной. Из воды показалась костлявая рука, вместо плоти на которой извивались черви. Пальцы несколько раз щелкнули, сложились в щепоть, потом раскрылись так, словно хозяин этой кошмарной руки требовал плату. А потом рука снова скрылась под водой.

Мимолетная радость угасла.

Намек Повелителя Червей был понятен и прозрачен. За все придется заплатить. Не сейчас, конечно, время расчета еще не настало. Но обманывать своего жуткого благодетеля я не собирался. Значит, пока дело не сделано, нечего и думать о вторых шансах. Потом. Когда у меня все получится... Если останется время...

Я еще раз посмотрел на себя в зеркало. Подмигнул отражению, а потом поднял таз, выплеснул грязную воду в желоб и тихонько вернулся к себе в закуток. Судя по погашенной в главной комнате лампе, Пугало уже уковылял спать. Значит и мне пора. Хотя... Мне же что-то дала с собой Сонька-Арфистка, а я даже не посмотрел, что там такое.

Я полез рукой в карман и достал нечто продолговатое с острым краем на коротком шнурке. Или даже скорее ремешке.

В моем закутке было темнее, чем в уборной, так что внимательно рассмотреть загадочный предмет не удавалось. А творить свет магией я пока что остерегался. Скорее всего, у меня бы получилось, конечно, но всему свое время. Мне еще только предстоит

понять, что из моих сил и умений в этом теле доступно, а что еще только предстоит наработать.

Похоже, что это коготь. Медвежий или кого-то схожего по размеру. А на одной из его граней выцарапан какой-то узор. Я ощущал эту неровность пальцами, но рассмотреть пока что не мог. Что это? Какой-то амулет? Надо будет при свете разглядеть внимательнее...

В этот момент в дверь настойчиво и громко постучали.

С места я не двинулся. Вряд ли в такой час кто-то пришел в гости ко мне. Было слышно, как кровать Пугала закрипела. Как он шаркает тапками по полу, усыпанному соломой и что-то ругательное бормочет вполголоса.

— Кого там еще черти принесли? — сварливо спросил он.

Из-за двери что-то ответили, я не расслышал.

— Утром приходите, придумали тут! — крикнул Пугало.

Голос за дверью произнес длинную фразу, разобрать которую я опять-таки не смог. Мне было слышно только, что там разговаривают, но вот отдельные слова из этого бубнежа вычленить не удавалось.

— Ладно, — буркнул Пугало. Лязгнул засов. Заскрипели ржавые петли. — Давайте, что там у вас... ох...

На несколько секунд повисло молчание. Потом по ушам ударил оглушительный щелчок. И почти сразу еще один. Об доски грузно ударилось что-то тяжелое. Снова закрипела дверь, а потом снаружи раздались торопливые негромкие шаги.

Я не шевелился. Неведомый визитер дважды выстрелил и ушел, прикрыв за собой дверь. Но что там с Пугалом?

Я вскочил, как развернувшаяся пружина и выскочил в комнату. В полумраке было видно, что на полу перед дверью лежить что-то, похожее на большой мешок. Я бросился к бюро и включил лампу. Чертов скряга, не мог нормальный светильник установить? Эта подделка под так любимые аристократами «волшебные фонари» света давала, разве что письменный стол осветить, чтобы было видно, как перо по бумаге ходит. В остальной же комнате стало, кажется, только темнее.

Я бросился к двери и торопливо задвинул засов. Потом присел рядом с Пугалом. Даже в таком свете было понятно, что он мертв. На светлой ночной рубашке расплывалось кровавое пятно. Вторая рана зияла прямо посреди лба.

Глава 4. Кое-что об имперской бюрократии

Лошадь тревожно металась и взвизгивала в своем стойле. Звук выстрелов напугал, это понятно. Скоро успокоится, она старенькая, у нее сил не хватит долго нервничать. Я смотрел на тело Пугала. Он смотрел в потолок удивленно выпученными глазами. Рот сполз куда-то на бок, брыли складками расползлись по шее. В общем-то, мне не было никакого дела до того, кто именно его застрелил. Я не собирался долго находиться в его компании. Впрочем, его смерть, пожалуй что, развяжет мне руки и откроет некоторые возможности.

Раз убийца выстрелил и ушел, значит ему просто сунули рубль и пистолет и сказали адрес. Или вообще только пистолет дали и разрешили потом себе оставить. До содержимого дома этому человеку дела не было. Но это означает, что есть еще и наниматель. Который обязательно заявится, чтобы... Чтобы что?

Я еще раз окинул взглядом обиталище Пугала. Это место было ну никак не похоже на подходящее хранилище спрятанных сокровищ или штаб-квартиру тайного общества. Я,

конечно, могу ошибаться, но что-то мне подсказывает, что в убийстве Пугала никакого грозного секрета нет. Скорее всего, либо его мерзкий характер кому-то надоел, либо... Я вспомнил его разговор с Кочергой. Ну да. Ясно же, что к труповозу из нищего квартала проявляют интерес либо подпольные алхимики, которым нужны человеческие кости, либо антропоманты-шарлатаны, устраивающие сеансы предсказаний на человеческих внутренностях, либо извращенцы всех мастей, про которых даже думать противно. Судя по его манере разговаривать, особой стоворчивостью в вопросе продажи тел кому попало, он не отличался. За что, скорее всего, и получил свои две пули.

«А ведь он принципиальный был тип, надо же! — с некоторой долей уважения подумал я. — Наверняка мог бы раздавать мертвую плоть направо и налево, но даже Кочерге, с которым они, судя по разговору, неплохо приятельствовали, он прямо-таки мозг съел чайной ложкой, прежде чем согласился на сделку...»

А может быть, причина в чем-то другом, и я слишком мало знаю о том мире, в который попал. В любом случае, смерть Пугала для меня мало что меняет... Только если...

Я посмотрел на бюро. Точно. Бумаги!

Кто бы там ни явился, нужно опередить его и изучить содержимое письменного стола.

Конечно же, бюро было закрыто на замок. А ключ... я оглянулся на тело Пугала на полу. Тощие голые ноги торчали из-под ночной рубахи. Нда, вряд ли он носит их с собой. Скорее всего, прячет где-то в своей спальне. Обшаривать ее — бессмысленная потеря времени. Рядом с повозкой был ящик с инструментами, и какие-то железяки из него торчали...

Я быстро метнулся в «хозяйственную» часть конторы. Выхватил из ящика короткий металлический штырь, сплюснутый на конце. Понятия не имею, для чего этот предмет используется, но для моих целей он подходил как нельзя лучше.

Дерево послушно хрустнуло, расщепилось, и дверца бюро откинулась, превращаясь в поверхность стола.

Так. Теперь надо и не спешить, но и рассусоливать не следовало. В бюро у Пугала царил полный порядок. Тусклый свет лампы освещал ровные стопки журналов учета, аккуратно составленные письменные принадлежности — бутылочки чернил двух цветов, коробка с перьями, коробка с карандашами... Один из внутренних ящиков закрыт на ключ. Не задумываясь, сунул в щель железный штырь, тонкая дверца жалобно хрустнула и открылась.

Ага, а вот и то, что мне нужно...

Серьезные документы с официальными имперскими печатями, проложенные для сохранности тонкой папиросной бумагой. Я извлек всю стопку и принялся последовательно переключивать.

«...сим удостоверяется, что помещение в кирпичном доме по адресу... бла-бла-бла... на правах неисключительной собственности... А.М. Гупало сроком на девяносто лет». Хм, неслабо.

Паспортная книжка на имя Алоизия Макаровича Гупало...

Паспортная книжка на имя Демьяна Найденова... Похоже, это мой документ. Согласно ему, мне пятнадцать. Я отложил бумагу в сторону.

Дальше... Ага, батрацкая грамота! Значит, никакого клейма на мне нет, одной заботой меньше... Я прочитал документ внимательнее. Согласно ему, Пугало уплатил за меня приюту семь рублей двадцать копеек, за что я был передан ему в бессрочное пользование с настоящего момента и до совершеннолетия, а дальше — как сам пожелаю. Это надо

уничтожить и заменить другой бумагой...

Проклятье, какая же тусклая эта лампа!

Я, совершенно не задумываясь, прищелкнул пальцами и пробормотал короткое заклинание. Над столом возник шарик яркого света. Ох ты ж! С улицы могут заметить слишком яркий свет в окне. Стекло, конечно, грязное, но если заглянуть, то можно увидеть, чем я тут занимаюсь.

Я погасил магический свет, вскочил и огляделся. Никаких штор, ставень или еще чего-то подобного не имелось. Но это ерунда, одеяло тоже сгодится. Я вытащил из своего закуртка одеяло и приладил его на окно. Снова сотворил светильник. Это было едва ли не первое заклинание, которому нас научили в университете. Чтобы отсутствие света не мешало студентам прилежно грызть гранит науки. Хорошо, значит это тело примитивную магию творить может.

Я направился к столу, но замер рядом с телом бывшего хозяина этого заведения. Оставлять его лежать перед дверью было по меньшей мере глупо. Значит до утра нужно найти какой-нибудь схрон...

Наверняка здесь должен быть холодный подпол или что-то вроде. Надо просто внимательно посмотреть.

Ну да. Сразу за нарами для трупов доски пола немного отличались от всех остальных. При ярком свете было особенно заметно. Я подошел ближе, рассмотрел. Ага, вот тут в щели веревка. Если ее поддеть...

Догадка оказалась верной. Щит, сколоченный из досок, прикрывал тайную емкость в полу, размером примерно как три гроба. Тайник не ахти какой, но сгодится. Я схватил тело Пугала за руки и поволок к этой яме. Завтра он отправится в печь вместе с остальным «уловом». Но до тех пор полежит здесь.

Уф. Тяжелый какой... Я посмотрел на лицо бывшего начальника. Глаза его все еще были открыты, он смотрел на меня как будто с неммым укором. Ну, прости, Пугало. Выпью за упокой души твоей стакан вишневого морса как-нибудь. Наклонился и закрыл ему глаза. Накрыл яму крышкой, запрятал веревочный хвост обратно в щель, накидал соломы, чтобы не привлекать к этому месту лишнего внимания, в том случае, если... Я понятия не имел, кто сюда придет. Но если убийство и впрямь заказное, а не просто месть какого-нибудь лишенца за то, что Пугало недостаточно вежливо с ним поговорил, то гостей стоит ждать прямо с утра. И до тех пор мне надо все закончить...

Я вернулся к бюро. Так, на чем я остановился?

Разобрав последовательно все бумаги. Итак, меня зовут Демьян Найденов, и я числюсь батраком у Алоизия Макаровича Гупало. Мне пятнадцать.

Если утром нагрянет проверка с каким-нибудь канцеляристом, то меня просто вышвырнут на улицу или вернут в приют, потому что шестнадцати мне еще нет. Значит начать следует с того, что подправить немного свой возраст.

Я придвинул к себе паспортную книжку Демьяна Найденова. Так, для начала нужен нож для перьев...

Вообще, конечно, я никогда не был особенным специалистом в подделке документов. Но исправить одну цифру на другую — плевое дело. Любой школьник или студент это умеет. Чуть-чуть подчищаешь, аккуратно выводишь недостающие завитки, посыпаешь песочком... Готово! Как новенький!

Добро пожаловать в совершеннолетние, Демьян Найднов с прочерком в графе «отец».

Кстати, а почему прочерк? Это ведь тоже можно исправить!

Я обмакнул заточенный кончик пера в чернильницу и, подражая почерку неизвестного канцеляриста, выписывавшего этот документ, вписал в пустую графу отчество «Алоизович». Эх, осиротел ты только что, Демьян Алоизыч! Папку твоего тать в ночи застрелил...

Теперь батрачья грамота... Не нужна, уничтожить ее немедленно! Я приблизил бумагу к губам, прошептал нужные слова и подул. Лист без звука и дыма распался в невесомую пыль.

Сделано.

Дальше.

Я взял чистый лист бумаги и задумался. До бюрократической реформы, установившей четкие стандарты по гражданским документам, еще лет двадцать, а то и больше. А до этого никто особенно не следил, как оформлены те или иные бумаги. Унифицированы были только паспорта и патенты. В остальном я сейчас волен насочинять всего, что моей душе угодно. Никому никогда дела не было, как там оформляют сделки и договоры те, у кого к фамилии нет приставки «князь», «граф», «барон» или иного обозначения принадлежности к дворянскому сословию. Чтобы написать, к примеру, верительную грамоту себе от князя Вяземского, мне потребуется его печать. А вот изобразить на бумаге усыновление Алоизием Макаровичем Демьяна Найденова — это запросто!

«Сим удостоверяется, что отрок Демьян Найденов, имеющий паспортную книжку номер такой-то, является моим сыном, похищенным цыганами еще во младенчестве. Поелику я счастлив от воссоединения семьи, то завещаю моему вновь обретенному отпрыску...»

Я выводил каждую букву, подсматривая на почерк Пугала в одной из конторских книг. Вообще-то, этот предмет назывался «каллиграфия». И подражать нам нужно было вовсе не чужому почерку, разумеется. Что, впрочем, не мешало нам во студенчестве регулярно грешить подделыванием писем от преподавателей, убегая в самоволку в кабак.

Я смахнул песок с готового документа и критически посмотрел на него. Слишком уж новеньким выглядит. Подозрительно. Надо бы чуток подправить.

Я потер края листа бумаги пемзой, надорвал край, сложил вчетверо. Потер об штаны. Расправил, разгладил. Надо бы пятно какое посадить что ли?

Потратил еще несколько минут, чтобы придать поддельному усыновительному акту достоверный вид. Перелистал документы еще разок, чтобы убедиться, что ничего не забыл. Можно было бы, конечно, еще и завещание отдельно написать. Но я решил, что незачем. Умирать Пугало не собирался, других детей у него, судя по документам, не было. Да даже если и были... В любом случае, всякие тяжбы о наследстве — дело небыстрое, а мне всего-то надо выиграть несколько дней.

Я сложил все бумаги аккуратной стопочкой и вернул на место. Взломанный замок, конечно, может вызвать подозрения, но как-нибудь справлюсь. Надеюсь, когда дело дойдет до обысков, меня уже не будет в этой грязной конуре.

Я придиричиво осмотрелся, затер кровавое пятно на полу в том месте, где лежало тело Пугала, и погасил магический свет.

Контора снова погрузилась в темноту.

Я направился сначала обратно к своему закутку, но остановился. Можно же не спать теперь на этом клопами засиженном матрасе! Наверняка спальня Алоизия Макарыча устроена с большим комфортом!

Особой роскоши за дверью не нашлось. Там была квадратная комната с узкой кроватью

у стены и большим шкафом у другой. Окно прикрыто простецкой занавеской из рогожки, над изголовьем кровати — положенная на бок восьмерка Всеблагото Отца и путанка из прутьев и перьев, отгоняющая плохие сны. Я хихикнул. Да уж, похоже, Пугалу было все равно, чьей благодатью пользоваться — новомодной всеобщей веры или старых духов-покровителей.

Хотя если он всю жизнь занимается тем, что возит на повозке мертвые тела, то не мудрено, что ему хочется что угодно сделать, лишь бы во сне тем же самым не заниматься. Вот уж кто насмотрелся...

Последнюю мысль я додумывал, уже засыпая. Стоило мне положить голову на подушку, как глаза сами собой начали слипаться.

Разбудил меня требовательный стук в дверь. Ну вот, началось!

Я вскочил и поплелся открывать. По дороге старательно зевал и тер глаза кулаком, изо всех сил изображая полнейшую безмятежность.

— Кого там принесло еще? — сварливо буркнул я, подражая манере Пугала.

— Ээээ... — за дверью замешкались, потом кто-то между собой пошептался, потом голос зазвучал еще менее уверенно. — Алоизий Макарыч?

— Батя уехал час назад по делам в Петергоф, — еще более сварливо сказал я. — Вечером приходите!

За дверью снова зашептались, теперь уже громче. Похоже, пришло два человека. И один из них, собственно, тот кто стучал, был не в курсе, что именно он должен тут увидеть. И требовал разъяснений от второго. Второй громким шепотом науськивал. Во всяком случае, я отчетливо услышал слова «этот щегол врет».

— Мальчик, открой немедленно дверь! — строго сказали снаружи. — Я чиновник третьего класса, мне надо убедиться, я меня есть право осмотра дома, если что-то вдруг что-то случилось!

— Так у меня ничего не случилось, — сказал я и громко зевнул. — Сейчас позавтракаю и пойду на работу. А вы мешаете!

— Не смей мне дерзить, маленький гаденыш! — прошипел человек за дверью. — Немедленно открой!

— А откуда я знаю, что ты и правда канцелярская крыса, а не бандит какой-нибудь? — спросил я. — Документы свои мне в окно покажи!

— Зачем тебе документы, ты же читать не умеешь! — выкрикнул второй голос. Незнакомый. Мужской, но сварливый, с истерической ноткой.

— Ну как хотите, некогда мне с вами тут болтать... — я потоптался на месте, делая вид, будто отхожу от двери.

— Мальчик, стой! — кулаки снова забарабанили по двери. — Если я покажу документы, ты откроешь дверь?

— Валяй, показывай, — я снова громко зевнул и подошел к окну. С той стороны на меня таранилось длинное лошадиное лицо, подбородок которого упирался в жесткий воротник черной чиновничьей формы. Он держал в руке какую-то бумагу, но сквозь грязное стекло буквы было не разобрать. За его спиной маячил еще один человек. Невысокий пузан с круглой лысиной, обрамленной клочками пегих волос. На плоском как блин лице выделялся только нос картошкой багрового цвета. Настолько нелепый, что казалось, что его у основания стянули бечевкой.

— Вот, видишь?! — бюрократ потряс своим документом. — Я сотрудник Спасского

полицейского округа по гражданским делам Супонин Митрофан Георгиевич. Должен убедиться, что у тебя все в порядке. Открывай дверь!

— Ну ладно, уговорил, — хмыкнул я. — Только быстро, а то мне работать надо.

Этих двоих я не боялся. Даже примитивной магии, которой владеет практически каждый дворянин чуть ли не с пеленок, мне будет достаточно, чтобы обратить этих двоих в бегство. Может быть, конечно, рядом с дверью, прижавшись к стене, семеро громил только и ждут, чтобы я отодвинул засов, но это вряд ли. Если бы планировался налет на труповозную контору, его бы довели до конца еще ночью.

Дверь скрипнула и распахнулась. Длиннорожий бюрократ переступил порог и бесцеремонно отодвинул меня с дороги. Быстро и пристально оглядел помещение. Толстячок вкатился следом, подозрительно прищурился и бросил злой взгляд на меня.

— Я же говорю, у меня все в порядке, — сказал я, еще раз зевнув и потеряв глаз. — Убедились? Могу я теперь позавтракать? Батя мне велел одному сегодня работать...

— Что еще за батя? — визгливо взвился толстяк.

— А ты кто вообще? — развязно сказал я, чтобы мой вопрос можно было счесть как, собственно, требованием предъявить документы, так и оскорблением и намеком на «выметайся из чужого дома, толстяк!»

— Я же говорю, он врет! — толстый упер руки в жирные бока и исподлобья посмотрел на меня.

— Я вру? — как будто неподдельно удивился я. — Но у меня и правда все в порядке, ну, разве что я проспал чуть-чуть...

— Куда, ты говоришь, делся Алоизий Макарыч? — спросил бюрократ.

— В Петергоф уехал по делам, — я пожал плечами.

— Ты точно в этом уверен? — бюрократ вожделенно уставился на бюро. Я его прикрыл, так что отсюда не видно было, что замок сломан.

— Так я за ним когда дверь закрывал, он мне подзатыльников надавал и велел идти работать, — сказал я. — А я спать завалился, подумал, что на пять минуточек. Вы же не скажете, что я спал еще, когда вы пришли?

— Что ты плетешь, Ворона?! — заверещал толстяк. — Ты куда тело дел?!

Глава 5. Кое-что о классовом неравенстве

Повисла тишина. Лицо бюрократа еще больше вытянулось, только по его протокольному выражению было не очень понятно, это он меня порицает или в первый раз слышит, что есть какое-то еще тело.

— Тело? — я похлопал глазами. — Какое тело? Батя сказал мне, что на Садовой вроде нужно забрать какого-то старичка, но так-то я обход еще не начинал, вот сейчас позавтракаю, и...

— Да никакой он тебе не батя! — круглое лицо толстяка побагровело и сравнялось по цвету с носом. — Он врет! Да посмотрите же на него, Митрофан Георгиевич!

— Мальчик, сколько тебе лет? — вкрадчиво спросил бюрократ.

— Шестнадцать, — ответил я. — Я уже взрослый, вы не смотрите, что тощий, это я просто еще не позавтракал.

Про завтрак я сказал специально. Мне нравилось смотреть, как толстяк прямо-таки закипает от злости. Ну что ж, кто был заказчиком ночного убийства — понятно. Видимо, план был такой: толстяк втюхивает канцеляристу, что слышал что-то подозрительное, надо

бы проверить. Тащит его к дому, в расчете на то, что у порога валяется бездыханное тело Пугала. Забрать-то его некому, это его работа, а он сам мертвый лежит. И раз уж все так сложилось, толстячок невзначай под руку чернильной крысе скажет, что «это так печально, кто же будет заниматься таким нужным делом в нашем районе?»...

— А можно посмотреть твои документы? — еще более вкрадчивым голосом сказал бюрократ. Толстяк тоже порывался что-то сказать, но длинная рожа Супонина стала настолько кислой, что он прикусил язык.

— Пожалуйста, — я дернул плечом. — Вы садитесь вон там, на сундуке. В ногах правды-то нет.

Толстый опять открыл, было, рот, но канцелярист, судя по всему, двинул ему в бок локтем. Он сдавленно пискнул, и ничего не сказал. Они оба послушно направились к указанному сундуку и взгромоздились на него. Пока шел к бюро я слышал, как они шепотом о чем-то спорят.

Я открыл бюро, вынул пачку документов и, не торопясь, вернулся к этим двоим. Бюрократ немедленно нацепил на нос очки и принялся шелестеть бумагами. Толстяк пытался заглядывать ему через плечо.

— Ну что ж, Демьян Алоизович... — сказал он, пожевав губами. — Это все бумаги? А что насчет приходной книги?

— А у тебя допуск-то есть, крыса чернильная? — ровным тоном спросил я. Да, я не очень хорошо помнил табель о рангах столетней давности и знаки различия чиновничьих классов. Но кое-какие знания на этот счет у меня в голове все-таки были. Приходные книги и прочие финансовые документы могли просматривать только по особому распоряжению налогового департамента. И чиновники с довольно высоким классом. А эта лошадиная рожа, сдается мне, прозябает в жалком чине канцеляриста в должности какого-нибудь клерка.

— Что ты... — лицо бюрократа еще больше вытянулось. От возмущения он стал похож на выброшенную берег рыбу и забыл все подходящие случаю слова.

— Что я что, Митрофан Георгиевич? — я злорадно улыбнулся, но подумал, что вряд ли эта улыбка на подростковом лице вызовет эффект. Надо бы немного добавить авторитетности. Я незаметно прищелкнул пальцами за спиной и одними губами проговорил формулу. В общем-то, «Эффект Медузы» совершенно безвредная штука, но на неподготовленные мозги способен оказать весьма шокирующее действие. Так и получилось. Бюрократа вжало в стену, казалось, он бы даже рад был через нее просочиться или забраться в сундук. Понятное дело, что мелкий клерк из трущоб мало имел дело с аристократами. Серьезного чиновника из какого-нибудь Адмиралтейства такой ерундой не проймешь. Но Супонину оказалось достаточным поднимающейся за моей спиной едва заметной тени с шевелящимися змеями вместо волос и вспыхнувших на мгновение красным светом глаз. Заклинание слабенькое, рассчитано только на одного. Толстяк ничего не заметил, и не понял, что это произошло с таким вроде бы уверенным в себе бюрократом.

— Что это с вами? — невинным голосом спросил я, забирая бумаги из ослабевших пальцев бюрократа. — Перегрелись на солнце? Может вам водички принести?

— Ннет, — деревянно ответил бюрократ. На самом деле он неплохо держался. Во всяком случае, не трясся, как мелкие брехливые собачонки, модные среди пожилых дворянок. Он явно все еще был в шоке, но вроде как овладел собой и сделал некоторые выводы. И продолжать давить на меня явно больше не собирался.

— Значит, мои документы в порядке? — безмятежно спросил я.

— В полнейшем, Демьян Алоизович, — ответил бюрократ и осторожно сполз с сундука.

— Эй, что еще за шутки?! — возопил обманутый в лучших чувствах толстяк. — Что значит, в порядке?! А разве он не должен получить патент на свое имя?!

— Как признанный сын держателя патента, нет, не должен, — чеканно ответил бюрократ.

— Да никакой он ему не сын! — рожа толстяка еще больше побагровела.

— Его документы говорят обратное, милейший, — бюрократ бросил тоскливый взгляд в сторону двери.

— Но где тогда Пугало? Может он подтвердить эти самые документы?! — толстяк неловко спрыгнул с сундука и встал между бюрократом и дверью.

— Обратитесь в сыскное бюро, — раздраженно бросил бюрократ, пытаясь обойти толстяка. — Дайте уже пройти! Вы меня пригласили быть чему-то свидетелем. Я пришел...

— Но Ворона врет, я точно это знаю! — снова повторил свой аргумент толстый. — И Пугало ни в какой Петергоф не уехал, что ему делать в Петергофе?!

— Послушайте, — бюрократ устало стащил с носа очки и сунул их в карман. — Или говорите уже, что вы имеете в виду, или перестаньте морочить мне голову. Мне надо работать... Да и Демьяну Алоизовичу тоже.

Я мысленно поаплодировал и своей выходке, и быстрой соображалке чернильной крысы. Сначала он испугался, но быстро сложил один плюс один и решил, что ссориться с аристократом, пусть даже бастардом на непонятно каких условиях и по каким причинам засевающим в этой клоаке всея Петербурга, ему хочется сильно меньше, чем послать по матери какого-то мелкого дельца. Собственно, обращение «чернильная крыса» тоже было в каком-то смысле паролем. Такое обращение к служителям формуляров и протоколов могли позволить себе только дворяне. Он, конечно, может стукнуть куда следует... Но это было бы важно только в том случае, если бы я планировал прилежно заниматься очисткой бедных кварталов от мертвых тел и дальше.

— С моим батей что-то случилось? — тревожно спросил я, сверля толстяка взглядом. — Вы что-то знаете?!

— Ах ты гаденьш... — прошипел он, и пальцы его скрючились, как будто он уже схватил меня за шею и душит. Понимаю тебя, жирный, я бы тоже злился, если бы мои планы расстроила какая-то блоха.

— Немедленно прекратите, — угрожающе проговорил бюрократ. — Ваше поведение заставляет меня думать, что вы нездоровы...

Я стоял перед толстяком и смотрел ему в глаза, готовый в любой момент отскочить в сторону, если ему вдруг все-таки придет в голову на меня броситься. Тот весь трясся от бешенства, глаза его налились кровью, как у взбесившегося быка, пальцы сжимались и разжимались... Ну?

Он отвел взгляд первым. Решимость таяла на глазах, краска с лица отхлынула, напряжение спало. Сходство с быком осталось в прошлом, он снова стал похож на безобидного пузана, только на лице теперь появилось выражение несправедливо обиженного ребенка.

— Всего хорошего, Митрофан Георгиевич, — я распахнул перед незваными гостями дверь и вежливо склонил голову. Бюрократ вышел первым, едва заметно кивнув. Потом толстяк. Перед тем, как я захлопнул дверь, он успел бросить на меня полный ненависти и подозрительности взгляд. «Добро пожаловать в клуб, жирный, — подумал я. — Ты мне

правишься еще меньше. И за жизнь Пугала ты еще заплатишь...»

Я задвинул засов, привалился спиной к двери и выдохнул. Ну что, ж, первый раунд я выиграл, несмотря даже на сублильный внешний вид и наряд оборванца.

Но игра еще не закончена. Теперь надо найти сбережения моего так называемого отца и избавиться от тела.

Некоторое время я в раздумьях простоял над повозкой. Как-то не очень авторитетно будет выглядеть, если я впрягусь в нее сам. Так что я решительно направился к лошадиному загону.

Кляча не особенно обрадовалась перспективе работать, но особенно не возражала. Пришлось некоторое время повозиться с упряжью, чтобы разобраться, как вся эта конструкция устроена. Мне раньше приходилось иметь дело только с седлами, все эти хомуты и супони не входили в обязательный набор навыков дворянина.

Впрочем, ничего особенно сложного и непонятного в этом не оказалось.

Я похлопал смиренно перенесшую возню неопытного запрягальщика лошаденку по крупу. Накинул для вящего эффекта хламиду Пугала и напялил его шляпу с обвисшими полями. Видок у меня наверное тот еще теперь... Хотя точно не хуже, чем без этого антуража труповоза.

Если кто-то и удивился, что вместо Пугала на промысел собирателя трупов вышел тощий юнец, то ничем это не проявил. Заслышав звяканье моей повозки, прохожие привычным образом старались с моего пути убраться, разглядывать, кто там сейчас конкретно сопровождает страшную телегу, никто не стремился.

Я обошел почти весь вчерашний маршрут, заглядывая в сливные колодцы и темные подворотни. Улов мертвецов оказался невелик. Бродяга в рванине, которого я сначала принял за кучу мусора, а потом некоторое время еще сомневался в том, что он мертв. Очень уж густой запах перегара над ним стоял. Молодой парень, младше меня даже, явно убитый в уличной драке. И дремучая старушка, тело которой, похоже, просто выволокли из дома и бросили. Каких-то внешних признаков насильного умерщвления не было — ни следов на шее, ни проломленного черепа. Похоже, она скончалась просто от старости, а соседи или наследники решили не заморачивать похоронами, мол, приедет труповоз и сам заберет.

Я немного волновался насчет визита жандарма. Но тот даже не спросил меня, куда делся хозяин. Посмотрел на мою добычу. Кивнул со скучающим видом, и ушел. Интересно, а если бы на нарах среди остальных лежал труп Пугала с дыркой посреди лба, он бы как-то иначе отреагировал? Или опять покивал бы с неизменной безразличностью на лице и ушел? Непыльная у него тут работенка, как я посмотрю... С другой стороны, а зачем ему напрягаться? Очевидно же, что у него в конторе есть некий розыскной лист. Если какой-то труп подходит под описание, то он его и забирает. А если запроса нет, то зачем создавать себе лишний повод для телодвижений, когда можно просто вернуться к себе, сесть на стул и продолжить читать газету?

В животе урчало, напоминая, что я так и не поел, но это потом, потом. Сначала нужно было завершить начатое, а уже потом...

Я снова повесил на окно одеяло. Не хватало еще, чтобы какой-нибудь беспризорник с улицы подсмотрел, как я вытаскиваю из тайника под полом тело Пугала и корячусь, закидывая его на нары, а потом растрепал о том, что видел, всем окрестным сплетникам...

Оставалась одна проблема — лицо. Вряд ли чиновник, который принимает тела в котельной, не удивится, увидев одним из своих клиентов того самого мужика, который

обычно эти самые тела привозит. Да еще и спробитой головой. Можно было взять нож и изуродовать его до неузнаваемости, но почему-то не хотелось. Как-то склочному, но принципиальному Пугалу удалось завоевать мое уважение, хоть и после смерти. Значит настало время проверить, могу ли я творить что-то кроме примитивной магии.

Сам по себе «Резец Пигмалиона» не особенно сложен, можно даже к себе применять, если перед зеркалом встать. Другое дело, что результат напрямую зависит от скульпторских навыков. А то очень легко можно сотворить вместо нормального лица козью задницу. Думаешь, что всего-то нос хотел укоротить и подбородок сделать помужественнее, а на выходе получаешь приплюснутую пипку и утиный клюв. Держится эффект, конечно, всего-то двенадцать часов, но отменить изменения нельзя. Придется половину суток ходить с тем, что налепил.

Интересно, сработает ли заклинание на трупе?

Я вызвал знак «Зело». Он замерцал едва заметно, как и в прошлый раз. Эх, много же усилий мне потребуется, чтобы вернуть свое прежнее могущество! Ну ладно, может и этой струйки магии будет достаточно. Мне и надо-то всего лишь минутку...

Я склонился над лицом Пугала и прошептал формулу «резца». Кончики пальцев заискрились. Ага! Все-таки работает! Как-то, но работает!

Усталость навалилась сразу же. Каждый миллиметр движения пальца отнимал столько сил, как будто я пытаюсь продавить гранит.

К середине задуманных манипуляций я был насквозь промокшим от пота и дышал, как загнанная лошадь. Я вытер лоб рукавом, чтобы глаза не заливало, но продолжил.

Теперь на лице Пугала не было дырки от пули, брыли не висели по бокам лица, как уши у спаниеля, а превратились в жизнерадостные круглые щеки. Я немного повозился с глазами, но ровно не получилось, в результате один глаз остался полуоткрытым, как будто мертвец за мной подглядывает. На последнем издыхании я выдавил ямочку на подбородке и рухнул на пол.

Искры и сияние погасли. А я упирался кулаками в пол и пытался унять взбудораженный желудок. Если бы мне было чем блевать, то я бы уже залил тут этим весь пол.

Сухие спазмы сотрясали мое тело, комната кружилась, как бешеная карусель, в глазах темнело. Хорошо, что хоть сознание не потерял...

Когда вся эта круговерть меня отпустила, и я снова смог подняться на ноги. Не очень твердо, держась за нары, я подумал, что это никуда не годится, конечно. Примитивная магия фактически может оперировать только иллюзиями, разрушить ей можно разве что лист бумаги или, скажем, носовой платок. Глаголица, основа основ магической науки, при грамотном применении способна на очень многое, вплоть до боевого применения при должной фантазии. Но вот доступна она становится только в более зрелом возрасте. В университете на первом курсе мы не практиковали, а только учили знаки и жесты. Практические занятия начались на третьем. И я не припомню, чтобы они настолько выматывали... Впрочем, третий курс — это двадцать один год. А мне сейчас шестнадцать. Ну, то есть пятнадцать, если верить паспортной книжке. А то и еще меньше, возраст могли завесить, когда продавали. А на вид я подросток подростком. Угроватый, руки и ноги длинные, ладони кажутся слишком большими из-за худобы запястий... Это все можно поправить нормальным питанием и физическими упражнениями. Но возраст подправить нельзя. Магия — это тебе не близорукий бюрократ, которого можно обмануть парочкой умело нарисованных закорючек. Она же не глазами смотрит. И не в паспорт вовсе...

Я наконец решился отцепиться от нар и проверить, могу ли я стоять без поддержки. Голова еще слегка кружилась, но я мог! Все-таки, молодость — это удивительная вещь! Как мало мы ее ценим, пока юные. И совершенно не задумываемся, как быстро все заживает, как легко восстанавливаются силы, и как жадно мы впитываем знания и умения.

Я посмотрел на результат своих стараний. Красавца из Пугала, конечно, не вышло, но я и не пытался. Но опознать в трупe бывшего труповоза было уже нереально. И вместо дырки на лбу было корявое родимое пятно. Полностью стереть ее мне все-таки не удалось. Я сунул руку в карман, и пальцы мои снова наткнулись на теплую поверхность подарка Соньки-Арфистки. Почти забыл про него. А с ним ведь тоже предстоит еще разобраться...

Сонька-Арфистка! Идея вспыхнула в голове, как фейерверк на Стрелке Васильевского острова в День военного флота. Если я не ошибся, и она действительно мамячка, как называли всех служительниц Черной Троицы, значит в ее силах должно быть помочь мне стать старше. Баба Скворча может принять в жертву несколько лет, а Баба Мороча — состарить. Во всяком случае, считается, что они могут. Правда, как и у всякой грозной магии, у прямого вмешательства в судьбу и нити жизни, тоже есть цена...

Я дал себе мысленный подзатыльник. Отдохнул? Вот и займись делом. Надо четыре тела погрузить на повозку и довезти их до котельной. А про планы свои я подумаю на обратной дороге. Как и с когтем этим разберусь...

В дверь постучали, когда я перетаскивал третье по счету тело — благоухающего сивухой бродягу. Теперь уже нечего было волноваться, что Пугало кто-то узнает, так что я смело распахнул дверь, даже не глядя, кто там.

Худую женщину, с замотанной в платок головой и увешанной многочисленными бусами, я узнал сразу же. Сердце от радости даже подпрыгнуло — вот же она, судьба! Сама пришла, значит идея была верной!

— Алоизия Макаровича нет дома, — с тупеньким видом сказал я.

— Я не к нему, — сухо произнесла женщина, сверля меня своим жутковатым темным взглядом. — Я к тебе.

— Вообще-то мне надо еще в котельную тела отвезти... — задумчиво проговорил я. Тут женщина неуловимым движением приблизилась вплотную и схватила меня за запястье.

— Кто ты такой? — спросила она, пристально глядя мне в глаза.

Глава 6. Кое-что о личных тайнах и второй жизни

Пауза затянулась. Мрачные глаза Соньки-Арфистки сверлили мое лицо, словно стремясь прожечь насквозь, проникнуть в самое нутро и достать из моей головы то, что как ей кажется, я скрываю. Я, не мигая, смотрел на нее, почти физически ощущая, как прогибается панцирь моей защиты. Кровь аристократического рода надежно хранила меня от подобных бесцеремонных вторжений, но сопротивляться было, прямо скажем, нелегко. Если бы в свое время я поддался на убеждения Белосельского-Белозерского и отказался от Щура-хранителя в пользу Всеблагого Отца, то сейчас стены чертогов моего разума уже давно пали. Разлетелись бы под натиском жрицы Черной Троицы, как хрустальный фужер от высокой ноты.

Отступила. Отвела взгляд своих чудовищных черных глаз. Но руку мою не отпустила.

— Так кто ты такой? — повторила она.

— Что значит, кто такой? — решил сыграть дурачка я. Просто чтобы оттянуть время. Прежде чем переходить в наступление, нужно все-таки понять, какими аргументами она

располагает. Только лишь житейская проницательность и обостренное злыми старухами чутье? — Это же я. Демьян Найденев. Чижик или Ворона, как тебе больше нравится...

— Я знаю Чижика с самого рождения, — глаза Соньки стали похожи на узкие щелочки. — Ты кто угодно, только не он. Он бы кинулся в драку при одном упоминании матери. А ты обрадовался, просиял, как начищенный пятак.

— Случается, знаешь ли, переоценка ценностей... — неопределенно ответил я.

— Он не смог бы сопротивляться, — уголки ее тонких губ слегка дернулись.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — я гордо вздернул подбородок. Мое подростковое тело слишком волновалось, сердце заколотилось, пальцы начали отчетливо подрагивать. Прежний я боялся Соньку. Но показывать ей это я не собирался. Собственно, я отпирался, только чтобы понимать, с чем я все-таки имею дело. Возможно, чтобы усыпить ее бдительность, мне следовало бы начать хныкать, канючить и ползать перед ней на коленях.

— Ты думаешь, я жалею о маленьком говнюке? — усмехнулась Сонька. — Ничуть. Этот паршивец спустил бы на меня цепных псов Всеблагородца Отца, если бы его хоть кто-то воспринимал всерьез.

Я промолчал. Очень соблазнительно было поверить в ее слова сейчас, но это вполне могло быть уловкой, чтобы вывести меня на чистую воду. А точно определить, правду она говорит или лжет, ее морщинистые покровительницы хранят ее не менее надежно, чем мои. Меня так и подмывало начать задавать вопросы. Спросить о своей матери. Вежливо прощупать вопрос о так необходимой мне сейчас услуге. Но открывать рот я не торопился, пока до конца не понял отношения этой женщины. С ней нужно быть ох каким осторожным! Она может стать хоть и опасным, но незаменимым союзником, но как враг она способна на такие немыслимые каверзы, что и представить сложно.

— Я давно подозревала, что ты какой-то дворянский бастард... — Сонька отпустила мою руку и подошла к груженной трупами телеге. На меня она больше не смотрела. — Есть что-то такое в лице... Как его грязью ни замазывай. Так ты знаешь, кто твой отец?

— Сонька... — начал я, потому что вечно отмалчиваться все равно не получится. Так или иначе мне придется затеять нужный мне разговор. — Со мной случилось что-то странное...

— Да что ты говоришь?! — с поддельным удивлением воскликнула она. Коснувшись пальцем носа одного из трупов. Ни тени брезгливости или страха. С другой стороны, что еще можно ожидать от женщины, которая носит бусы из человеческих костей?

— Кажется, я стукнулся головой и потерял сознание, — неуверенным тоном начал я. — А когда очнулся, то понял, что ничего не помню. Кто я, чем занимаюсь... Но рассказывать Пугалу ничего не стал, чтобы он не сплавил меня в желтый дом. Сделал вид, что все по-прежнему. Как-то подстроился. Пугало поверил. Рубина вроде тоже поверила. А вот тебя провести мне не удалось.

— Ну-ну... — Сонька склонила голову на бок, с весьма ироничным видом. Не похоже, чтобы она мне верила. — И откуда же ты узнал, что тебя зовут Демьян?

— В паспорте прочитал, — быстро ответил я. — Подгадал момент, когда Пугала дома не было, и...

— Чижик никогда не умел читать! — длинные пальцы Соньки замерли над исправленным лицом Пугала. Между бровей пролегла тонкая морщинка недоумения.

— Значит ты права, и я больше не Чижик, — зло бросил я. Нужно было немедленно отвлечь ее от трупов на телеге! Не хватало еще, чтобы она каким-нибудь хитрым

черномагическим финтом свела на нет результаты, которые мне так дорого стоили. — И еще я теперь могу вот так...

Я медленно свел ладони перед своим лицом, едва заметно пошевелил губами, и между руками заплясали тонкие голубоватые молнии. Это были не молнии, конечно. И даже не искры. Просто светящееся подобие. Иллюзия, лишь слегка холодившая ладони. Но нужный эффект этот финт возымел, Сонька оставила трупы в покое и шагнула ко мне. Ирония и настороженность в ее взгляде сменилась на любопытство пополам с опасением. Она может быть сколь угодно знающей и проницательной, но вряд ли ей известно, что магия в аристократах сама по себе проснуться не может. Не бывает так, чтобы ударился головой и проснулся с могуществом. На каждом этапе требовался сложный ритуалы инициации, а потом — долгие часы зубрежки и тренировок. Так то в каком-то смысле «заделать» бастарда с простолюдинкой было совершенно безопасно. Если его не извлечь из трупов и не обучить, то он так и останется ничем и никем. Но сказки, конечно, ходили всякие. И сами аристократы не спешили разубеждать плебс в их несоответствии действительности.

— Значит не врала твоя мать все-таки... — в темных колодцах глаз Соньки отражались отблески пробегающих между моими ладонями молний.

— Послушай... — я опустил руки, и искристое сияние погасло. — Мне нужна помощь. Очень нужна. Только сейчас мне очень надо закончить работу. Если я не отвезу трупы в котельную, то к утру они начнут страшно вонять. Кроме того, вон тот в тряпках, кажется, умер от холеры...

— От самогона он умер, — уголки губ Соньки снова дрогнули. — И что же за помощь тебе нужна?

— Сонечка, милая, я клянусь, что расскажу тебе все, — взмолился я, глядя на нее снизу вверх. — Только давай не прямо сейчас, а? Если я опоздаю, то...

— А куда делся Пугало? — перебила меня женщина.

— В Петергоф с утра уехал, — брякнул я.

— В Петергоф? — брови Соньки опять сошлись на переносице.

— Да не знаю я, куда он делся! — почти выкрикнул я, позволив эмоциям подросткового тела взять верх над своими. — И мне плевать, если честно. Чем меньше его вижу, тем меньше затрепачиваю. Так я приду к тебе вечером?

— Приходи, — она медленно, как бы нехотя, кивнула. — Только заходи со стороны кухни, а не в главный вход. Вечером у Рубины самая гульба начинается.

— Заметано, — торопливо покивал я, почти выталкивая Соньку за дверь.

— Так ты все-таки знаешь, кто твой отец? — она успела подставить ногу, прежде чем я захлопнул дверь.

— Знаю, — буркнул я. Даже если я сейчас скажу ей свою фамилию, ничего не изменится. Все неприятности моего рода еще не начались. Открывать ей всю правду я не собирался, а вот «бросить кость» было бы неплохо. Так что, почему бы и не сказать ей эту фамилию? Я открыл рот, но вместо человеческого языка из него вырвался громкий вороний грай.

Я захлопнул дверь и привалился к ней лбом. Не хотел показывать Соньке свою реакцию. Сказать, что я был ошарашен — это ничего не сказать. Этого просто не могло быть. Наложённые на меня в будущем чары, никак не могли переместиться сквозь время. А это значит... Я не знал, что это значит.

До слона, котельной с четырьмя могучими трубами на Фонтанке, я добрался без

приключений. Лошадка понуро волокла повозку, груженую накрытыми черной тканью трупами. Спешащие по Московскому проспекту прохожие в мою сторону старательно не смотрели, а я не смотрел на них. Голова моя была занята совершенно иными мыслями. Самостоятельно проверить, на какие именно темы наложены чары у этого тела я не мог. «Вороний грай» срабатывал только при наличии слушателя.

Хм... Пожалуй, теперь я понимаю, откуда у этого мальчишки взялось прозвище «Ворона». Но это означало и еще кое-что. Что он не был просто неизвестным бастардом, плодом однократного греховного соития моего деда с какой-то местной девицей. Это значит, что в судьбу его уже вмешивались аристократы. И наложили запрет по меньшей мере на одну важную вещь — называть фамилию того рода, чья кровь течет по его жилам. А значит настоящий Демьян Найденов знал, из какой фамилии происходит. И еще черт знает что он мог знать. Вряд ли по молодости лет он замешан в большом количестве тайных дел, но какие-нибудь обязательно всплывут в самый неподходящий момент. По закону подлости.

Я крепко сжал палку, на которую опирался. Сухое дерево жалобно хрустнуло. Что ж, буду играть теми картами, которые мне розданы.

Ворота котельной распахнулись перед моей повозкой раз, даже не понадобилось в них стучать. Я хлопнул сонную лошаденку по крупу, и она обреченно потащилась по мощеному кирпичом двору.

— О как, Ворона! А ты почему один? Где Пугало? — раздался откуда-то сверху и сбоку чей-то бодрый и веселый голос.

— Он уехал куда-то с утра, — я решил больше не уточнять про Петергоф. Но и других мест тоже не называть, чтобы если вдруг разные люди, которым я рассказывал историю Пугала, встретятся и решат обменяться информацией, не нашли в ней противоречий. Я закурил головой, выискивая хозяина голоса. Он обнаружился на строительных лесах. Сравнительно молодой мужичок с пышными усами и клетчатой кепочке на такой же пышной шевелюре. Все одежда заляпана пятнами краски.

— Это он зря, сегодня Волынин дежурит, — хмыкнул маляр.

— А он будет не против принять груз у меня? — спросил я. — А то я ждал-ждал Алоизия Макарыча, а он все не идет и не идет...

— Да что ж он будет против-то? — мужичок подал одним плечом и обмакнул здоровенную кисть, больше похожую на метлу, в ведро с краской. — Денег тебе не отдаст только.

— Ага, — кивнул я.

— Куда поехал-то? — маляр заржал. — Дорогу что ли забыл?

— Ой... — я трусливо втянул голову в плечи, и попытался сориентироваться быстрее. Ага, вот туда мне, даже створ уже открыт.

Упомянутый усатым Волынин налетел на меня почти сразу же, как только я вошел. Он ухватил меня за руках почти волочащейся по земле хламиды и оттащил в сторону.

— Ворона, просто прекрасно, что ты сегодня один! — громким шепотом затараторил невысокий, может чуть-чуть выше меня, субъект с хитровой рожей и крысиными усиками. — Я уже думал, что придется тебя отдельно вылавливать. А это та еще задача, Пугало почти спускает с тебя глаз.

— А трупы... — заикнулся я, как только он сделал небольшую паузу, чтобы набрать в грудь воздуха.

— Да забудь! — Волынин махнул рукой. На мизинце его остро сверкнул кровавым

камнем перстень, совершенно не подходящий ему по статусу. — Кочегары разберутся, не первый день работают. Сколько сегодня?

— Четверо, — сказал я, не особенно понимая, что происходит, но старательно делая вид, что не удивлен.

— Маловато что-то, — покачал головой Волынин. — Запишу, что шестеро было. И еще четыре рубля докину сверху, за хлопоты. Идет?

Он уставился на меня, явно ожидая только положительного ответа. Я кивнул. Тот ухмыльнулся, радостно потер руки и полез в карман.

— Вот, держи, специально рублевыми ассигнациями, — Волынин сунул мне в карман несколько мятых бумажек. — Только Пугалу отдай четыре, чтобы все честно было. А подпись я сам подделаю, нехитрое дело...

— А сделать-то что надо будет? — спросил я.

— Все как в прошлый раз, — Волынин приблизился вплотную и зашептал мне прямо в ухо. — Подмещаешь вот это Пугалу в еду или питье завтра вечером, чтобы он спал всю ночь как убитый и ничего не слышал. Проследи, чтобы к полуночи засов был открытым. Все понял? Не подведешь?

— А когда я подводил? — я развел руками.

— И то верно, — Волынин похлопал мне по плечу. — Ну вот, справились мои дармоеды с твоей ношей. Можешь забирать свою клячу и топать домой. Завтра ночью, запомнил? И сам не высовывайся, а то зашибут еще случайно.

— Да понял я, — я сунул руку в карман и нащупал на его дне склянку длиной и толщиной в мизинец.

— Хороший мальчик, — Волынин снова похлопал меня по плечу. — Далеко пойдешь!

Да уж, с каждым часом все дальше. Что-то мне все меньше и меньше нравился этот Демьян Найденов. Еще какие-то темные дела за его душой обнаружили... Впрочем, не все ли мне равно? Тело Пугала уже облизывают языки огня в циклопической печи, виновные в его гибели вряд ли пойдут к жандармам и громко доказывать, что Алоизий Макарович Гупало был застрелен на пороге собственного дома, а потом испарился неведомо куда, требуется срочное расследование, мол. Я даже усмехнулся. Интересно, что за дела у этого Волынина в помещении труповозной конторы? Надо будет обустроить себе пункт наблюдения, вдруг эти неведомые темные дела за спиной у моего ныне мертвого начальника могут мне как-нибудь пригодиться?

Но каков жук этот парень, а? Времени даром не терял, не смотрите, что выглядит задохлик задохликом...

И «Вороний Грай» этот еще...

Так, хватит. Можно, конечно, попросить у Соньки-Арфистки призвать душонку этого парня из-за завесы и расспросить как следует, что еще за грязные тайны он оставил мне в наследство, вот только если он и впрямь имел дело с служителями Всеблагото Отца, то, боюсь, Баба Мороча вместе со всем своим недобрым могуществом, может и не справиться с этой задачей.

Уже сворачивая с Сенной Площади в грязную темную подворотню Вяземской Лавры, я снова подумал про Соньку. Про культ Черной Троицы я знал довольно много. В университете нам очень подробно и в деталях расписывали историю этого явления. Как в начале семнадцатого века эта древняя жуть вдруг снова подняла голову и со скоростью морового поветрия заполнила все захолустные деревни. Капища в форме одиноко стоящих

печей, выросли как поганки в сырую погоду. Год был голодный, так что небогатые крестьяне с радостью несли своих младенцев в жертву жутким старухам, а увешанные с ног до головы бусами из дерева и костей наплясывали им за это их врагам то мор на скотину, то нашествие саранчи, а то и вовсе безвременную смерть. Добрые дела злые старухи творить были не то, чтобы неспособны, просто за каверзами к ним обращаться куда легче. Это с тех самых пор вышел указ, повелевающий обязательный снос бесхозных печей. И ежели в какой деревне сгорит дотла дом, то печь после этого законопослушные селяне должны были разнести по кирпичику, чтобы рядом не завелась мамячка.

Наш преподаватель по «древним культам» сначала отбарабанил общий курс как по учебнику, но потом приказал всем закрыть тетради и от себя добавил еще кое-что. Что, вполне возможно, сами по себе мамячки, как и сама Черная Троица, вовсе даже не злые. Есть версия, что это те же самые пряжи судьбы, что греческие мойры или скандинавские норны. Вот только дремучим людишкам гораздо милее нагадить ближнему, чем заняться своей собственной судьбой. Они просили, мамячки, соблюдая условия договоров, выполняли. За что их потом и выжгли безжалостно всех под корень. Тридцать лет рыскали ищейки Всеблагото Отца, вынюхивая пряный запах черного колдовства, доступного только женщинам, овдовевшим до тридцати лет. Тридцать лет костры полыхали по всей Российской Империи. Тридцать лет чиновникам всех ведомств приходилось разбирать объемные мешки доносов...

Я распряг лошаденку, имевшую вид понурый и несчастный. Наполнил ее кормушку, долил в поилку свежей воды. И перевел дух. До заката у меня оставалось немного времени, можно было потратить его, чтобы найти, наконец, где Пугало хранил свои сбережения. А заодно может и собственный тайник обнаружить.

Глава 7. Кое-что о деньгах и подходящих аргументах

Я убедился, что мое побитое жизнью одеяло все еще прикрывает единственное окно на улицу, сотворил несколько светящихся шариков и запустил их под потолок. Чтобы понять, где тут могут быть тайники, требовалось много света и подумать.

Итак, просторный зал, явно задумывавшийся как каретный сарай или что-то подобное. Грубая перегородка отделяет «хозяйственную» часть — с загоном для лошади, моей «спальной», уборной, местом хранения повозки и инструментов. В дальней части — черная дверь, ведущая такой узкий переулочек, что не всякий взрослый там сможет протиснуться.

«Парадная» часть труповозной конторы Пугала состояла из нар, практически сразу за входными-въездными воротами, и бюро с когда-то весьма презентабельным стулом. Дощатые нары были такого размера, что там вольготно и с комфортом можно было разместить около тридцати трупов. А если немного потеснить, то и до полусотни. Видимо, с расчетом на эпидемии или уличные войны жуликов и бандитов. Еще вдоль стен стояло три больших обшарпанных сундука. На двух из них замка не было, а вот третий был закрыт на новенький блестящий висячий замок с знаменитым клеймом, похожим на птичью лапу. Шведский замок. Говорят, при виде такого воры грустнеют и идут своей дорогой, потому что подобрать отмычку к такому невозможно. В чем там фокус, я никогда не знал и не разбирался, я и более простой замок не открою без ключа. Использование отмычек в наш университетский курс не входило. Поэтому с него я и решил начать.

Просунул в щель сундука узкий конец той самой металлической палки, которая уже помогла мне вскрыть бюро, и хваленый замок вместе с петлями оказался на полу.

Совершенно нетронутый и все еще запертый, разумеется.

Я распахнул крышку и осмотрел содержимое. Интересно, что из этого хлама оказалось достойным дорогущего шведского замка? Вышитая по краю скатерть, явно старая, в пятнах. Музыкальная шкатулка. Тоже старая. У балеринки на крышке отломана нога. Я покрутил колесико. Зазвучала нежная мелодия привязчивой песенки про милого Августина. Шахматы. Доска явно фабричного производства, и вот фигурки самодельные. Выполнены нарочито грубо, но с таким мастерством, что у даже выражения лиц у пешек легко себе представить.

Чем дальше я вынимал предметы из сундука, тем больше понимал, что это такой «ларь памяти». Некоторые вещи были женские, и парочка детских. Похоже, когда-то у сварливого Пугала все-таки была семья.

Взяв в руки резную детскую погремушку, я почувствовал некоторую неловкость. Будто как тать вторгаюсь в чью-то частную жизнь, которая никак меня не касается. Трогаю то, чего не должны касаться чужие руки. Прости, Пугало. Я правда не со зла.

Подавив порыв немедленно сложить весь этот трогательный, но бесполезный мусор обратно в сундук, я все-таки довел дело до конца. Подобные сундуки сплошь и рядом имели двойное дно. Где как раз и может прятаться самое интересное.

Не прогадал. Простукал дно рукоятью найденного в этом же сундуке сломанного ножа, обнаружил, что звук слишком звонкий. Поддел одну из дощечек.

Ага, а вот это уже похоже на какую-то добычу. Прочный кожаный мешочек, намертво перемотанный шнурком. Развязать сходу не получилось, так что я, не задумываясь, перерезал его обломанным лезвием.

Золотые часы на толстой золотой цепи. На крышке была выгравирована дарственная надпись, но кто-то варварски зацарапал имя получателя. Два перстня, с изумрудом и рубином. Три тяжелые золотые монеты с знаком Всеблагого Отца. Я усмехнулся. В такие вот кругляши храмовники переплавляли разное пожертвованные им золотые предметы, а потом хранили их в подвалах и криптах.

Сунул находки себе в карман и сложил остальные вещи обратно в сундук. Закрыв крышку. Надо будет поискать ключ от этого замка. Неплохая вещь, может пригодиться.

Я вышел на середину комнаты и еще раз осмотрелся. И так, где бы я прятал свои сбережения, если бы был Пугалом?

Через пару часов обшаривания и простукивания углов, мне удалось обнаружить три тайника. Самый простой — на задней стенке бюро был приклеен конверт с ассигнациями на общую сумму шесть сотен рублей. Всего после беглого обыска я стал богаче на семьсот двадцать два рубля. Не бог весть что, конечно, но для начала неплохо. Во всяком случае, можно сменить эти убогие тряпки, место которым на ближайшей помойке, на пристойный костюм.

Я погасил светляков и выглянул в окно. Почти темно. Время к полуночи. Пора было идти в «Три сороки».

Ночной Петербург разительно отличается от дневного. Даже летом, когда темнота практически не сгущается, разве что ненадолго, примерно в районе полуночи. Но нежная акварель белых ночей лишь чуть-чуть смягчает темную изнанку имперской столицы. В десять вечера пушка на Петропавловской крепости бабахает, и город как будто напяливает уродливую маску, чтобы неузнанным творить всякие непотребства. Или скидывает, как знать...

Причем неважно, где именно ты встретил ночные часы — на чопорной Дворцовой

набережной, шумном Невском или покрытых копотью и гнилью трущобах вокруг Сенной площади. Разительная перемена все равно набросится на тебя, как рыночный зазывала на свежего посетителя.

Вяземская Лавра днем выглядит местом унылым и убогим. Оно полно тоскливых глаз, неприкаянных детей, безысходности и печали. Прохожие прячут друг от друга взгляды, и только заунывное нытье попрошаек нарушает дневной покой этого места. Интересно, у кого они здесь выпрашивают подаяние? У таких же бедолаг, как и они сами? Я слышал, что среди петербургских нищих существует табель о рангах, и чем выше твой статус, тем «жирнее» место для попрошайничества можно выбрать. Значит ли это, что те, кто просят подаяние внутри стен Вяземской Лавры нагрели настолько сильно, что ничего более прибыльного для них не нашлось? Или у этих убогих какие-то совсем другие задачи?

Я вышел на улицу и тщательно запер дверь. Тот, кто строил этот дом, отлично продумал момент, что отсюда может как выезжать карета, так и выходить человек. И чтобы человеку выйти, необязательно было открывать ворота. Для этого была предусмотрена небольшая дверь-калитка, вырезанная прямо в одной из створок. Правда, соседний дом построен так близко, что выехать из ворот могла только совсем крошечная повозка, вроде нашей...

Было темно. С разных сторон Вяземской Лавры раздавались развеселые нетрезвые выкрики. Где-то горланили песню на неизвестный мне мотив, но явно фальшиво. Визгливо и манерно смеялись шлюхи. Я тенью скользнул вдоль кирпичной стены, не особо опасаясь за свою жизнь или кошелек. Все мои сбережения были относительно надежно рассованы по разным углам конторы, а жизнь... Ну, ее не так просто отнять. Да и незачем. Нынешний мой внешний вид неотличим от тех ночных тараканов, которые выползают с закатом в поисках зазевавшихся подвыпивших прохожих, за чей счет можно было бы пожить. Да и не ищет местная шпана добычи в этих убогих стенах. Уходит на промысел в более перспективные районы, сюда возвращаясь только затем, чтобы отпраздновать успех или обмыть неудачу.

Черный вход в «Три сороки» был открыт. За дверью на трехногом табурете сидел здоровенный детина с каким-то очень детским лицом, и гонял грязноватым пальцем фишки «пятнашки». Услышав скрипнувшую дверь, он потянулся к прислоненной рядом с табуретом к стене дубинке, но, увидев меня, хватать ее не стал, только буркнул что-то, видимо означающее приветствие.

Я прошел по коридору и осторожно постучал в дверь Соньки-Арфистки. И пока там несколько секунд царило гробовое молчание, я успел подумать, что до сих пор не знаю, почему ее называют Арфистка. Никакой арфы в ее комнате не было. Разве что она прятала инструмент за шторой из бусин...

Дверь распахнулась так резко, что я даже отскочил. Шагов ее я не слышал.

— Я думала, ты не придешь после твоей выходки, — прохладно сказала Сонька, отступая в прятный сумрак своей комнаты.

— Это была не выходка, Сонька, честное слово! — с тревогой в голосе сказал я. Долго обдумывал сегодня, как бы мне повести себя. Я не особенно волновался, что она узнает правду обо мне. Даже при всей ее пронизательности, правда была бы слишком уж безумной догадкой. Кроме того, мое тело сейчас — это подросток. Практически ребенок, да еще и худой. А при виде таких у женщин, даже самых странных, возникает иррациональное желание позаботиться, накормить и уберечь от неприятностей. Мать-природа как могла позаботилась о брошенных птенчиках. А значит и играть следовало растерянность и недоумение. Ну, и иногда «топорщить перышки» в типичной отроческой браваде.

— Не выходка, правда! — я умоляюще уставился на нее немигающим взглядом. — Кажется, кто-то что-то сделал со мной, и теперь, когда я пытаюсь рассказать про... кар-кар-кар!

Я беспомощно развел руками. Брови Соньки сошлись на переносице тонкой складочкой.

— Не понимаю, как такое возможно... — проговорила она. «Конечно, не понимаешь, — подумал я, глядя на нее доверчиво и беспомощно. — Это все-таки из области высшей родовой магии».

— И с памятью моей тоже какая-то петрушка творится, — продолжил я. — Что-то я вроде бы помню, но... Сонька, ты можешь мне помочь?

— Помочь? — переспросила она. Похоже, я все-таки не очень убедительно играю беспомощного ребенка, о котором надо срочно позаботиться. Или у нее с материнскими чувствами все сложно. — Не представляю, как я могу тебе помочь с этим. Ты не помнишь, кто это сделал?

— Я почти ничего не помню до того момента, как вчера проснулся, — сказал я почти искренне. — Ты можешь мне... погадать?

Последнее слово я выделил, понизив голос до заговорщической интонации.

— На картах раскинуть что ли? — насмешливо спросила она. — Как цыганка? Это тебе надо Рубину попросить, она мастерица этого дела...

— Да нет же... — я сцепил пальцы рук. Похоже, я как-то неправильно веду разговор. Она явно не хочет идти мне навстречу. А мне казалось, что я так хорошо все продумал! Ах да! Она же говорила, что этот маленький говнюк, в смысле я, сдал бы ее служителям Всеблагото Отца... А сейчас я прошу ее, фактически, раскрыться. Сделать для меня такое, за что любой адепт Всеблагото Отца отправить ее гореть на костре. Даже сейчас, хотя со времени охоты на мамячек прошло уже около двух сотен лет. Боюсь, я бы тоже отнесся с недоверием к такой просьбе. — Ты же первая сказала, что я изменился. Я изменился. Как я могу доказать тебе, что говорю правду, а не пытаюсь тебя подставить?

— Никак не можешь, — сказала она и неожиданно шагнула вперед. Она была выше меня, но глаза ее как-то оказались напротив моих. И я понял, что тону в них. Вязкий мрак глубоких черных колодцев затягивает меня куда-то в бездну, как омут тащит тебя на дно. Кажется, я пытался сопротивляться. И даже кричал. Но все мои трепыхания значили не больше, чем желания и чаяния щепки, попавшей в бурный поток.

Знахарка, я думал, да?

Волна древней равнодушной силы захлестнула меня с головой. Воздух как будто вышибло из груди полностью, черная жижа паники почти поглотила меня. Почти.

Я понял, что снова могу дышать.

Ничего больше на меня не давит и не выкручивает меня в разные стороны.

Стремительный поток хтонических сил выбросил меня на песчаный берег и отхлынул.

Я осознал, что лежу ничком и рот у меня забит мелким песком.

Опереться на руки, поднять голову и оглядеться.

Вокруг, насколько хватало глаз, из покрытой ряской и тиной болотной жижи торчали уродливые стволы мертвых деревьев. За моей спиной беззвучно катились черные воды. Касаться этой воды не хотелось совершенно.

— Хи-хи, — произнес дребезжащий надтреснутый голос. — Какой смешной. Решил обжудить судьбу.

Я быстро повернулся. Готов поклясться, что секунду назад там еще никого не было.

А теперь на песке стояло три скамейки, и на каждой восседало по бабке. Это были самые уродливые старухи, которых я видел в жизни. У первой был длиннющий крючковатый нос с огромной бородавкой на конец. Из бородавки в разные торчали толстые волосины. Лицо было похоже на печеное яблоко — такое же коричневое и морщинистое. Эта она говорила. И смотрела при этом одним глазом.

— Кто там, Скворча? — сказала вторая старуха. К ее скамейке было прилажено колесо прялки. Она иногда толкала его ногой, то крутилось и издавало треск, как будто за что-то цеплялось своими спицами. Когда она подняла правую руку, я понял, за что. Ноготь ее безымянного пальца был длинным, почти с сам палец. И как будто отливал металлом. На месте глаз у нее были глубокие черные провалы. Нос был обычный, с горбинкой. Зато рот выдающийся. Когда она шевелила его длинными тонкими губами, ее лицо делалось похожим на жабье. — Дай мне тоже посмотреть!

— Почему это тебе вперед? — сварливо спросила третья старуха. Глаз у нее тоже не было — пергаментная кожа век затягивала глубокие провалы пустых глазниц. Морщин, в отличие от остальных двух бабок у нее почти не было. Кожа обтягивала череп так туго, что, казалось, вот-вот разойдется по швам.

— Замолчите обе! — продребезжала первая. — Он ко мне пришел!

— Как он может к тебе прийти, если он еще не родился? — голос третьей звучал глухо и очень низко, от него в животе как будто становилось пусто.

— Ах-ха-ха-ха! — если закрыть глаза, то вторую, с ужасным жабым ртом, можно было бы вообще принять за молодую. — Если он не родился, то как сюда попал? Скворча, дай мне глаз, я хочу увидеть, что ты меня не обманываешь.

— Наполовину старик, наполовину мальчик, — задумчиво продребезжала первая, раскачиваясь на своей лавке. — И что же ты от нас хочешь, коли явился?

Я открыл, было, рот, но тут же прикусил язык. На этот вопрос отвечать нельзя. Заскровчат, затрандычат, заморочат и выкинут. Нашел, мол, золотых рыбок, туз крапчатый.

Но что нужно было делать точно, я не знал. Да и никто не знал. А те, кто знает, помалкивал.

— Ничего не надо, — говорю. — На красоту вашу полюбоваться заглянул.

— Врешь ведь! — сказала Трандыча, но ее жабий рот расплылся в улыбке.

— А если и вру, нешто ты жандарм? — я подмигнул Скворче. — Ну все, идти мне пора, вот что. Полюбовался, пора и честь знать. Дела, понимаете, заботы всякие.

— Эй, как это пора?! — заверещала Трандыча и дернула Скворчу, чей глаз все еще сверлил меня своим пронзительно голубым зрачком. — Отдай глаз, старая карга!

— Еще чего! — Скворча отдернула руку. — Сегодня моя очередь.

— Твоя очередь была, когда этот добрый молодец еще не пришел! — колесо прялки закрутилось и задребезжало. — А теперь все договоры недействительны!

— Это чего это недействительны? — Скворча попыталась гордо выпрямить горбатую спину. — Очень даже действительны!

— Ах ты курва-оторва, опять все себе заграбастала! — Трандыча заголосила так, с деревьев начали падать сухие мертвые ветки. — А ну отдай глаз! А не то...

— А не то что, пень ты слепошарый? — смех Скворчи звучал так, будто на железную сковороду высыпали горсть гвоздей. — Как ты меня догонишь на хромой-то ноге?

— Аааах! — Трандыча выбросила руку вперед и схватила Скворчу за седые клочковатые

патлы, торчавшие из-под серого криво повязанного платка.

— Чтобы видеть тебя, мне глаз не нужен, — раздался у самого моего уха низкий потусторонний шепот. Меня с ног до головы обдало ледяным холодом, будто кто-то распахнул рядом со мной дверь склепа. Костлявые пальцы Морочи пробежались по моему лицу, едва касаясь. Ее безгубый рот шевелился, как будто шепча молитву.

— Пойдем со мной, мальчик-старик, — сказала она, и от ее голоса мои внутренности опять будто бы наполнились пустотой... — Полюбезничаем, пока мои сестры спорят.

Глава 8. Кое-что о своевольных потусторонних силах

Серые ветви мертвых деревьев расступились. Из покрытой ряской и тиной воды поднялись убегающей куда-то вглубь гнилого болота дорожкой черные угловатые камни. Баба Мороча сжала мои пальцы до хруста, другой рукой подобрала подол ветхого серого платья и помчалась вперед, перескакивая с камня на камень как девчонка.

А за спиной вопили, верещали и вырывали друг у друга клочья седых волос сцепившиеся в клубок Скворча и Трандыча. С каждым шагом вглубь мертвого болота их голоса становились все глуше, пока не исчезли совсем.

Корявые сучья расступились, дорожка из черных камней привела нас на идеально круглый островок сухой земли, покрытый жестким ежиком серых, будто покрытых пылью стеблей. Баба Мороча отпустила мою руку, упала на четвереньки и обежала это место кругом, принюхиваясь, как собака. Потом встала в самом центре и повернула слепое лицо ко мне. Скрестила на груди руки.

Земля задрожала. С мертвых деревьев посыпались сухие сучья. Взвыл и заплакал ветер. Кожу мою снова обдало ледяным холодом. Пыльного цвета трава зашевелилась, выпуская из недр земли шесть грубых деревянных истуканов. Они медленно становились выше, при каждом их рывке земля сотрясалась, словно норовя сбить меня с ног.

Когда головы истуканов поднялись выше Морочи почти вдвое, хлипкий островок посреди болота перестало лихорадить. Земля перестала быть похожей на палубу утлого суденышка в штормовом море, ветер остановил свою заунывную песню, а Баба Мороча снова шагнула ко мне и уцепилась за мою руку.

— Это капище судьбы твоей, — прошептала она прямо мне в ухо низким потусторонним голосом, обдав мою щеку могильным холодом своего дыхания. — Ты возвел на нем этих идолов, и теперь тебе придется им служить, пока пламя забвения не пожрет каждого из них.

“Но почему их шесть?” — подумал я и шагнул к первой фигуре, вырезанной из цельного бревна благородного красного дерева. Рубленый прямой нос, мужественный подбородок. Пальцы мои коснулись теплой шершавой поверхности, и лик идола наполнился жизнью.

— Говорят, если перед экзаменом в нагрудный карман спрятать веточку папоротника, то знания из головы не вылетят, — Иоанн прищурился и запустил по водной глади озера плоскую гальку. — Восемь! Рекорд!

— Веточку цветущего папоротника? — серьезно спросил я. — Семь, а не восемь!

— Цветущий папоротник — это миф, — Голицын назидательно поднял палец. Его голос уже тогда был удивительным. У всех остальных мальчишек голоса ломались как-то бестолково, то сипели, то рычали. И только голос Иоанна звучал так, будто он проповедь от имени Всеблагото Отца читает. — Его придумали, чтобы завлекать легковверных девиц в лес

ночной порой.

— И как, ты завлек хоть одну? — с подначкой спросил я.

— Эй, что еще за допрос?! — Голицын изобразил на лице крайнюю степень возмущения, но щеки его порозовели, а уши так вообще стали ярко-алыми. — Неприкосновенность частной жизни? Нет, не слышали...

“А потом мы засмеемся”, - подумал я, отдернув руку.

— Ты мне помогаешь, Мороча? — спросил я, оглядываясь на тощую старуху, пристроившуюся за моим левым плечом.

— Ах вот как все было... — сказала она, склонив голову набок, будто к чему-то прислушивалась, и совершенно не обращая внимания на мой вопрос. Видимо, я сделал еще не все, что должен был.

Я шагнул к следующему истукану. Светлое дерево светило изнутри, как будто на поверхность его светили солнечные лучи. Но никакого солнца на низком небе, клубящемся свинцовыми тучами, конечно же не было. Мои пальцы коснулись тонкой линии на щеке, единственного изъяна на безупречно вырезанном лице.

— Да переставляй же ты ноги быстрее, Север! — я его тащил, а он упирался.левой рукой зажимал щеку, из-под пальцев струится кровь.

— Я не могу предстать перед твоей сестрой в таком виде! — красивое лицо молодого княжича Долгорукого исказилось. — Это так невыносимо глупо...

— Вот дурак! — я топнул ногой в сердцах. — Она заштопает тебя так, что от шрама ничего не останется.

— И что она будет обо мне думать, когда узнает, что я напоролся на свою же саблю? — он отвернулся, струйка крови прочертила ломаный ручеек по его запястью и расплылось красной кляксой на белом манжете рубахи.

— Если мы еще чуть-чуть поспорим, то этот уродливый шрам останется с тобой до конца жизни, — я обошел своего приятеля и подтолкнул его к двери. — Хочешь, я скажу, что на нас напали? И мы героически отбивались? По нашему виду вполне можно решить, что это правда...

— Хочу! — горячо воскликнул Север и схватил меня за руку. — Обещай мне...

- “...что твоя сестра никогда не узнает”... - шепотом закончил я. Моя сестра исцелила этот пустячный порез, и лицо Севера Долгорукого было безупречным в день его свадьбы. Шрам остался только здесь, в моей памяти.

— Как это мило, — безгубый рот Морочи растянулся в жутком подобии улыбки. — Братская клятва или совместная маленькая ложь. Что более свято?

Я посмотрел на третьего истукана. Неведомый резчик обозначил лицо всего несколькими штрихами, но обознаться было нельзя. Я стоял на месте, пока острые пальцы Морочи не ткнули меня в бок, понукая двигаться дальше.

— Плохая собака, — отдельно проговорил граф Оленев своей кудлатой бестолковой псине. — Пло-ха-я со-ба-ка! Кто опять сгрыз мои туфли? И в чем я теперь пойду на прием?!

— Возьми мои, у меня есть запасная пара... — сказал я и пожал плечами.

— У меня как-то не было раньше случая тебе это сказать... — лицо Велимира немного

похоже на лисье. Особенно сейчас. — Но у тебя ужасный вкус! И если бы это предлагал кто-то другой, то я давно вызвал бы его на дуэль...

— Как думаешь, твоя собака все еще голодна? — спросил я, потрепав мохнатое белое ухо.

— Но если ты скормишь ей еще и свои туфли, то что мы тогда будем делать? — граф Оленев вытянул ноги в тонких шелковых носках.

“Пойдем босиком”, - вспомнил я свои слова, уже когда убрал руку.

Надо же, нас всех связывает столько воспоминаний. Примирений, ссор, каких-то общих дел и делишек, и просто праздных разговоров, важнее которых в тот момент ничего не было.

Не дожидаясь, пока Мороча толкнет меня еще раз, я шагнул дальше.

Следующий истукан казался самым широким. А он и был самым широким. Широкий в талии, широкий душой.

На лице дубового истукана только один глаз.

— Ты толстый, Витте! — повторил тренер. Он каждое занятие это повторял, не пропуская ни единого. А молодому баронету Ярославу только и оставалось, что опускать очи долу. Ну, если он не хотел получить тростью по спине. Вот и сегодня тренер вперил взгляд своих злющих глазок в широкую спину баронета, который почти забрался на препятствие.

Почти.

А потом все хохотали. Это же очень смешно, когда твой товарищ падает в грязную лужу.

Я всего лишь подставил ступню и чуть-чуть подтолкнул плечом. Мгновение, и только что раскатисто хохотавший тренер летит в липкую грязную жижу.

“А потом мы вместе сидели в холодном карцере и думали над своим поведением”, - вспомнил я и улыбнулся.

Оглянулся через левое плечо. Старая карга стояла рядом и, кажется, прислушивалась к моим мыслям. Ну что ж...

Я почувствовал ненависть сразу же, еще даже не приблизившись к высокому истукану из элегантного черного дерева. Мне не хотелось его касаться, я не хотел вспоминать ничего, что было бы с ним связано...

Безгубый рот над ухом что-то прошамкал. Рука Морочи толкнула меня под локоть. И я уперся всей пятерней в отполированную поверхность предпоследнего истукана.

— Алесь, я не понимаю, зачем?! — я сидел, понурил плечи и стараясь не смотреть на длиннополое черное одеяние моего старого друга.

— Тебе не понять, ты наследник, — князь Белосельский-Белозерский вздохнул. — А мне из всего наследства останутся только от мертвой коровы рога.

— Но можно же было поступить как-то иначе? — я поднял голову и заглянул в его темные глаза. Тот приподнял бровь. Пальцы его, затянутые в черный шелк перчаток пробежались по золотому ободку знака бесконечности на его груди. Бесконечная любовь Всеблагого Отца.

— Но мы же все равно будем друзьями? — осторожно проговорил он, заглядывая мне в лицо. — Давай поклянемся, что какими бы путями мы ни шли, наша дружба останется нерушимой?

“Даже если ты станешь архонтом?” — спросил я тогда.

— Ты же не знал, что Всеблагой отец не считает нарушение клятвы грехом, да? — из черного провала рта Морочи раздались каркающие звуки. Я понял, что она смеется.

— Не знал, — вздохнул я. — Но почему идолов шесть? Их должно быть пятеро!

— Коснись, может и узнаешь... — прошептала она, снова обдав меня холодом своего дыхания. Я сделал еще один шаг. Вид этого идола не вызывал из памяти никаких воспоминаний. Протянул руку.

Пальцы пронзила боль. Глаза затянула багровая пелена. Меня отбросило в центр островка, как будто в грудь ударили кувалдой. Дыхание перехватило...

— Значит, еще не время, — философски заметила Мороча и пожала костлявыми плечами.

— Почему ты мне помогаешь? — снова спросил я.

— Ты вступил в поединок с судьбой, смешной старик-мальчик, — сказала она. — И я тебе не помогаю вовсе, с чего ты взял? Это твоя война, ты и воюй!

— А вот это все? — я обвел руками капище окруженное деревянными истуканами.

— Это в твоей голове, а я всего-то заглянула на огонек, — Мороча подала мне руку, чтобы я мог подняться. А я даже не сообразил, что упал, когда загадочный шестой идол отказался показывать мне свое лицо. — Ты решил стать судьей и повернуть ход времени вспять, опасный путь, и свернуть с него не получится. Ты проиграешь, если хоть одна капля братской крови прольется от твоей руки. И кости твои сгниют на самом дне этого болота, а с плотью твоей будет развлекаться вся Поганая Троица и лично Повелитель Червей. Ты проиграешь, если тобой овладеет сиюминутная жалость. Ты проиграешь, если трижды поддашься на уговоры влюбленной женщины.

— Если это в моей голове, это значит, что я могу сюда попасть, когда захочу? — спросил я, мысленно повторяя ее слова, чтобы не забыть. Ни капли братской крови. Сиюминутная жалость. Уговоры влюбленной женщины...

— Эта комната заперта, но ключ в твоём кармане, — быстро сказала она. — Сейчас тебе надо уходить.

— Подожди! — я попытался поймать ее за руку, но промахнулся. Со всех сторон к островку с идолами начала приближаться клубящаяся мгла. Быстро, словно стена урагана. — Я же хотел попросить совсем другого!

Последнюю фразу я выкрикнул уже в лицо Соньке-Арфистке.

Я снова был в ее комнате. Мы стояли в самой середине, она крепко сжимала оба моих запястья. Глаза ее были закрыты.

Колени дрожали. По спине сползала липкая струйка пота. Во рту ощущался отчетливый вкус крови. “Ненавижу старух, — подумал я, пытаюсь высвободить руки из окостеневших пальцев Соньки-Арфистки. — Приходишь за мудрым советом, вместо этого слушаешь бессмысленную трескотню и лопаешь от пуза пирожки. Я приходил совершенно по другому делу, а вместо этого...”

Веки Соньки дрогнули и затрепетали. На несколько мгновений на ее лице замерло выражение сладкой неги, будто она только что проснулась от приятного сна. Но от него не осталось и следа, как только она открыла глаза.

Лицо ее исказила гримаса ненависти. Она разжала пальцы и с силой толкнула меня в грудь. Будь я своего “взрослого” размера, я бы даже не шелохнулся. Но тело подростка было

довольно subtilным, так что меня отнесло к двери и довольно чувствительно приложило затылком.

— Ты воспользовался мной, маленький говнюк! — зло прошипела Сонька. — Убирайся. И забудь дорогу в мой дом!

— Но... Я не понимаю, о чем ты говоришь... — пролепетал я, прикрывая голову. На самом деле, я понимал. Ну или почти понимал. Знахарки, вроде Соньки, пользуются заемной силой, своей у них нет. Да, они могут быть очень могущественными, и им нередко доступно то, о чем аристократы со своей родовой магией могут только мечтать. Но у всего есть цена. И когда хтонические покровители решают вдруг взбрыкнуть и сделать по-своему, им ничего не остается, кроме как подчиниться.

— Все ты понимаешь, — слова вырывались из ее рта, будто она их выплевывала.

— Я же не знал... — я постарался придать лицу умоляющий взгляд. Мне действительно не хотелось с ней ссориться. Я правда хотел, чтобы она помогла мне по своей воле. И когда разговор пошел куда-то не туда, был почти уверен, что уйду от нее, не солоно хлебавши. А получилось... как получилось.

Она сделала несколько стремительных шагов и оказалась у двери. Одним движением распахнула ее и вытолкнула меня в коридор.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Я привалился к стене, прикрыл глаза и попытался унять все еще бешено колотящееся сердце. Надо бы с ней помириться. Но потом. Сегодня у меня вряд ли это получится.

— Чижик? — раздался рядом со мной немного усталый голос Рубины. — Ты что здесь? Она тебя выгнала?

— Ага, — я открыл глаза и вздохнул.

— Не бери в голову, милый, — цыганка быстро обняла меня за плечи, обдав волной сладкого аромата ее духов, смешанных с запахом свежего пота. Много плясать, наверное, пришлось сегодня ночью. — Она вспыльчивая, но отходчивая. Ой... У тебя кровь! Что это?

Кровь сочилась сквозь пальцы из моего крепко сжатого кулака. Что-то острое упиралось мне в ладонь. Я разжал пальцы. Медвежий коготь с нацарапанными на одном боку знаками. Когда я успел достать его из кармана?

— Надо перевязать... — засуетилась Рубина, но я ее остановил.

— Не надо, — я благодарно пожал ей руку. — Все нормально.

— Я бы тебя накормила, но за ночь гости съели и выпили вообще все, до самой крошки, — Рубина развела руками. Я был тут всю ночь? Вид у нее был утомленный. Уголки губ опущены, под глазами темные круги.

— Спасибо, милая, — я нашел ее ладонь левой рукой, потому что правая была испачкана кровью, и благодарно сжал горячие пальцы. — Когда-нибудь я обязательно приглашу тебя на ужин в “Метрополь”. И мы с тобой там сплещем на столе, чтобы у тамошей чопроной публички пенсне с носов попадали.

— Обещаешь? — устало улыбнулась она.

— Обещаю, — подмигнул я.

Когда идешь по улицам утреннего Петербурга, кажется, что этот город давно заброшен. Ни единой живой души, только ветер таскает по мощеным тротуарам обрывки старых афиш, сорванные с бутылок этикетки и распавшиеся на отдельные листы фривольные журналы. Редкие прохожие медленно волочат ноги, словно на плечах у них лежит весь груз страданий этого мира.

Солнечный свет безжалостно заливал потеки грязи на стенах, уродливые рисунки и кучи брошенного мусора.

Я тоже плелся, еле переставляя ноги. Перешагнул бесчувственное, но явно все еще живое тело. Подобрал подкатившуюся под ноги пустую бутылку и бросил ее в мусорный бак. Который, видимо, расшалившиеся ночные гуляки прикатили откуда-то с Фонтанки. Не зря же у него на боку намалевана буква “Ф” и какие-то цифры.

Я свернул в Вяземскую Лавру, сумрачную, как всегда, не смотря на солнечное утро. Шел вперед, смотрел под ноги. Повторял, как мантру “ни капли братской крови”, “сиюминутная жалость”, “уговоры влюбленной женщины”. Пока это все звучало как случайный набор слов, но Баба Мороча вряд ли сказала бы мне случайные слова. Они обязательно что-то значат, даже если сейчас я этого не понимаю.

— Где тебя носило всю ночь, Ворона?! — визгливый голос прозвучал в утренней тишине так неожиданно, что я чуть не подпрыгнул. От ворот труповозной конторы отлепился вчерашний толстяк, так и не назвавший своего имени. Тот самый, который притащил бюрократа.

Я быстро огляделся по сторонам и отступил назад, приготовившись бежать. Я был не в том состоянии и физической форме сейчас, чтобы лезть в драку, особенно с человеком, у которого может быть при себе пистолет. Или за углом может прятаться какой-нибудь головорез, которого не убедишь финтом из примитивной магии.

— Нет! Только не убегай, — громко запротестовал толстяк. — Я пришел по делу, честное слово! Мне нужно с тобой поговорить! Я один, со мной никого нет.

Глава 9. Кое-что о хитрожопости

Честно говоря, особого желания вести беседы с этим красноносым типом у меня не было. Устал. Ночка выдалась та еще, до сих пор колени похожи на кисель, а в глазах режет, как будто горсть песка швырнули. Так что больше всего мне хотелось послать его в какое-нибудь тридешатое царство за реку Смородину, это если прилично выразиться. В голове у меня эта фраза звучала много короче. А когда этот толстяк укатится на все четыре стороны, запереть дверь на все возможные засовы и цепочки и завалиться спать. Перегруженным мозгам нужен был отдых.

Но секунду подумав, я закрыл рот и не стал посылать толстяка по известному адресу. Привалился боком к стене, скрестил руки на груди и склонил голову.

— Что там у тебя? — буркнул. — Выкладывай, только быстро.

— Ты предлагаешь беседовать о делах на улице? — лицо толстяка снова начало наливаться кровью, как и вчера. — Разговор будет очень серьезным...

Он сделал ударение на слове «очень». И выпучил глаза для усиления эффекта.

— Пока не убедил, — произнес я и зевнул. — Намекни хоть, может заинтересуешь...

— Деньги, Ворона, — лицо толстяка сделалось еще более многозначительным. Он подмигнул мне левым глазом и улыбнулся одной половиной рта. Изо всех сил стараясь придать своей плоской физиономии дружелюбный вид. Но лицедей он был так себе. По нему все равно было заметно, что Ворону, то есть меня, он терпеть не может. И разговор этот затеял, только потому что другого выбора у него нет. Или другого пистолета...

— Я уже почти заинтригован, — равнодушно произнес я и посмотрел на свои руки. Ногти были грязными и как попало обломанным, разумеется. Худые запястья торчали из широких засаленных и обтрепанных рукавов. Надо бы сменить наряд. Этот просто ужасен...

И с едой нормально что-то решить... Подумал про еду, и в животе тут же заурчало.

— Ворона... То есть, Демьян, — толстяк откашлялся и приосанился. — Я так привык, что ты бестолковый пацан... Короче, Демьян, у меня к тебе предложение. Деловое. Как к настоящему взрослому.

Он замолчал, ожидая моего ответа. Я продолжил критично разглядывать свои руки. Похоже, убивать меня он все-таки не собирается. Разве что может в сердцах броситься с кулаками, если я и дальше буду его бесить.

Я вздохнул, полез в карман за ключами и долго возился с замком. Толстяк все это время топтался рядом, приплясывая от нетерпения. На лице и шее его проступили ярко-красные пятна, но он пока держался, в смысле, не шипел ругательства сквозь зубы и не орал, что я слишком долго копаюсь.

Я открыл дверь и шагнул внутрь. Толстяк протиснулся следом.

— Я не знал, что Пугало тебя усыновил... — сказал толстяк, устраивая свой внушительный зад на сундуке. — Вот что, Демьян. Раз ты теперь совершеннолетний, ты можешь больше не батрачить на Пугало. Кстати, а он вернулся из Петергофа?

— Понятия не имею, я же только что пришел, — сказал я и пожал плечами. Толстяк тревожно поозирался, но, потом, видимо, вспомнил, что вообще-то Пугало мертв, и он это совершенно точно знает. Или все-таки не точно? На самом деле, мне было без разницы. Идти с этим жирным жуком на сделку я все равно не собирался.

— Демьян, ты умный мальчик, — вкрадчиво проговорил толстяк. — Тебе надо получить образование и делать карьеру. У меня есть связи. Хочешь, я устрою тебя в хорошую школу? Тебя научат грамоте, арифметике и еще многим другим вещам. А потом ты сможешь...

— Заткни-ка фонтан, толстый, — грубо прервал его я. — Я правильно понимаю, что если опустить всякую муть, то ты хочешь сказать «вот тебе червонец, Ворона, и сдрисни отсюда»?

— Что? Что?! — вот теперь кровь от лица толстяка отхлынула. Он побледнел так, что было заметно даже в полумраке труповозной конторы. — Да как ты... Да что ты себе...

— Как-то темно, я не вижу выражения твоих глаз, — сказал я и прищелкнул пальцами, запуская «светляка».

Толстяк побледнел еще сильнее и сделал движение, будто хочет забраться повыше на сундук и вжаться в стену. Но довольно быстро овладел собой. Что-то в его лысой голове сложилось, видимо. На лице сменилось несколько выражений — от неверия в реальность происходящего до решимости.

— Ладно, Демьян, — он сложил руки на животе и сплел в замок толстые как сардельки пальцы. — Как я вижу, что с тобой можно разговаривать как со взрослым человеком... И вот это... — толстяк проводил взглядом медленно плывущий под потолком шарик света, — здорово меняет дело. Да что там... Так даже лучше. Ты же понимаешь, Демьян, что Пугал был очень несговорчивым человеком. Характер такой. Я несколько раз пытался затеять с ним этот разговор, но... — он расцепил пальцы и разочарованно развел руками.

— Понимаю, — я кивнул. — Только почему ты говоришь «был»? С Алоизием Макарычем что-то случилось?

Судя по ироничному выражению его лица, сыграть удивление и тревогу у меня получилось так себе. Не то, чтобы я очень старался, но не задать этот вопрос все-таки не мог. С другой стороны, погрязнуть в долгих препирательствах на тему «кто из нас врет» мне тоже надолго не хотелось.

— Мы с тобой оба знаем правду, Демьян, ведь так? — вкрадчиво спросил он. Я отвернулся, не ответив. Кивать тоже не стал. — В общем, я перейду сразу к делу. На своей принципиальности Пугало очень много терял. Я предлагаю тебе распорядиться его наследством и лицензией умнее. Есть очень уважаемые, а главное, очень богатые люди...

Я слушал сбивчивую речь толстяка. Из всех его намеков и оговорок, я понял, что он предлагает превратить труповозную контору, которая сейчас преследует только одну цель — не превратить трущобы в рассадник эпидемий, за что город, собственно, и платит по рублю за доставленное к печи тело, в более прибыльный бизнес. Продавая мертвые тела направо и налево тем, кто готов за это платить, не особо вникая, для чего клиентам потребовалась мертвая плоть. И еще был второй источник дохода, который толстяк описывал особенно многословно и иносказательно — обеспечить чистое и бесследное исчезновение неугодного человека. Собственно то, что я и проделал с Пугалом без всякой подсказки.

В принципе, его идеи имели под собой определенный резон. Если бы не одно «но» — работать с этим хитродопым гадом я категорически не хотел. Пугало был сварливым и недружелюбным скрягой. Но это точно был не повод его убивать. Будь это кто угодно другой, меня бы никак не зацепила бы моральная сторона вопроса продажи трупов всяких бродяг. Собственно, я собирался буквально сегодня забрать из тайников все ценные вещи и покинуть Вяземскую лавру. Не бог весть какая сумма, но на первое время мне ее точно хватило бы. Но теперь... Теперь я не мог оставить все как есть и позволить красноносому убийце заполучить то, чего он так жаждет. Вон как он горячо старается убедить меня перейти на его сторону...

— Демьян, ты не сомневайся, я тебя не обману, — всей своей круглой тушей он подался вперед. На лице — сплошной искренний энтузиазм. — С твоими вот этими вот... — он пощелкал пальцами и кинул в сторону «светляка». — ...нам будет гораздо проще договориться с Ядвигой. Нам в любом случае придется ей платить, чтобы у нас не было никаких проблем. Но вопрос, насколько грабительским будет процент. И если ты продемонстрируешь...

Щелк. Ядвига. Этого имени я раньше не слышал. Я был почти уверен, что у всяких темных дельцов Вяземской Лавры должен быть какой-то теневой хозяин-распорядитель. Немного неожиданно, правда, было услышать женское имя. С другой стороны, а почему нет?

— Договориться с Ядвигой? — я изобразил недоверие. — Почему она вообще будет с нами разговаривать?

— Да потому что ей это тоже выгодно! — горячо воскликнул толстяк. Интересно, как все-таки его зовут? По идее, я с ним уже давно знаком, как-то глупо будет спрашивать его имя сейчас... С другой стороны, а зачем мне его имя? Долго он прожить все равно не должен... — Не сомневайся, у меня все схвачено, главное сделай по моему знаку вот это вот...

— А хорошо ты все придумал, толстый, — сказал я, широко улыбнувшись. — Это мы так обогатимся, что я смогу в университет поступить...

— Ну так а я чем?! — лицо толстяка просияло, как начищенный медный таз. — Я знал, что ты умный мальчик, и с тобой можно иметь дело!

— И когда мы пойдем к Ядвиге? — быстро спросил я, вклинившись в паузу в его речи.

— К Ядвиге? — на лице толстяка появилось замешательство. — Ну... Это надо сообразить... Может быть, на той неделе?

— А зачем тянуть? — удивленно спросил я. — Как насчет сегодня или завтра?

— Завтра... — глаза толстяка забегали. Похоже, он не ожидал моего неожиданного энтузиазма и не успел перестроиться. — Ну... Это надо обдумать же все...

— До завтра еще куча времени! — воодушевленно произнес я. — Мы успеем и составить подробный план, и договориться о встрече, и...

— Ох, какой ты приткий! — остановил меня толстяк. — Это хорошо. Только не спеши сильно. И обещай, что не будешь вмешиваться в разговор без моего знака. Завтра... Давай договоримся так. Сейчас мне надо уже идти, у меня есть работа. Да и тебе надо тоже заняться делами. А вот завтра с самого утра...

— Так и порешаем! — сказал я, с намеком останавливаясь рядом с дверью. Толстяк намек понял и с готовностью соскочил с сундука. Протянул мне руку для пожатия.

Меня тряхнуло от отвращения. Пожимать этому ничтожеству руку? Пустой желудок сжался. Если бы я позавтракал, меня бы стошнило сейчас. Я убрал руки за спину и криво ухмыльнулся.

— Я бы не стал на твоём месте, — сказал я. — Грязные руки, заразу еще подцепишь...

Когда за толстяком захлопнулась дверь, я вдруг понял, что спать уже совершенно не хочу. А хочу содрать с себя эти кошмарные грязные тряпки, извести весь запас воды в уборной, и хоть немного привести себя в порядок. А тряпье это сжечь и забыть, что я это вообще когда-то носил.

Был соблазн сразу же взять деньги и бежать, сломя голову, в какой-нибудь «Пассаж» или «Галерею». Готовый костюм, а не сшитый на заказ, среди аристократов, конечно, не очень комильфо, но все же лучше, чем все вместе взятые шмотки, которые мне удалось найти в сундуках Пугала. Мало того, что он их, кажется, купил даже не в магазине подержанного платья, а с тележки старьевщика или вообще на помойке подобрал...

Я бросил на кровать пахнущую дешевым лавандовым мылом сероватую рубашку.

Задумчиво посмотрел на холщовые брюки. Почти целые, только одна заплатка на колене.

Вздохнул.

Нет, время магазинов модной одежды пока еще не настало. Если я появлюсь в нормальном костюме здесь, в Вяземской Лавре, меня обчистит первая же встреченная шпана. И отбиться от нее со своей примитивной магией я точно не смогу. Тем более, что крысеньши не дуэлировать со мной будут, а просто двинут по башке чем-нибудь, когда я меньше всего буду этого ожидать. А потом я очнусь голый в куче мусора рядом с Сенным рынком. Если вообще очнусь.

Я еще пару минут постоял завернутым в одно только ветхое льняное полотенце, наслаждаясь ощущением хоть как-то отмытой кожи. Ну, насколько это можно было устроить, имея в распоряжении только тазик, ковшик и скребок. Помечтал о горячей ванне с высокой шапкой ароматной пены.

Отбросил еще один соблазн устроить себе это прямо сейчас, потратив часть денег на апартаменты с прислугой в каком-нибудь из дорогих отелей.

Правда, скорее всего, если явиться к ним в таком виде, то они эдакого почетного гостя с лестницы спустят, а не ванну ему приготовят. С пеной, ага.

Почему-то эта мысль меня развеселила. «Куда вы меня тащите?! Я совершеннолетний! У меня паспорт есть! И деньги тоже! Я просто хочу в ванну».

Я оделся и критически осмотрел себя. Брюки были мне велики, в них можно было еще одного меня запихать. А то и двоих таких. Чтобы они хоть как-то держались, пришлось затянуть их ремнем. Рубаха, хоть и была самой маленькой из всех одежек Пугала, спокойно

могла бы выполнять роль не самого неприличного платья у какой-нибудь девушки моей комплекции. Правда, рукава бы тоже висели до колен, но рукава можно и закатать.

Но эта одежда была хотя бы чистой.

Остаток дня я потратил на прогулку до Сенного рынка за едой, накупил с голодных глаз здоровенную торбу всего — каких-то пирожков, несколько колец толстой ароматно пахнущей колбасы, головку сыра, краюху серого хлеба и десяток сдобных булочек... И уже сгибаясь под тяжестью этого всего, не смог пройти мимо прилавка с яблоками в карамели, потратил пятак, заполучил политое жженым сахаром лакомство и сгрыз его, усевшись прямо на тротуар.

Вернувшись домой, я некоторое время блаженствовал, набивая желудок и не заботясь о правилах приличия. Я откусывал попеременно то пирожок, то колбасу, запивая все это роскошество шипучим квасом. Меня снова накрыло волной радости от обладания юным телом — я мог позволить себе есть что угодно и сколько угодно. И даже если я сейчас обожрусь до состояния «не могу пошевелиться», то никакими страшными последствиями со стороны желудка, печени и прочих внутренностей мне это не грозит.

Сморило меня, когда я доел шестой пирожок и практически догрыз кольцо колбасы.

Я так сидя и заснул, зажав в руке оставшийся хвостик.

И проснулся, когда чуть не свалился со стула.

Несколько секунд я пытался вспомнить свой сон. Снилось мне, как я был уверен в момент пробуждения, что-то очень важное. Но другая мысль оказалась важнее.

Сумерки.

Это значит, что до полуночи уже совсем близко. Если я вообще все не проспал.

Я сунул в рот недоеденную колбасу и бросился к двери. Отодвинул засов. Огляделся, подыскивая место, где я мог бы спрятаться, но так, чтобы увидеть, что за темные дела затеял в конторе Пугала хитрожопый чиновник с котельной. Или хотя бы услышать.

На повороте лязгнули колеса груженной повозки.

Думать было уже некогда.

Я нырнул в сундук рядом с дверью и закрыл крышку.

Дверь скрипнула, раздались чьи-то осторожные шаги. Заскрипели петли большого засова. Человек двигался уверенно, будто делал это уже не в первый раз. Заскрипели петли ворот — повозку собрались загнать внутрь.

Хм. Интересно...

Сопровождали повозку три человека. Может и больше, но тогда остальные, кто бы они ни были, никак себя не проявили. Да и эти трое почти не разговаривали. Я слышал, что как они ходят туда-сюда, иногда раздается скрип повозки, как будто на нее наступают или наваливаются. И еще — стук дерева о дерево. Будто кто-то ставит на деревянные нары деревянные же ящики.

Повозка выкатилась, ворота скрипнули, лязгнул засов. Потом снова раздались осторожные, но уверенные шаги. Дверь закрылась.

Пару минут я не шевелился. Мало ли, вдруг кто-то остался внутри вместе с тем, что сгрузили с повозок. Но было тихо. Если бы хоть кто-то остался, то вряд ли он затаился бы настолько, что вообще не двигался.

Это явно была какая-то контрабанда или нелегальная торговля. И труповознул контору Пугала с участием мелкого паршивца, в тело которого меня подселил Повелитель Червей, использовали как перевалочный склад.

Мне стало любопытно. Я приподнял крышку сундука. Совсем чуть-чуть, чтобы осмотреться. Никого не было. Несмотря на густой полуночный сумрак, было видно, что на нары составили несколько длинных и узких ящиков. Для гробов маловаты. Интересно, что там? Оружие?

Я выскользнул из своего укрытия, подошел к окну и прислушался. Где-то за поворотом подвыпившая компания горланила песню, разобрать слова которой можно было только влив в себя такого же пошла. Откуда-то сверху раздавался жеманный смех. Азартные хэканья и звуки ударов — кого-то били. Ни звука колес, ни звука приближающихся шагов пока что слышно не было.

Значит у меня есть время немного осмотреться, чтобы понять, что это за темное дело я тут покрываю.

Глава 10. Кое-что о благих намерениях

Всего ящиков было семь. Сколочены добротнo, так просто внутрь не заглянешь, это надо взламывать. Я попытался приподнять один. Тяжелый. Длинной один ящик был примерно метр, высотой и шириной — по полметра. Никакой маркировки на первый взгляд видно не было.

Ну да, конечно. Если какой-то товар передают из рук в руки, используя для этого труповозную контору в тайне от хозяина этой самой конторы, то конечно же, первое дело — намалевать на ящиках крупными буквами «оружие». Или «дурнина». Хотя нет, для дурнины слишком тяжелые ящики. Тут что-то металлическое. Или каменное.

Может сотворить "светляка" и попробовать сквозь щель рассмотреть?

Шаги я услышал практически у самой двери. Пропустил звук, потому что ожидал повозку. Не на горбу же своем будут отсюда эти ящики забирать.

Дверь заскрипела, и я понял, что прятаться в сундук уже поздно. Я пулей метнулся к лошадиному стойлу и проскользнул туда. Обнял трепыхнувшееся животное за шею. Погладил нос. Прошептал в ухо что-то успокаивающее.

— Вот сюда, Ваша Светлость, — этот голос звучал очень знакомо, я его совсем недавно слышал. Но это не Волынин... И не толстяк, который думает, что заманил меня в деловые партнеры.

— Это же контора Гупало? — спросил незнакомый голос. Хорошо поставленный, звучит немного брезгливо. Светлость — значит кто-то из князей.

— Все так, Ваша Светлость, — ответил первый. Мне вспомнились длинные усы военная выправка и шрам через все лицо. Это Кочерга! Тот самый, что пытался тело девушки у Пугала купить.

— Как вы его уговорили на такое? — неизвестный князь сдавленно хихикнул. — Он же кремень!

— Да не его, — Кочерга вздохнул. — Шворц пацана его в оборот взял.

— Что еще за Шворц? — спросил князь.

— Работает в слоне, — Кочерга как будто смутился. — Канцелярист с крысиными усиками. Волынин, Семен, не помню, как по отчеству.

— Да и пес с ним, все равно не знаю, — пол заскрипел, князь прошелся из стороны в сторону. — Смышленный пацан?

— Хитрый гаденыш, — сказал Кочерга. — Дурачком прикидывается, а сам... Вы, это... Ваша Светлость... В случае чего — тикайте вон туда. Там черный ход есть, а отсюда не

видно.

— Да ты, я смотрю, трусишь, а? — князь рассмеялся. — А я думал тебя в денщики позвать...

— Я не трушу! — возмутился Кочерга. — Я за вас беспокоюсь. Ежели этот мелкий паршивец нас продал, то всякое может случиться.

— Я хочу тебе напомнить, что это место принадлежит мне, — в голосе князя послышалась легкая прохладца пополам с разочарованием.

— Да нешто в темноте кто будет лица разбирать... — Кочерга с шипением втянул в себя воздух. Кажется, князь больно ткнул его в бок. Похоже, это Вяземский. Младший, скорее всего, голос совсем молодой.

— Ты про пацана мне скажи лучше, — что-то скрипнуло. Похоже на дверцу бюро. — Смышленный? А то мне нужен парень для одного поручения.

— Продаст он вас, Ваша Светлость, — помявшись, ответил Кочерга. — Он аристократов страсть как не любит. Самолично слышал, как он крыл по матери все эти проклятые дворянские роды и клялся, что вырежет всех, до кого дотянется, когда подрастет.

— А кому продаст-то? — князь неопределенно хмыкнул. Я не понял, одобряет он эту самую нелюбовь или осуждает. — С кем пацан якшается-то, ты знаешь? Или свистишь? Одна бабка сказала, а ты повторяешь, как попугай?

— С иереем Вакулой, Гусыней и Кротовым. Который младший, а не у которого скобяная лавка на набережной Мойки, — нехотя ответил Кочерга. — А может и еще с кем.

— Как на подбор людишки-то, как я посмотрю, — князь расхохотался в полный голос.

— Тише, Ваша Светлость, — Кочерга зашипел. — Шворц говорил, что зелье сонное надежное, но я бы все равно не рисковал. А то Пугало проснется...

— И что? — усмехнулся князь. — Палкой меня отлупит?

— Ваша Светлость, вы это... — сконфуженно проговорил Кочерга. — Посерьезнее бы надо. Вы просто не знаете Пугало. Он может и до Императора самого с жалобами дойти.

Я стоял, все еще обнимая лошадь за шею. Иерей Вакула, Гусыня и Кротов. Надс запомнить имена. Хотя бы затем, чтобы не сталкиваться с их носителями. Судя по обсуждению, это такие себе людишки.

— Понял я, понял, — князь снова заговорил тихо. — Ну скоро там уже придут твои гастролеры? Или ты можешь мне показать, что там за товар они предлагают...

— С минуту на минуту должны подойти, — пробормотал Кочерга. — Я не притронусь к этому.

Повисло молчание. Нарушалось оно только легким постукиванием, видимо князь нетерпеливо стучал носком ботинка.

Скрипнула дверь, раздались быстрые шаги.

— Вы кто еще такие? — удивленный вскрик Кочерги. Потом звук удара и грохот. Чье-то тело рухнуло на дощатый пол.

По ушам ударил нарастающий гул. Ну да, князь Вяземский вызвал знак «Глаголь», сейчас шандарахнет...

— Сеть, быстрее! — раздался чей-то приглушенный голос. Раздался свист, будто из чего-то шумно выходил воздух. Магический гул захлебнулся, оборвавшись на режущей уши визгливой ноте. Сразу же кто-то заорал благим матом.

Последовали звуки азартной возни и топот.

— Держи его, он уходит! — заорал кто-то. Грохот упавшего тела. Громкий мат-перемат.

Быстрые и легкие шаги совсем рядом со мной.

— Проклятье... — прошипел князь почти напротив стойла лошадки. Стоявшая до этого момента спокойно кляча вдруг взвизгнула и попыталась встать на дыбы. Возомнила себя скакуном, надо же. Я увернулся от копыта и выскользнул из стойла.

— Сюда, Ваша Светлость, — прошептал я.

— Кто здесь? — таким же шепотом отозвался он.

В большом зале конторы раздался треск ломающейся мебели, похоже кто-то рухнул на многострадальный стул, и тот не пережил этого. Топот и звуки ударов не стихали. А Кочерга-то, как я посмотрю, справляется! Не зря у него военная выправка! Кто бы там на него не напал, они явно не рассчитывали на такой отпор.

— Некогда объяснять, — сказал я. — Направо и прямо, там дверь. Идите за мной.

Князь больше не стал ничего спрашивать.

Мы выскочили в узкий глухой колодец и нырнули в подворотню. Дальше я дороги не знал — не успел как-то изучить все лабиринты Вяземской Лавры. Но, к счастью, князь как раз знал. Он нырнул в узкий проход между домами. Настолько узкий, что не всякие два пешехода разойдутся, потом распахнул неприметную дверь, откуда пахло крысами и сыростью, сбежал по ступенькам в подвал, свернул по сырому темному коридору. Я следовал за ним, ориентируясь на его тяжелое дыхание. Что это с ним там такое проделали, если даже фонтан родовой магии умудрились заткнуть? Нападавшие тоже аристократы?

Тем временем князь легко взбежал по невысокой лестнице и распахнул другую дверь. Вышел наружу уже неспешным шагом, остановился и оглянулся на меня. Придирчиво оглядел меня с ног до головы.

— Ты кто еще такой? — спросил он.

— Ворона, — криво ухмыльнулся я.

— Это ты что ли пацан Гупало? — теперь я смог его как следует рассмотреть. Молодой совсем, усы такие... немного бестолковые. Когда ну очень хочется казаться старше, чем ты есть, а на лице растет какое-то одно сплошное недоразумение. Верхняя часть лица скрыта черной полумаской. На голове — шляпа, от темного плаща почти оторван рукав, и из этой прорехи выбиваются пышные кружева щегольской рубахи. Замаскировался для похода в трущобы, чтобы аристократа не признали. Совсем ничего не выдает, ни десяток перстней на пальцах в шелковых перчатках, ни полумаска, которых ни один из местных крысят никогда в жизни не наденет. В неверном сумраке белой ночи было не очень понятно, но кажется получаска еще и вышивкой с самоцветным бисером расшита.

— Вроде того, — сказал я и кивнул.

— Ты знаешь, кто я? — глаза под маской подозрительно прищурились.

— Неа, — я мотнул головой.

— Бреешь, — князь шагнул вперед и ухватил меня за рукав рубахи. — Ты назвал меня «Ваша Светлость»!

— Так Кочерга вас так называл, — буркнул я. — Мало ли, кто в Петербурге светлость. Ну, вы какой-нибудь князь или граф. Мне-то что с того?

— Ты подслушивал? — продолжал допрос князь.

— Сначала спал, — я пожал плечом. — Кровать там моя, рядом со стойлом лошадки. А потом проснулся, но не высовывался. Надо мне очень подслушивать вас...

— Допустим, я тебе верю... — задумчиво проговорил князь. — Постой-ка! Подойди ближе к фонарю!

Еще не понимая, в чем дело, я сделал шаг в сторону.

— Не может быть... — прошептал он, потом быстро вскинул ладонь. Над его пальцами ярко вспыхнул знак «Веди». Но тут же раздалось шипение и свечение угасло, будто спичку в воду сунули. Он прошипел сквозь зубы какое-то ругательство и принялся остервенело отряхивать плащ. Только сейчас я заметил, что темная ткань покрыта тонкими волоконцами, будто паутина налипла. Долго размышлять над тем, что это еще за дрянь, и что будет, когда князь освободит свою магию от этого странного явления, я развернулся и припустил вниз по улице со всей возможной скоростью. Будь я в своей полной силе, то пригвоздил бы этого молокососа к брусчатке на раз-два, но в настоящий момент молокососом был как раз я.

— Да подожди ты, не убегай! — кричал князь мне вслед. — Стой, гаденыш мелкий! Я тебе помочь хочу!

Ну да. Конечно же, лучшая помощь начинается с «глаголицы». Причем с того знака, который отвечает за сковывание, связывание и подавление воли.

Я несся во весь дух, надеясь только на то, что не упрусь за очередным поворотом в глухой тупик.

Продрался через колючие кусты живой изгороди и оказался на Садовой. Ушел, кажется.

Кажется, младший из Вяземских опознал мои родовые черты. Но скорее всего, просто знал, что именно он может увидеть. Я перешел на шаг. Даже в такой час Садовая была многолюдна, так что вряд ли князь, даже если меня догонит, будет швыряться в меня магией.

Да уж, сделал доброе дело. Зачем вообще ввязывался? Как бы этот отпрыск с амбициями не решил на меня охоту открыть. Понятия не имею, зачем я ему. Ну, в смысле, не я, а Демьян Найденов. Но, видимо, не просто так его уста тоже замкнули «вороньим граем».

Я поболтался по улице еще пару часов. Послушал уличных музыкантов, прибился к развеселой компании с гитарой, которая свернула в подворотню Вяземской Лавры. Бросаться в бега из-за несостоявшейся стычки с Вяземским я был не намерен.

В переулке рядом с моим домом была тишина. Только изредка раздавались неразборчивые возгласы мертвецки пьяного бродяги, которому, кажется, казалось, что он ведет философский диспут и очень остроумно аргументирует свою точку зрения.

Толкнул дверь в контору.

Она скрипнула и открылась. Внутри было тихо. Я осторожно переступил порог и осмотрелся.

Наверное, если бы вещей здесь было побольше, то царящую здесь обстановку можно было бы назвать «разгром». Стул был сломан просто вмятку, похоже, тот парень, который на него упал, был настоящим тяжеловесом. Рядом с нарами темнело здоровенное темное пятно. В самой середине комнаты — обломки досок. Один ящик разломали, а содержимое... Я подошел ближе. Среди останков ящика валялось несколько на вид старых и потрепанных книг. Я поднял одну. Черная кожаная обложка, желтоватые страницы. Вместо букв — непонятные кривульки. На обложке никакого заголовка, на титульном листе — тоже кривульки, но побольше. Взял вторую книгу. Такая же история. Видно, что книга другая.

Ничего не понимаю. Это какая-то неизвестная тайнопись? Поднял третью книгу. Бездумно пролистал.

Эта история с контрабандой затевалась ради тайной торговли книгами?

Кажется, с ними что-то не так, с этими старинными на вид фолиантами. Но что именно — при таком свете непонятно. Я вернулся к двери и задвинул засов. Поправил сползшее одеяло. Щелкнул пальцами, запуская «светляка».

Шарик скользнул вдоль пожелтевших от времени страниц, покрытых непонятными письменами. Я развернул форзац. Внимательно рассмотрел переплет.

Готов поклясться, что этот старинный том был сделан не больше недели назад. Послюнил палец, потер страницу. Жаль, что я не специалист по антиквариату, и не могу в деталях объяснить, почему это подделка. Но в жизни своей я держал в руках такое множество настоящих старинных фолиантов и инкунабул, что был убежден, что в руках у меня — не более, чем сувенир. Обмануть которым можно разве что безусого новичка...

Протяжный стон вывел меня из задумчивого созерцания усыпанных кривыми значками страниц. Я даже подпрыгнул от неожиданности. Я-то считал, что все устроившие ночную разборку в конторе спешно ретировались и забрали с собой почти все. Ну, кроме обломков ящика и этих трех книжек. Не то брошенных в спешке, не то выброшенных, потому что поддельные.

Стон повторился. Звучал он со стороны моего бывшего загончика. Я бросил на пол непонятный том в черном переплете и помчался туда. «Светляк» порхал над моей головой, заливая помещение мягким ярким светом.

— Ворона... — упавшим голосом пробормотал Кочерга. Из груди его торчала косо обломанная деревянная палка. Крови почти не было, только из уголка рта сползала кровавая капля. Бледное лицо, побелевшие губы. Уродливый шрам на бледной коже выделялся еще ярче, чем обычно. На лбу — бисерины холодной испарины. Дышал он едва заметно. Было видно, что каждый вдох причиняет ему боль.

— Это ты все устроил, маленький гаденыш... — прошептал он.

— Нет, Кочерга, это не я, — я присел рядом и осмотрел рану. Деревянный кол вошел под углом с правой стороны грудной клетки к центру. Помочь ему я ничем не мог. Даже если я рискнул сейчас вызвать знак «добро» и попробовать подлатать его заклинанием, то, скорее всего, просто рухну рядом без чувств, не успев даже начать. Лечебная магия — это одна из самых тонких материй, требует природной склонности, недюжинного мастерства и полной концентрации. У меня даже в лучшие мои годы получалось только затягивать царапины, но ни на что большее я оказался не способен. Это моя сестра виртуозно умела штопать ранения, а я же к чужой боли оказался глух. Наносить повреждения у меня получалось гораздо лучше, чем устранять последствия.

— С самого начала обман... — прошептал Кочерга.

— Если тебе станет легче, то князя Вяземского я спас, — сказал я, усаживаясь рядом. — Принести тебе воды? Или кваса? Больше у меня из жидкостей ничего нет...

— Зачем? — одними губами прошептал он.

— Что зачем? — переспросил я.

— Зачем ты его спас? Это же ты все подстроил... — лицо Кочерги исказилось. Изуродованный шрамом глаз выпучился еще больше, чем обычно.

— Что за книжки валяются там на полу? — спросил я. Не хватало еще оправдываться в том, чего я не делал перед умирающим бывшим военным, который еще и в каком-то темном заговоре участвовал.

— Библиотека... — прохрипел он. — Они сказали, что это настоящая...

— Наврали, — я пожал плечами. — Это не старинные книжки, точно тебе говорю, Кочерга.

— А ты почему знаешь, Ворона? — Кочерга попытался рассмеяться и поздно понял, что это ошибка. Его тело сотряс кашель, изо рта выплеснулась кровь. Он побледнел еще больше

и замер.

Умер? Я склонился ближе. Нет. Еще жив. Булькающее и свистящее дыхание было слышно, даже если не прикладывать ухо к груди.

Он снова открыл глаза. Только смотрел он теперь не на меня, а на порхающий над нами светящийся шарик. Глаза его стали удивленными. Губы сложились буквой «О».

— Ты не Ворона... Кто ты такой? — вдруг сказал он почти нормальным голосом. Предсмертное откровение?

— Точно, я не Ворона, — сказал я. — Только уже неважно, правда? А чья была библиотека-то?

— Брюса... — снова зашептал Кочерга. — Якова Брюса.

К концу фразу голос совсем пропал.

— Принести воды? — спросил я.

Но Кочерга уже не ответил. Он устоялся куда-то мимо меня. Не в потолок, куда-то дальше, в те дали, которые недоступны живому взгляду. Рот его несколько раз открылся-закрылся.

Потом из взгляда его медленно утекла жизнь. Как будто фонарь внутри головы выключили. Только что были глаза — зеркало души, и вот уже просто пустые стекляшки. Я протянул руку и прикрыл веки. На одном глазу получилось, второй так и остался частично открытым. Шрам не позволил мне его закрыть.

— Да уж, весело тут у вас, — пробормотал я, поднимаясь.

И тут до меня наконец дошли его слова. Чья библиотека, он сказал? Якова Брюса?

Я метнулся обратно в большую комнату и поднял с пола черную книгу. Открыл на форзаце. Посмотрел на овальную печать, обрамленную лепестками.

Губы мои поневоле стали расплываться в довольной улыбке.

Я вспомнил, что такое важное мне сегодня снилось!

Глава 11. Кое-что о толковании сновидений

Мне снился разговор с Прошкой Брюсом. Я вроде бы и помнил его, и нет. Мы сидели в его лаборатории, которая до того, как он поселился в этом заброшенном поместье, была обычным амбаром. Большим амбаром, его еще финны построили. Прошка мне пытался объяснить гениально устроенную в этой квадратной деревянной коробке систему вентиляции, но я невнимательно слушал. Вдоль дощатых стен — длинный стол, уставленный колбами, ретортами, пробирками, чашами и прочим инвентарем из стекла и металла, который для непосвященного человека видится просто набором непонятных сосудов. В углу — пышущий жаром кирпичный корпус атанора, алхимической печи. У противоположной стены — книжный шкаф, сколоченный его же руками. Грубо, но надежно. Все полки, от пола до потолка, заняты книгами. Толстенными, в пару пудов весом, инкунабулами. Крошечными, с пловину ладони, с тончайшими страницами из рисовой бумаги, покрытыми причудливыми значками тайнописи. Обычными на вид, со стертыми прикосновением множества пальцев обложками. С тремя грубо пробитыми насквозь дырами, что означало, что добыл Прошка эти книги в хранилищах запрещенной литературы. Кроме книг на полках высились груды свитков из пергамента, бумаги и, кажется, даже из папируса.

Прошка не признавал слуг, никого не подпускал к своей святой святых. Ни наемных работников, ни поваров, ни уборщиков, ни горничных. Даже печь свою по кирпичику сам собрал. И пыль с многочисленных своих книжек и алхимической посуды сам стирал.

А в дальнем углу амбара — матрас, низкий столик и настольная лампа. Чтобы можно было даже спать, не отходя от рабочего места.

— ...они просто не там ищут, — рассказывал Прошка, развалившись на простом деревянном стуле. Его манера удобно устраиваться в любом месте делала его похожим на кота. Эти животные тоже умеют разлечься на ребристой металлической поверхности, свесить безмятежно лапку и всем своим видом демонстрировать, что им удобно. Так и Прошка. Стул в прошлой жизни явно служил креслом для посетителей в какой-нибудь канцелярии, а мебель для бюрократических контор делают явно признанные пыточных дел мастера. Только Прошка как-то ухитрился раскинуться на этом деревянном недоразумении так вольготно, что прямо-таки зависть брала. — Понимаешь, друг мой, припрятанные сокровища Якова Брюса пытаются найти все время. Из его дома и трех усадеб вывезли массу всяких диковин, книги, драгоценности и деньги. И им все кажется, что это не все. Что где-то хитрый чернокнижник припрятал самое главное. И вот уже и Глинки по кирпичику разобрали, и Сухареву башню разрушили, и в Пятую Гору хрен знает какую по счету экспедицию снаряжают, хотя там от всего поместья уже одна только кирпичная коробка осталась...

— Так значит, нет никакого сокровища? — спросил я. Великим даром сидеть на канцелярских стульях и не чувствовать себя за что-то наказанным, я не обладал, так что сидел я на его матрасе.

— Как это нет? — простецкое прошкино лицо засияло улыбкой. — Конечно же есть. Мой дальний предок Яков Брюс был очень хитрым и запасливым парнем.

— Он не был твоим предком, — сказал я.

— Ой, ты придираешься сейчас! — Прошка поморщился и махнул рукой. — Но родственником был. Двоюродным пра-пра-пра-прадедом. Но может статься, что из всей родни я понимаю его лучше остальных.

— А что же сам его сокровища не достанешь? — спросил я иронично. — Прозябаешь в нищете, по заброшенным домам мыкаешься...

— Боюсь, — Прошка виновато развел руками.

— А говоришь, что понимаешь лучше всех! — засмеялся я.

— Вот потому и боюсь, что понимаю! — лицо Прошки было серьезным. — Вот ты знаешь, к примеру, почему местные селяне ко мне не суются? А потому что ученые уже. Пришел один такой дань с меня требовать за то, что пустующий дом занял. А домой ему пришлось ползти. Потому что «чертов студень» в его ногах ни одной косточки не оставил. Растаяли, что свечной воск. Или тати ночные забирались ко мне разок. Решили, добыча легкая, раз один живу. Рассказать, что они друг с другом сделали?

— Нет уж, уволь! — я заставил себя засмеяться, но получилось невесело. — Это ничего, кстати, что я на твоём матрасе сижу? У меня ничего ценного не отпадет? Или, там ослиные уши не отрастут?

— Про ослиные уши наврала тебе, — буркнул Прошка и махнул рукой. — Ну или, скажем так, приукрасили. Уши у того пастуха просто распухли... Или ты пошутил?

— Ты хочешь сказать, что вокруг этого поместья расставлена куча ловушек, и я ни одну не заметил, пока за тобой шел? — по спине пробежал легонький холодок. Прошкины эксперименты я себе уже неплохо представлял... Не так страшно получить вражескую пулю или даже от чумы умереть, как оказаться в одночасье обрубком человека, у которого еще и с мозгами не все ладно.

— Так я это все к чему веду-то! — Прошка вскочил со стула и бросился к своему алхимическому столу. Одна из колб вдруг выбросила клуб густого белого дыма. Прошка аккуратно снял ее щипцами с горелки и переставил на толстенную деревянную доску. Оказывается, он даже сейчас какой-то эксперимент проводил... — Тот самый Брюс, который Яков Вилимович. Сподвижник Петра Великого, непревзойденный чародей, чернокнижник и прочая, прочая... Он был мастер прятать тайное в очевидном...

Я помнил этот наш разговор и всю ту ситуацию. Потом эта дурацкая колба разлетелась на осколки, и весь амбар заполнил едкий вонючий дым. Запах он имел настолько противный, что из глаз вышибало слезы. Потом мы почти ослепшие выскочили из амбара, долго промывали глаза, нос и рот, чтобы их перестало жечь. Потом я перевязывал Прошке порезанные стеклом руки... И к разговору про гипотетическое сокровище Якова Брюса так и не возвращались.

Но во сне моем все получилось по-другому.

Как будто сменилась картинка. И вот мы уже вовсе не в прошкиной лаборатории под Выборгом, а неспешно прогуливаемся по Екатерингофскому парку. По зеркальной глади скользят лодочки, близ ротонды играет оркестр, детишки гоняются за раскормленными утками... Это было то место, где мы с Прошкой ни разу не были. Прошке претили праздные прогулки, а у меня с Екатерингофом была связана неудачная любовная история еще в раннем отрочестве, и я поклялся себе, что ноги моей в этом парке больше не будет.

— ...они не там ищут, — снова сказал Прошка. Теперь он выглядел много старше, чем в начале сна. И одет был в тот же серый твидовый костюм, что и в день своей казни. — Они думают, что он оставил какие-то подсказки, ищут всякие знаки, анализируют выражение гримас в Глинках, мемуары современников шерстят... А надо искать гораздо ближе. Просто смотреть раскрытыми глазами.

— Ты меня запутываешь, — сказал я, глядя как к берегу причаливает изящная лодочка. Галантный кавалер выскакивает из нее и подает даме в белом платье руку. Дама как две капли воды похожа на ту девушку, с которой у меня было здесь свидание.

— Это ты сам себя запутываешь, — сказал Прошка. А оркестр у ротонды заиграл какой-то бравурный марш...

Я тогда проснулся и понял, где нужно искать. Ну то есть не то, чтобы прямо карта перед глазами нарисовалась с красным крестом в том месте, где деньги зарыты. Просто я сформулировал важную идею.

Рубина сказала, что нужны деньги. И она совершенно права. Только вот я не торговый магнат, чтобы заработать себе состояние на бирже, акциях или сверхвыгодных сделках, и не криминальный талант, чтобы повернуть одно преступление века, а потом купаться в золоте до скончания времен. А мне нужно как раз столько.

Пугало собрал неплохую сумму. Для жителя Вяземской Лавры. Любой другой ее обитатель даже за половину этой суммы отца родного продаст.

Только это совсем не те деньги, которыми можно впечатлить аристократа. Шесть сотен? Да я бывало за один вечер в тратил больше...

Я грустно улыбнулся. Прошка Брюс, ты даже после смерти мне помогаешь...

Хотя, подождите. Что значит, после смерти? До его смерти еще полвека, он даже не родился еще! А его отцу сейчас, должно быть, примерно как мне нынешнему. Или он постарше?.. Про отца Прошки я знал только то, что у него была аптека на Большом Проспекте Васильевского острова. Приметная. Хозяин доходного дома, где он арендовал

помещение, зачем-то пристроил к своему дому башню с уродливой горгульей на вершине. Мы когда гуляли в тех местах, Прошка мне ее показывал.

Брюсы потеряли дворянское достоинство лет за сто до нашего знакомства с Прошкой. И историю эту он мне рассказывать или не захотел, или сам ее толком не знал. Одно время я даже думал, что он придумал себе, что он Брюс. Потому что в лице его не было ровным счетом никаких схожих черт с его знаменитым обрусевшим шотландским родичем. Что ж, у меня есть все шансы познакомиться и подружиться с его отцом, и, возможно, я наконец узнаю правду, как же все-таки случилось, что обласканный Императорами род был отброшен на самое дно, лишен титулов, званий, наград и магии.

В голове начали появляться наметки чего-то похожего на настоящий план. Я, наконец, вернулся из чертогов своих воспоминаний и посмотрел на мертвое тело Кочерги. Что-то это место так и притягивает смерть. Надо его быстрее покидать.

А сейчас что делать? Снова запрягать телегу и отправляться на трупный промысел, чтобы провернуть с Кочергой тот же фокус, что и с Пугалом? Или поступить, как полагается добропорядочному гражданину, позвать жандарма и переложить эти заботы на его плечи? Собственно, жандарма можно и не звать, он и сам должен после обеда прийти — проверять, нет ли среди тел тех, которые проходят по полицейским расследованиям.

Пока я думал, раздался стук в дверь. Наверное, это толстяк. Легок на помине... Я натянул на лицо равнодушно-приветливое выражение и поплелся открывать.

Пожалуй, этот день в моем личном рейтинге плохих дней имел все шансы заполучить почетное второе место. Второе — потому что первого такое муторное времяпровождение ну никак не достойно.

Почти до обеда толстяк мурыжил меня переливанием из пустого в порожнее. Пучил глаза, рассказывал, как проникательна и въедлива эта самая Ядвига. И про то, как он хорошо все придумал. При этом никаких конкретных слов насчет того, что он собирается говорить местной «королеве преступного мира» он так и не произнес. А то вдруг он начинал требовать от меня, чтобы я дал слово, держать рот на замке и ни в коем случае не вмешиваться в беседу на высшем уровне. В тот момент, когда в дверь постучался жандарм, я уже почти готов был придушить моего толстого «компаньона».

К двери я понесся практически бегом. Распахнул ее, впуская жандарма внутрь.

И самым приятным зрелищем в этот момент было перекошенное лицо толстяка. Который даже не подозревал, что пока он разглагольствовал о своих дипломатических талантах, совсем рядом с ним все это время лежал убитый Кочерга.

— Сегодня вообще никого? — жандарм недоуменно свел брови, оглядел пустые нары. Зыркнул на толстяка, который тут же сжался и стал как будто бы вдвое меньше. Посмотрел на меня.

— Случилось кое-что плохое, — сказал я и сделал тревожное и скорбное лицо. — Сегодня ночью меня не было дома. Я... Ну, в общем, так получилось, что когда Алоизий Макарыч вечером не появился, как обещал, я пошел на Сенной рынок, потом мы с друзьями гуляли по Садовой и пели песни, я слушал музыкантов... В общем, потом солнце уже встало, и я пришел домой. А здесь... Пойдемте, я покажу., ваше благородие...

Я потянул его за рукав. От обращения «ваше благородие» жандарм слегка даже порозовел. Никакое он не благородие, разумеется. Обычный мужик, отслужил четверть века в армии, потом получил непьющую работку в Спасском полицейском округе. Лицо типично рабочекрестьянское. Но я же неграмотный мальчишка. Для меня любой человек в мундире

— небожитель.

Увидев мертвого Кочергу, жандарм пожевал губами. Задал мне пару-тройку вопросов, на которые я и так уже ответил. Достал бланк протокола, накорябал несколько строчек. Кликнул двух молчаливых подручных от своей повозки. Он сноровисто забрали тело. Жандарм с кислым лицом поблагодарил меня за бдительность, похлопал по плечу, развернулся на пятках и вышел за порог. Что-то мне подсказывало, что никакого расследования он вести не будет. Место происшествия он не осматривал, никаких замеров не проводил, не вызывал никого, кто бы этим занялся. Значит...

— Он все это время лежал здесь, и ты мне ничего не сказал?! — напустился на меня толстяк, когда жандарм ушел.

Я пожал плечами и закатил глаза.

Как оказалось, обитала Ядвига в малиннике. Это еще одно злачное место рядом с Сенной площадью. Только в отличие от Вяземской Лавры, которая была оплотом нищеты, тлена и беспробудного пьянства, малинник представлял собой куда более жизнерадостное место. Здесь любили и умели предаваться всем грехам, до которых был в состоянии додуматься человек. Или, говоря простыми словами, это был бордель. Или даже целый комплекс борделей.

За общим фасадом, выходящим на Сенную площадь, прятались несколько зданий, некоторые из которых стояли автономно, а некоторые были объединены общими галереями-переходами. Проулки между домами освещали китайские бумажные фонарики и алхимические фонари самых причудливых расцветок. Трещины в стенах и язвы обвалившейся штукатурки были стыдливо прикрыты полотнищами ярких расцветок, аляповатыми панно с грубо намалеванными не очень одетыми девицами, и сплошными стенами дикого плюща. В каком-то смысле было даже уютно...

Под фонарями скучали девушки, определить возраст которых было затруднительно из-за толстого слоя яркой косметики. Из открытых окон домов раздавались звуки музицирования, разной степени талантливости и песни, разной степени непристойности.

Клиенты были двух категорий — первые были неплохо одеты и пахли дорогими одеколонами. Они целенаправленно двигались в сторону одного из зданий, не задерживая взгляд на выставивших свои прелести уличных девках. С ними было все ясно — это чистая публика, девушек на ночь они выбирали в уютных гостиных, с бокалом шампанского в руке и под звуки рояля или клавесина.

Вторая категория не отличалась изысканностью нарядов и манерами. Эти посетители, напротив, старались обходить стороной все входы в заведения, тянули руки к ярко раскрашенным девицам, в надежде бесплатно ухватить за какую-нибудь из привлекательных частей тела. А если у кого-то из них были деньги и желание потратить оные на продажную любовь, то свое он получал прямо на улице, в одном из многочисленных темных закутков, которыми изобилдовал малинник.

Толстяк потащил меня сквозь этот царящий на улице развеселый разврат к самой дальней из построек малинника. Тот дом был отделен от остальной территории невысоким кованым забором. Окна его были закрыты и задернуты плотными шторами, а на крыльце стоял дюжий детина с дубинкой в руке. И по лицу его было совершенно не похоже, что он рад нас видеть.

— Вам вон туда за угол и направо, — презрительно проговорил он, окинув взглядом толстяка. На меня вообще не посмотрел. — Там из твоего мозгляка за гривенник мужика

сделают.

— Я Ореховский... — проблеял толстяк, хотя ему, наверное, казалось, что он говорит с достоинством и гордо выпрямив спину. — Геннадий Кузьмич. Мне назначено...

Вот, значит, как тебя зовут, толстый... Уже не очень-то интересно, конечно. Да и раньше не было, кого я обманываю?

Громила прищурился. Еще раз смерил взглядом толстяка. На меня опять даже не глянул. Многозначительно похлопал дубинкой по ладони. Но сделал шаг в сторону и облокотился на перила. Видимо, это был знак, что нам можно пройти.

Толстяк вскарабкался по ступенькам и потянул дверь на себя.

Глава 12. Кое-что о непринужденных застольных беседах

Толстяк замер на пороге и втянул голову в плечи. Потом даже попытался сделать шаг назад, но громила на дверях легонько ткнул его дубинкой в бок. Мол, ты меня убедил, что тебе надо внутрь, теперь давай, топай, твой выход.

Толстяк оглянулся на меня испуганным взглядом и обреченно шагнул вперед. Я нетерпеливо последовал за ним. Стало очень уж любопытно, что это его так смутило. Он же стремился к цели заполучить криминальный бизнес, полдня мне сегодня мозг выедал чайной ложечкой, расписывая, как он прекрасно все устроит, и как ему все бонзы теневого Петербурга будут в овациях рассыпаться и реверансы на четыре такта вытанцовывать.

Я проскользнул вслед за толстяком внутрь дома и скромно занял место у стены рядом с дверью. А внутри царил совершенно даже не деловая атмосфера. За огромным столом в центре просторной комнаты восседало десятка два человек. На вошедшего толстяка они не обратили ровным счетом никакого внимания. Их гораздо больше занимали еда и напитки. Впрочем, понять их было можно — трапеза была обставлена с истинно цыганской роскошью, когда на стол поставили все деликатесы сразу. Осетр, размером с бревно, целиком зажаренный кабанчик, плоски с красной и черной икрой, наваленные грудой подрумяненные рябчики, искрящиеся граненые кувшины с благородно-рубиновой и бледно-золотистой жидкостью. И это не считая батареи обычных бутылок, нарезанных ломтями сочащегося ароматным соком мяса, напластанного крупными кусками дорожного швейцарского сыра и прочих угощений, купленных явно не на Сенном или Никольском рынке.

Толстяк молча топтался на месте, ожидая, когда на него обратят внимание. Но никто особенно от еды не отвлекался. Вгрызались золотыми зубами в сочное запеченное мясо, жадно отхлебывали дорогое вино из драгоценных бокалов муранского стекла, с хрустом, брызжа соком во все стороны, откусывали куски от румяных яблок.

— Грхм... Прошу прощения... — тихонько сказал толстяк. Голос его звучал пискляво, как у девчонки. Я фыркнул, пытаюсь сдержать смехок. Да уж, от раздувавшегося от чувства собственной значимости повелителя труповозного дела, вершителя судеб и владыки судьбы, которым он представлял себя сегодня весь день, ничего не осталось. Только трясущийся кусок жира с красным помидором носа на бледном, как непрожаренный блин, лице.

Он обернулся на мое фыркание, но, кажется, я успел снова сделать серьезное лицо. Или нет...

— Простите... Госпожа Ядвига... Я низжайше прошу... — залепетал толстяк чуть громче.

Собравшиеся за столом продолжали жрать, обмениваясь односложными фразами.

Единственная женщина сидела во главе стола. Она была черноволосая и черноглазая, густые волосы собраны в пышный конский хвост, у основания удерживаемый несколькими золотыми обручами. Она была одета в красно-черное цыганское платье и увешана золотом и самоцветами чуть ли не с ног до головы. Но цыганкой она не была, хоть и явно прикидывалась. И еще мне она показалась слишком молодой для владычицы криминального мира. Ей было может чуть больше двадцати...

Толстяк беспомощно оглянулся на меня. Надо было, пожалуй, как-то уже приходиться ему на помощь, а то мы так и простоим на пороге, любуясь зрелищем стекающего по плохо выбритым подбородкам жира пополам со слюной и заляпанными разноцветными соусами рукавами бастистовых и шелковых рубашек, которые это быдло носить совершенно не умело. Зато могло себе позволить, что, собственно, сейчас с шиком-блеском и демонстрировало.

Я огляделся. Рядом со мной стояла корзина для тростей и зонтов, в которую какой-то шутник сунул резную ножку от журнального столика, покрытую облупившейся позолотой и перламутром. Хорошая работа. Явно из дорогого гарнитура, когда-то украшавшего богатую дворянскую усадьбу. Ну что ж... Быстрым движением я выхватил эту штуку из корзины и уронил на пол.

Чавканье и довольные односложные фразы стихли. Множество пар глаз повернулись в нашу сторону. Толстяк испуганно посмотрел на меня. А я пожал плечами и развел руками. Мол, сделал все, что мог. Ты же приказал молчать, вот и молчу...

— Д-д-добрый вечер, — сказал толстяк и поклонился. Прокашлялся, прочищая горло.

— Ты кто еще такой? — весело спросила женщина. — Кто тебя сюда пустил?

— Г-г-госпожа Ядвига... — начал толстяк. — Я, собственно, Ореховский... Передавал записку о своем визите... По поводу труповозного промысла...

— Записку? — черные брови Ядвиги сошлись на переносице. Она бросила быстрый взгляд на одного из сидящих за столом. Тот едва заметно кивнул. — Ах да, записку... Тогда излагай, что там у тебя.

— У меня есть п-п-предложение... — толстяк никак не мог совладать с дрожащим голосом. — Ежели с умом подойти к делу, то можно получить хорошую прибыль...

— А ум-то в твоей лысой башке есть? — громогласно спросил необъятных размеров мужик, чья туша свешивалась с обеих сторон массивного табурета. Тоже, кстати, лысый. А его толстомясый нос украшала бородавка размером с вишню.

— Я слышал, что чем больше пузо, тем больше ум, — поставленным голосом произнес другой застольный заседатель. Тощий, длинный, с круглыми очками на желчном лице и в беретике, как у парижского художника. Это на него смотрела Ядвига, когда сомневалась, что ответить.

— Ты, Веласкес, сильно-то не фармазонь, а то я и зазнаться могу, — необъятный тип с бородавкой потянулся к блюду с рябчиками, сцапал одного и с хрустом вгрызся в несчастную птичку, которая в его здоровенных руках вообще казалась крохотным воробушком.

— Я предельно искренен, уважаемый Бондарь, — тонкие губы улыбнулись, глаза остались холодными и внимательными. Очень светлые такие глаза, как две ледышки. — Я даже научную статью читал недавно. Что ежели ума в для головы слишком много, то он находит он перемещается в новый резервуар. У мужчин таковой на животе, а у женщин, прощу прощения, в афедроне.

— Так это что же получается, моя маруха умнее меня, раз у нее корма как

монгольфьер? — вступил в разговор мелкий мужичонка с черной повязкой, закрывающей левый глаз. Правое ухо почти до плеча оттягивало несколько тяжелых золотых колец, во рту сияют два ряда золотых зубов. На шее — положенная на бок восьмерка Всеблагото Отца размером в полторы ладони толщиной в два пальца. А цепь такая, что волкодава во дворе на нее можно посадить, не оборвет. И ворот красной шелковой рубахи тоже расшит золотом. Только вот шея у него тощая, морщинистая и с уродливым шрамом.

— Конечно умнее, Коврига, она умеет помалкивать, когда не спрашивают! — жирный Бондарь громко захохотал, открыв рот. Во все стороны полетели брызги слюны и кусочки недожеванного рябчика. Остальная публика за столом подхватила смех. Либо фраза была связана с какой-то внутрицеховой историей, либо этот огромный неопрятный тип — обладает почти непререкаемым авторитетом. Даже черноокая Ядвига слегка улыбнулась и сделала маленький глоток из своего кубка. Желтого металла, покрытого замысловатым узором и посверкивающими самоцветами. Потом опустила его на стол, взяла изящными пальчиками ложечку и несколько раз стукнула ей о край бокала. Всеобщее веселье, которое стало уже затихать и само по себе, смолкло.

— Однако что же мы такие невоспитанные? — сказала она, белозубо улыбнувшись. — К нам тут с разговором пришли, а мы афедроны обсуждаем...

— Так молчит этот жирный, — Бондарь взмахнул зажатым обедком рябчика в одной руку и куском кровяной колбасы в другой. — А раз молчит, отчего бы и про афедроны не поговорить? Тема богатая...

Все снова засмеялись, но я смотрел не на авторитетного жирдяя с бородавкой, а на Ядвигу, которая в этот момент обменивалась многозначительными взглядами с тощим Веласкесом.

— А почему этот толстый за трупный промысел говорит? — вдруг вмешался в разговор еще один персонаж — румяный детина с копной льняных кудрей, этакий Иван-дурак, каким его на лубочных картинках рисуют. — Трупов же допрежь Пугало всегда возил. А этот откуда взялся тогда? Ты кто вообще будешь, елда лысая? И про трупный промысел отчего разговор ведешь?

— Так это... — «мой» толстяк побледнел еще больше. Даже красный нос стал светлее, чем обычно. Он принялся щелкать беззвучно пальцами, что было знаком для меня. Чтобы я запустил «светляка». Когда он планировал разговор, он представлял себе все совершенно иначе. Думал, что Ядвига будет сидеть за письменным столом в рабочем кабинете, как какая-нибудь чиновница. И что из подручных рядом с ней будет разве что здоровенный тупой и бессловесный телохранитель и исполнительный, расторопный, но тоже молчаливый секретарь. Да и ее саму он представлял как-то иначе. Серьезной пожилой дамой. Тупенькой, разумеется. Которой просто раньше не хватало сильного мужского плеча, которое он, такой умный и оборотистый, с удовольствием ей предоставит и разделит, так уж и быть, бремя короны криминального мира...

Только вот «светляка» я запускать не собирался.

— Что еще за Пугало? — спросила Ядвига.

— Так труповоз из Вяземской Лавры же! — воскликнул Иван-дурак.

— Что-то не пойму я, про что вы толкуете! — красивое лицо Ядвиги стало грозным. — Труповозный промысел какой-то... нам-то что с того? Труповозный, фу... К столу еще про такое говорить пришел.

— Госпожа Ядвига, прошу вас, выслушайте меня! — толстяк наконец-то перестал

заикаться и даже осмелел настолько, что шагнул к столу. — Пугало возит трупы без фантазии, просто собирает и тащит в слона. Там их сжигают, и вся недолга. А я предлагаю другое совсем! Вот представьте, ежели надо, чтобы человек взял и исчез, растворился в воздухе, чтобы даже следов не осталось... Чтобы тело жандармы не нашли и их ищейки не начали землю рыть и розыск устраивать. Так вот, ежели это тело погрузить в телегу труповоза, то в кочегарке его кинут в печь, как бесхозный труп... А еще есть уважаемые люди, готовые безымянные и бесхозные трупы для своих нужд покупать...

Все сидящие за столом молча слушали сбивчивую речь толстяка. Только вот смотрели на него не с уважением к его богатой фантазии, а... с все возрастающим презрением.

— Ты, елда лысая, какую-то ересь нам сейчас предлагаешь, — перебил его Иван-дурак. — И если ты головой своей подумаешь, а не афедромом, то сообразишь, что трупы не просто так в печи сжигают, а чтобы Вяземская Лавра от холеры да от тифа не передохла!

Толстяк снова принялся судорожно щелкать пальцами. Но я снова сделал вид, что не заметил.

— Я не понял что-то ничего, — вытирая жирные пальцы о край скатерти, сказал Бондарь. — Пугало какое-то... Трупы... Толстый, ты о чем нам толкуешь-то? У друга своего Пугала хочешь промысел отжать, или что?

— Он мне не друг... — голос толстяка снова сорвался на писк.

— Помер Пугало, — сказал я, и множество пар глаз тут же уставились на меня. В том числе и «мой» толстяк. И глаза его выражали такой коктейль из возмущения, ярости, недоумения, паники и ненависти, что любо-дорого смотреть.

— Как помер? — спросил Иван-дурак. — Я его видел третьего дня!

— Его на пороге дома застрелили, — сказал я, как ни в чем ни бывало. — Вот этот вот самый Ореховский. — А утром пришел с каким-то бюрократам, чтобы тот ему дело передал, раз Пугало умер.

— Ах ты гаденыш мелкий! — завопил толстяк и затрясся всем телом. — Это не я стрелял!

— Конечно же ты, — беззастенчиво соврал я. — Только бюрократа ты либо денег на взятку пожалел, либо он честным оказался и помогать тебе не стал. Тогда ты меня сюда и притащил. Наобещав с три короба. Не слушайте его, уважаемые.

— Застрелил, говоришь? — холодные глаза тощего Веласкеса стали еще холоднее, прямо арктическим ветром повеяло.

— Ага, — я кивнул. — Хотел, чтобы все думали, что это тати какие-то его в ночи убили, а он, благодетель Вяземской Лавры, на себя готов взять трупный промысел. Чтобы мертвых бродяг антропомантам продавать, а мертвых девок — извращенцами всяким.

— Ишь ты, говна какая... — жирный Бондарь скривился и даже отложил в сторону копченую куриную ногу, от которой как раз примеривался откусить. — А сам-то ты чей будешь, пацан?

— Демьян Найденов, пугалов приемный сын, — отчеканил я. — Кто Вороной кличет, кто Чижиком.

— И ты тело Пугала, значит, жукнул, чтобы промысел этому лысому не достался? — прищурился Бондарь.

— Ага, — я согласно кивнул.

— Хитро, — жирдяй хохотнул и снова потянулся к одной из тарелок.

— До меня что-то не доходит, что нам этот толстый затележить пытался, —

обвешанный золотом Коврига выскочил из-за стола. — Получается, он уработал приемного батю пацана и промысел его теперь пытается себе пришить. Да еще и уважаемых людей к своей этой мурыже приелдонить... Это ты что ли предлагаешь трупы продавать тем урюкам, что в тухлятину уд свой сувать приучены?

На толстяка было жалко смотреть. Он то бросал в мою сторону испепеляющие взгляды, то пытался делать микроскопические шаги в сторону двери, то втягивал голову в плечи, как черепаха. Его объемистый живот мелко трясся.

— Отвечай, потрох сучий! — Коврига сделал очень быстрый шаг вперед и ухватил толстяка за рубаху левой рукой. В правой блеснуло узкое лезвие, которое замерло буквально в миллиметре от глаза толстого.

— Я пришел, чтобы обсудить вопросы... — проблеял тот едва слышно. Пошевелиться он боялся, но трясло его уже так, что он в любой момент мог собственным глазом насадиться на нож Ковриги.

— Смотрите-ка, вопросы обсудить... Умный какой... — Коврига неуловимым движением всадил кулак под ребра толстяку. Тот сдавленно вскрикнул.

— Раз брюхо есть, значит умный, — жирный Бондарь вытянул вверх толстый как сарделька палец. — Веласкес пурги не гонет, научную статью читал!

— А Веласкес — потому что художник? — невинно спросил я.

— Ага, художник! — Бондарь опять громогласно заржал. — Хочешь под гжель распишет, хочешь — под хохлому!

— Ты мне муть-то не гони, жирный! — не обращая ни на кого внимания наседавал Коврига, потрясая перед лицом толстяка узким острым лезвием. Тот извивался, пытаясь вырваться из цепких пальцев, но получалось не очень хорошо. — Ежели каждый уд будет мокруху тут разводите без спроса, это сплошной бардак начнется!

— Ты поаккуратнее, Коврига, глаз еще поранишь человеку... — приторно-сладким голосом проговорил Веласкес.

— Да я ему не только глаз! — заорал Коврига прямо в лицо толстяку. — Я его сейчас так отъелдарю, что маруха его будет по всей Вяземской Лавре клочки собирать.

— Какая еще маруха, ты на рожу его посмотри? — снова заржал Бондарь. — Да ни одна цыпа такого близко не подпустит. Разве что он у Пугала ее хотел купить, а тот не продал. И за это тот ему пулю в лоб и пустил...

— Да что вы такое говорите?! — заверещал толстяк и попытался вырваться. Нож скользнул по его щеке, оставив длинный кровавый след. — Кому вы верите вообще? Это же Ворона! По нему желтый дом плачет, он выдумал все! А Пугало в Петергоф к тетке уехал, мь с ним третьего дня пиво пили в «Коробчонке».

— У Пугала нет никакой тетки, у него вся родня от холеры померла, — заявил светлокудрый Иван-дурак. — Что-то совсем ты заврался уже. Если совести нет, так хоть уважение к собравшимся имей, да перестань языком своим поганым молотить.

— А ну-ка ша всем! — Ядвига резко встала и хлопнула по столу ладонью. Многочисленные ее золотые украшения мелодично зазвенели. — Мутная ты личность, Ореховский, вот что я скажу. А мы люди простые, нам не по пути с тобой, обжулишь еще. Так что ты, дорогой, своей ступай. И в дела свои грязные нас не вмешивай...

На лице толстяка появилось такое облегчение, словно он до этого момента недельным запором страдал, а тут вдруг все у него получилось. Но я смотрел не столько на его лицо, сколько на Веласкеса, Бондаря, Ковригу и Ивана-дурака. Судя по хищным выражениям их

глаз и хитрой улыбке на лице Ядвиги, речь была еще не закончена.

Глава 13. Кое-что о преступлении и наказании

— Эй, Коврига, ты ножичек-то убери, а он еще порежется ненароком, — Ядвига снова ослепительно улыбнулась. — Он и так уже юшкой умывается, с лица весь осунулся, болезный...

— И что же мы такого жучилу просто так отпустим, мамочка светлая? — Коврига сквасил недовольную мину, но лезвие моментально исчезло. — Я бы его прямо тут уработал...

— И все веселье себе забрал? — Пышный хвост Ядвиги укоризненно качнулся из стороны в сторону. — Конечно же, не просто так. Мы его с подарком отпустим. Веласкес, напиши-ка на его челе орла абиссинского! Чтобы ум его недюжинный каждому знающему человеку виден был...

До этого расслабленно сидевшие за столом гости вдруг пришли в движение. Двое сидевших с самого краю громил, не проронивших за всю трапезу ни слова, метнулись к толстяку, ухватили его за обе руки, и тот затрепыхался в унижительной выгнутой позе. Рубаха выбилась из-под брючного ремня, обнажая трясущееся бледное брюхо. Остальные тоже покинули свои места, положив на тарелки недоеденные куски жирной свинины, ломти свежайшего хлеба, щедро намазанные сливочным маслом и икрой, надкусанные ножки зажаренных до румяной корочки цесарок, рябчиков и цыплят, поставили на столы искрящиеся самоцветами бокалы и обступили болтающегося между двух амбалов толстяка.

Веласкес неспешно пересек комнату, извлекая из кожаных ножен переливающееся дамасским узором лезвие ножа.

Про абиссинского орла даже я что-то краем уха слышал, хотя всегда был человеком крайне далеким от криминального мира. Этот знак с гордым названием вырезался или выжигался на лбу того, кто совершил что-то мерзкое и недостойное. Это клеймо делало его «разрешенной жертвой» для любых действий, кроме убийства. Такому человеку позорно было подавать руку или помогать, зато считалось достойным отвесить ему пинка, вылить на голову ушат с помоями, измазать дверь его дома какой-нибудь дрянью. Его можно было обманывать и нарушать любые данные ему обещания, а вот вести с ним дела становилось опасно, потому как тень от крыльев абиссинского орла вполне может раскинуться и шире, чем над головой только одного человека. Ну и для более отчаянных, кто не страшится действий, осуждаемых законом — абиссинский орел делал разрешенной добычей содержимого карманов, сумок и кошельков своего носителя. Ну и, разумеется, обворовать его дом становилось для татей ночных буквально-таки делом чести.

Судя по тому, как нелюдски заорал-заголосил толстяк, он тоже знал, что означает приговор, оглашенный звонким голосом черноокой Ядвиги. Только вот придумала его явно не она, а высокий и тощий мужчина с холодными глазами и французском беретике, наносящий ловкими и точными росчерками раскинутую крылья птицу на лысину верещащего что-то неразборчивое толстяка. Он кричал и дергался, всеми силами пытаясь освободиться, но молчаливые громилы держали крепко.

Окружившие это действие «уважаемые люди» начали медленно и ритмично хлопать в ладоши, словно совершая какой-то ритуал. В комнате на несколько мгновений стало холоднее, будто порыв стылого ветра пробежался от стены к стене. Мигнули несколько раз лампы под мозаичными абажурами.

По моей спине пробежал зябкий холодок. Может быть, они и не делают вид, что совершают какой-то ритуал. Может это и в самом деле ритуал. И сущность, которую призвали в его свидетели, сейчас водит кончиком ножа в руке Веласкеса, оставляя знак не только для мелких шакалят трущобных улиц и всех разновидностей воров, но и для иных сил, потусторонних. Тоже способных отвесить пинка и наградить ушатом помоев... Только по-своему.

Громилы резко расступились, и толстяк от неожиданности рухнул на пол. Лицо его было залито кровью, на лысине и лбу раскрыла клюв и распахнула крылья уродливая птица. Дрожащими руками он коснулся своего лица. Потом посмотрел на окровавленные пальцы и завыл. «Уважаемые люди» молча смотрели на него. Никто не смеялся и не отпускал шуточек. Просто взирали снизу вверх. Равнодушно и холодно.

Униженно, задом вперед, толстяк пополз к двери. Быстро шмыгнул на улицу, скатился с крыльца и побежал прочь. Завывая и спотыкаясь.

На мгновение мне стало его жалко. Но потом я вспомнил мертвые глаза Пугала и жалость сама собой улетучилась. Этот толстяк сам выбрал свою судьбу. Никто не заставлял.

— А чего ты попросишь, Демьян Найденев? — спросила Ядвига, и все повернулись ко мне.

По выражениям лиц я понял, что это какой-то очень важный момент. И от того, что я сейчас скажу, очень многое зависит.

— Я не нищий, чтобы милостыню просить, — криво ухмыльнулся я. — И услуг вам не оказывал, чтобы требовать платы.

— Хм, умный мальчик, — изящная, униженная кольцами и перстнями рука Ядвиги коснулась моего плеча. — Тогда что же ты хочешь от этой жизни?

— Что хочу, я и сам возьму, если не приколочено, — я подмигнул Ядвиге. Весело, безо всякого пошлого намека, чтобы не разозлить случайно кого. — А если приколочено, то гвоздодер раздобуду сначала.

Первым заржал жирный Бондарь. За ним все остальные. Напряженная обстановка разрядилась. Кажется, я справился с ответами.

— Ну что ж, негоже гостя впроголодь держать, — сказала Ядвига и направилась обратно к своему месту. — Садись за стол, Демьян Найденев, угощистись, чем щуры послали.

Гульба покатила дальше. Я особенно на еду не налегал, но следил за тем, чтобы тарелка моя все-таки не пустовала. В основном я помалкивал и слушал. Говорил, только когда спрашивали. Но к счастью, никаких хитрых вопросов с подвохом больше никто не задавал.

По разговорам и оговоркам я сообразил, что жирный Бондарь заведует собиранием дани и информации со всех едально-питейных заведений. Увешанный золотом одноглазый Коврига — в прошлом, да и сейчас, виртуоз по кражам из домов и квартир. Но в настоящее время он скорее смотрящий за всеми, работающими в этой области. Тренирует взломщиков замков и оконных акробатов. Светлокудрый Иван-дурак носил гордое прозвище «Крылатый змей», и заведовал уличными мошенниками. Теми самыми, которые на рыночных площадях устраивают азартные игрища, вовлекая ничего не подозревающих прохожих в заведомо проигрышные авантюры. Еще среди сидящих за столом были «король попрошаек», «распорядитель карманников» и «смотритель уличных девок». Остальные были просто жиганы, удачливые воры и грабители и прочий разбойный сброд, чем-то выделившийся

настолько, чтобы попасть на ужин к самой Ядвига.

Единственный человек, чей род деятельности никак не обсуждался — это Веласкес. Сам он тоже был не очень разговорчив. Иногда кому-то что-то говорил вполголоса. А Ядвига, прежде чем открыть рот не для того, чтобы положить в него еду, смотрела на него.

В какой-то момент количество выпитого начало превращать лица в рожи, голоса становились все громче, шутки — все сальнее. Ядвига незаметно покинула комнату, вместо нее набежала стайка девиц, чья одежда не столько прикрывала, сколько демонстрировала их выдающиеся достоинства.

Я поискал глазами Веласкеса, но желчный тип в берете тоже куда-то исчез. Значит и мне уже пора.

Я сполз со своего стула и направился к двери. Ожидал какой-нибудь неприятности напоследок — все-таки пьяные люди непредсказуемы, мало ли что кому в голову взбредет.

Но обошлось. Никто меня не остановил, никто не потребовал, чтобы я выпил на посошок. Кто-то уже прикорнул в углу, кто-то продолжал методично наливать изысканными винами и неизысканной водкой, а кто-то был увлечен общением с девушками. Цепким взглядом меня проводил только развалившийся свои телеса прямо на полу между двух уже наполовину раздетых девиц Бондарь. Я устало улыбнулся и показал жестом, что пора на боковую. На его заплывшем жиром лице появилась самодовольная улыбка. Слабак, мол. Не умеет гулять молодежь.

Удочка была заброшена, мое лицо они запомнили. И я знал, что еще сюда вернусь. Но приходить нужно не с пустыми руками.

Немного поплутав в лабиринтах маличника, я вышел на Сенную площадь.

Переступив порог конторы, я замер.

Что-то было не так. Магическое чутье мое в полную силу не работало, вызывать знак «фита» я не решился, скорее всего даже слабое его мерцание вышибет из меня дух, и я рухну без сил прямо на пороге. Хорошо, если до кровати доползти смогу.

Но сюда явно кто-то заходил, пока меня не было. И этот «кто-то» творил здесь какую-то магию. Может быть, просто поставил «сигнальные колокольчики», чтобы они оповестили его, когда я вернусь, а может снабдил их «сучьими силками».

Вяземский? Или тот, кто наградил местного меня «вороньим граем»?

В любом случае, надо было уходить.

Если это Вяземский, то скорее всего на «сучьи силки» его умений не хватит. А если нет...

Долго думать я не стал. Метнулся к бюро, распахнул дверцу. Документы были на месте, но их явно кто-то просматривал. И даже не пытался это скрыть, просто скидал как попало. Не разбирая я сунул в карман всю пачку. Бросился в спальню, сунул руку за дощатое изголовье кровати, сорвал конверт с купюрами. Нырнул под нары, выхватил из кучи сметенной в угол соломы мешочек с часами и прочим золотом.

Снаружи раздались торопливые шаги нескольких человек.

Кубарем я выкатился из-под досок, задвинул засов и бросился к черному ходу.

Уже выскакивая за дверь я подумал, что если это Вяземский, то он отлично знает этот трюк, и сразу за подворотней меня будут ждать.

Покрутил головой. Водосточная труба, отлично. Я подпрыгнул, ухватился за ржавое металлическое кольцо, подтянулся. Дотянулся до узенького карниза, распластался по стене, сделал несколько осторожных шагов и перемахнул на крышу здания, стоявшего почти

вплотную.

На следующую крышу вела пожарная лестница. Преодолевая второй пролет, я услышал какую-то возню внизу. Но уже понимал, что преследователи безнадежно отстали. Чей-то командный голос понукал нерадивых кого-то. Раздался скрежет оторвавшейся водосточной трубы, потом громкие ругательства.

Скрипнуло окно. Сварливый голос принялся склонять по матери ночных дебоширов, мешающих спать. Потом раздался звон разбитого стекла.

Дальше слушать я не стал. Пробежал по коньку двухскатной крыши, съехал на пятой точке к парапету, перебрался через него, повис на карнизе, спрыгнул на крышу какой-то сарайки. Потом забрался по другой пожарной лестнице.

Вообще-то не было никакой необходимости и дальше пробираться по крышам. Уже вполне можно было спуститься вниз. Но все эти трюки доставили мне такое неожиданное удовольствие, что я готов был продолжать прыгать, карабкаться и балансировать. Радость от обладания ловким, цепким и выносливым телом захлестнула мое сознание волной эйфории. Я заглянул в тускло освещенное окно мансарды, мимо которого я сторожко пробирался. На развернутом прямо на полу матрасе сидела совсем юная белокурая девушка и водила тонким пальчиком по строчкам книги у нее на коленях. А рядом с ней на полу чадно горел огарок сальной свечи в дешевом оловянном подсвечнике-ложке.

Неслышной тенью я скользнул по карнизу, поднялся на самый верх, огляделся, чтобы сориентироваться. Опасно было таскать при себе все свои деньги разом. Следовало до поры до времени спрятать часть своих сокровищ в каком-нибудь тайнике. Почему бы не прямо здесь, где в мансарде живет такая очаровательная хранительница? Хоть она и никогда не узнает об этом...

Приметная башенка с флюгером в форме петуха. Каминная труба с нарисованной грустной рожицей. Мордатый рыжий кот, с любопытством взирающий на меня с самого края карниза. Вряд ли его можно считать надежной приметой места, но видеть я его все равно был рад.

Я сунул в глубокий карман штанов пару мелких купюр и свою паспортную книжку. А все остальное — бумаги, конверт с деньгами и мешочек с золотом, забил поглубже в нишу, оставленную выломанвшимся из своего гнезда кирпичом. Сверху над этой дырой проходил жестяной желоб, так что залить тайник дождем, если таковой случится в ближайшие дни, было не должно.

Почти бесшумно я соскользнул с крыши по водосточной трубе, еще раз огляделся, тщательно запоминая адрес и расположение домов и потопал в сторону Невы.

Васильевский остров я никогда не любил. Почему-то он вгонял меня в черную меланхолию даже в той своей части, которую облюбовали для своих особняков аристократы. Справиться с экзистенциальной тоской, которая захватывала на этой стороне Невы мой рассудок, не помогали ни пышные клумбы и цветники, разбитые на во всех дворах, на балконах и даже на крышах, ни играющие денно и нощно на перекрестке Среднего проспекта и Восьмой линии музыканты, ни даже вино и коньяк. Цветы казались бумажными венками на могилах, музыканты все время фальшивили и излишне растягивали ноты, а выпивка... Выпивка только вгоняла в тоску еще больше. Кроме того, сейчас, пребывая в теле полуголодного и совсем юного парня, я бы не рискнул экспериментировать с употреблением алкоголя. Во всяком случае, до тех пор, пока я не найду более или менее надежных приятелей, в обществе которых будет не страшно, если я с пары стопок просто упаду и усну

юным здоровым сном.

Когда я добрался до Большого проспекта, Васильевский остров уже начал просыпаться, а знакомая еще с прежних времен тоска уже запустила в мою душу свои цепкие коготки.

Заспанные домработницы уже потянулись со своими корзинками в сторону рынка, помятые, как будто спали прямо в одежде, дворники уже нашали шваркать метлами по брусчатке улиц и тротуаров. А с самого утра недовольные жизнью жандармы уже заняли свои сторожевые будки.

На одинокого бредущего подростка, то есть меня, никто пока что не обращал внимания. Приметная башенка с горгульей была на месте. Только вид у нее был более новый, чем в тот раз, когда Прошка мне ее показывал.

А вот и вывеска аптеки. Только само заведение еще закрыто. Час все-таки ранний. Впрочем, заходить я в нее пока что не собирался. Для начала мне нужен был подходящий наблюдательный пункт. Прежде чем пытаться навести контакты с родственниками того, кто в будущем станет моим самым верным сподвижником, не предавшим даже под топором палача, следовало сначала осмотреться.

Судьба — материя на самом деле очень прочная. Раз события уже свершились, то, чтобы обратить их вспять, требуются немалые усилия. Нельзя просто так переместиться в прошлое и убить своего врага прямо в колыбели. В этот простой и прямолинейный план непременно вмешаются досадные случайности, которые будут всячески мешать его осуществлению. Это может быть что угодно — от внезапно упавшего тебе на голову с ясного неба кирпича, до попавшей под ботинок в самый ответственный момент банановой кожуры. Причем с тобой, как с посторонним элементом этой цепочки событий, рок церемониться не будет, так что задумав простое и незамысловатое убийство, ты скорее всего погибнешь сам, причем от самой нелепой из случайностей. Потом твое никому неинтересное тело заберет труповоз и отправит в печь котельной. И через два дня о тебе никто даже не вспомнит. Ну, мол, был какой-то тип. Пришел, подскользнулся на таракане, ударился головой об ступеньку и умер. Даже имени никто не вспомнит. Потому что тут ты никто.

Я хотел, было, усмехнуться, но губы задрожали и скривились в гримасу злой тоски. Я был Никто в том времени, откуда я пришел. И здесь я тоже Никто. Человек, который не может назвать свое настоящее имя.

Я потер кулаками предательски защипавшие глаза и решительно направился к деревянным лесам, прилепившимся к фасаду дома почти напротив аптеки. Судя по пыли, покрывающей доски, на них уже никто не забирался по крайней мере месяц. Значит если я несколько часов на них просижу, ни один фасад дома не пострадает...

— Эй ты! — раздался за спиной чей-то голос. — А ну сюда иди!

Я резко обернулся. В мою сторону вразвалочку, с видом хозяев жизни двигались трое рослых парней, совсем ненамного меня старше.

Глава 14. Кое-что о том, что у судьбы есть чувство юмора

Вид парней не выражал ничего хорошего. Центральный был здорово меня крупнее, но голова при этом была какой-то мелкой, как будто у ребенка. Из-за этого вид у него был карикатурным. Именно так газетчики рисуют уличных хулиганов — широченные плечи, кулаки больше головы, а сама голова больше похожа на какое-то недоразумение. В иной ситуации я бы даже посмеялся.

Двое его приятелей выглядели не столь внушительно. Обычные нескладные подростки,

у того, который справа, начали пробиваться редкие усишки, а тот, что слева — самый мелкий, с обезьяньими ужимками и цветущим всеми оттенками фиолетового и зеленого синяком на всю правую половину лица.

— Что-то я тебя тут раньше не видел, нда? — гнусаво проговорил главный. Он жевал что-то коричневое с открытым ртом, и от этого его речь была еще более невнятной. — Чьих будешь, белобрысый?

Двое его прихлебал приняли высокомерные и угрожающие позы. Ну, как это видят подростки, конечно. Ссутулились, выдвинули вперед головы и сунули руки в карманы не подходящих по размеру штанов.

— В аптеку пришел, — относительно миролюбиво сказал я. — У бати пилюли кончились. А тут закрыто еще. Думал, подождать.

— Ты не слышал, что я спросил, сучок, нда? — главарь остановился в паре шагов от меня. — Из какой конуры ты выполз?

— Блаженный что ли? — тот, что с усишками, длинно сплюнул на тротуар. — Так тебя на цепь надо посадить, а то покусаешь еще кого.

Все трое заржали. Обезьяна с синяком тоненько и визгливо, главарь — низким подрыкивающим баском, а усатый — заикающимся козлиным блеянием.

— Живешь ты где, спрашиваю? — медленно, проговаривая по буквам, сказал главарь.

— На двенадцатой линии, — соврал я.

Никаких сомнений в том, что происходит, у меня не было — мелкие шакалята возвращались с ночного промысла. Карманы топорщатся, чем-то набитые доверху. Лица бледные и уставшие.

— Знак покажи! — потребовал главный.

— Что еще за знак? — спросил я.

— Брешешь, не живешь ты на двенадцатой! — заявил он. — Это залетный какой-то, братва. Аптеку Брюсов хочешь выставить, нда? А ты знаешь, что она под нашей защитой?

По их лицам было понятно, что все равно, что я отвечу. Бесплезно даже пытаться решить вопрос дипломатически, в чем-то их убедить или как-то договориться. Можно было либо вступить в драку и победить, либо убежать. Любой из вариантов плох. Первый — потому что я бродил сейчас по тонкому льду касания к судье, которую могу изменить. И то, что у меня в планах и мыслях не было вредить Прощке Брюсу, вовсе не означает, что эти трое шакалят — не орудие рока, и у одного из них в сапоге не спрятано шило, которое он всадит мне в печень просто из баловства. Потому что может. Потому что я для этих троих — такой же шакаленок, претендующий на их охотничьи угоды. Разрешенная добыча.

— Как-то ты для защитника-то рожей не вышел, — сказал я, незаметно разминая пальцы за спиной.

— Чего?! — белесые брови-щечочки на маленьком лице главаря взлетели вверх от изумления.

— Сопли подбери, вот чего, — огрызнулся я. — Защитник нашелся. К мамке беги под фартук, детский сад, штаны на лямках!

У главаря лицо стало такое, словно вот-вот из ушей пойдет пар. Он побагровел, сжал кулаки и бросился на меня. Бестолково бросился, просто с расчетом сбить с ног и забуцкать уже поваленным. При его весе план неплох, конечно. Но от его броска я ушел, потому что чего-то подобного как раз и ожидал.

Второй, тот что с усишками, растопырил руки и пошел на меня. А обезьяна тем

временем отскочил на пару шагов в сторону и присел, чтобы поднять выломившийся из брусчатки камень. Не очень хорошо...

Уличная драка в университетский курс не входила. Так что познавать это высокое искусство нам приходилось на собственном опыте. Преподаватели пытались это пресекать и строго следить за дисциплиной, но какое там...

Главный и усатый наступали на меня с двух сторон, иногда делая в мою сторону махи крепко сжатыми кулаками. Обезьяна довольно умело швырнул камнем. И даже попал бы, если бы я краем глаза не следил за его маневрами и не увернулся.

Бойцовых качеств этого тела я еще не знал. Сейчас я был здорово легче, чем в своей университетской юности. Так что ряд ударов и приемчиков лучше было сразу не пробовать.

Судя по маневрированию этих двоих, они пытались зажать меня в угол. И допустить это стало бы очень большой ошибкой с моей стороны. Кулак усатого снова двинулся в мою сторону. Я поднырнул под его руку, ткнул без особого замаха кулаком куда-то в корпус, пнул носком ботинка по голени и проскочил к нему за спину. В ту сторону, где обезьяна выковыривал очередной камень. Он стоял в очень удачной позе для меня неустойчивой позе, так что я, не задумываясь, толкнул его, и он кубарем покатился по тротуару.

— А ну сюда иди, выползок подзаборный! — заорал главарь и выхватил из-за голенища узкий почти как шило нож.

Усатого я ненадолго из строя вывел. Он орал и держался за голень.

Дурацкая ситуация. Мне совершенно не хотелось тратить время на драку для выяснения, кто струю на забор забросит выше. Я здесь был по совершенно другому делу, делить с этими шакалятами мне особенно нечего. Но поделаться с этим я решительно ничего не мог. В их крохотных мозгах не существовало иной системы координат, кроме позиции силы. Нарботанные рефлекс боевой магии требовали от меня вызвать немедленно знак «рцы» и разогнать этих недоумков по тем щелям, откуда они выползли. Мне даже понадобилось сжать руку в кулак, чтобы пальцы сами собой не сработали. Нельзя знаки. Не время. Не сейчас!

А примитивная магия при солнечном свете может и не произвести нужного эффекта. Я отступал от надвигающегося на меня главаря с ножом, мучительно перебирая варианты действий. Бежать? И вернуться позже, уже более скрытно? Звать на помощь? Или все-таки вызвать что-нибудь незамысловатое — «эффект медузы», «князь тьмы» или «пламенеющие очи»...

Скорее всего, даже примитивная магия этих шакалят отгонит. Но они ведь немедленно растрезвонят, что по Васильевскому острову бродит аристократ, замаскированный под беспризорника и терроризирует маленьких несмышленных детей.

Еще шаг назад. Твою мать, что за... Я чуть не рухнул, наступив пяткой на камень.

Точно.

Камень.

Я быстро поднял его с тротуара и изо всех сил запустил им в оконное стекло первого этажа.

Оно со звоном осыпалось на брусчатку дождем сверкающих осколков. Ну давай, удача! Сейчас если хозяева этой квартиры дома, то...

— Вы что это здесь устроили, говнюки мелкие?! — раздался чуть истеричный и визгливый мужской голос. — А ну пошли прочь отсюда, шантрапа ушастая!

В разбитое окно высунулась голова, украшенная всклокоченной пегой шевелюрой.

Сначала мне показалось, что это старик.

— Сдрисни, старикашка! — огрызнулся главарь.

— Еще указывать он мне будет! — голова на несколько секунд скрылась, потом хозяин головы высунулся в окно уже по пояс. Уже не с пустыми руками, а сл странного вида ружьем. — Кому тут отстрелить то, что с организмом надежного крепления не имеет?!

Ситуация моментально переменялась. Трое шакалят развернулись, помчались куда-то в сторону набережной и почти моментально скрылись из вида.

— А ты чего не убегаешь вслед за своими друзьями?! — тот, кто сначала показался мне стариком, наставил на меня раструб своего странного ружья.

— Вы — Вилим Брюс? — спросил я, во все глаза разглядывая незнакомца. Чертами лица он был здорово похож на Прошку, только тоньше, изящнее. Прошка выглядел скорее румяным сельским парнем, с простецким лицом, угадать в котором фамильные черты Брюсов можно было, только если с самого начала знаешь, что он родственник. То человек в окне, который лишь на первый взгляд казался стариком, из-за наполовину поседевшей всклокоченной шевелюры, был похож на Якова Брюса почти как две капли воды. И это точно был не отец Прошки, которому сейчас еще должно быть лет семнадцать-восемнадцать. А значит странное ружье в руках держал Вилим. Загадочный дядя, старший брат прошкиного отца, который пропал как раз где-то в это время. Рассказывал Прошка о нем мало, почти ничего. Они были соседями, но Вилим рассорился со всей семьей, отсудил себе просторную квартиру и подвал напротив аптеки и когда проходил мимо кого-либо из родни — отворачивался в сторону, будто от незнакомцев.

— А ты еще кто таков? — он смерил меня взглядом из-под широких кустистых бровей того же пегого цвета, что и его всклокоченная грива.

— Никто, — сказал я. — Ну или точнее, князь Никто.

— Фу-ты ну-ты, ваша светлость... — пробормотал Вилим, но из ружья в меня целиться перестал. Голова его скрылась в окне. Кажется, он хотел захлопнуть окно, но вспомнил, что оно выбито и в сердцах плюнул.

— Я правда князь, — сказал я, развел руки в сторону и перебросил из одной ладони в другую мигающую разными цветами яркую ленту радуги. — Поговорим? У меня к вам дело!

В глазах его вспыхнуло отчаянное любопытство. Вилим Брюс, почему я сразу про него не подумал?! Он же изгой, вроде меня. Человек, не оставивший почти никакого следа в истории и канувший в небытие еще до моего рождения! Вот она, та самая прореха в ткани судьбы, в которую я могу втиснуться, чтобы меня не вышвырнуло воной рока в виде безымянного трупа на помойке в центре Васильевского острова.

— Ну, входи... Вторая парадная и до конца коридора.

Я вприпрыжку понесся к потемневшей от сырости и времени деревянной двери. И даже не подумал унимать радостно подпрыгивающее в груди сердце. Сейчас главное не спугнуть этого странного парня. Если получится, то у меня появится первый настоящий союзник. А без них мне в моей сложной миссии просто никак не обойтись.

Другое дело, что подходит на эту роль далеко не всякий...

Дверь в квартиру Вилима оказалась в торце длинного коридора. Он стоял на пороге, в спину ему светили утренние солнечные лучи, которые делали его шевелюру похожей на нимб, с которыми рисуют в храмах Всеблагото Отца семерых первых адептов. Он посторонился, пропуская меня в прихожую.

Я присвистнул. Да уж, теперь понятно, почему семья Брюсов старалась не вспоминать

про этого человека. По рассказам Прошки, семья его ютилась в крохотной квартирке над аптекой. Две клетушки-комнаты и закуток без окон, выполнявший роль кухни, уборной и ванной одновременно. А Вилим же, тем временем, был обладателем роскошных хором с высоченными потолками, покрытыми почти дворцовой лепниной. Шесть комнат выстраивались переходили анфиладой одна в другую и упирались в роскошный зал столовой. В темном углу прихожей притаилась еще одна дверь. Которая, наверное, вела в подвал, такого же размера, как и вся эта огромная квартира.

Правда кроме потолков и лепнины никакой роскоши в квартире больше не было. Мебель была самая простецкая, купленная или заказанная у самого дешевого столяра. Большая часть комнат стояли пустыми, узорчатый паркет частично вспучился и облупился. Обжитым в этом пространстве выглядела только одна комната и частично столовая с печью, покрытой закопченными узорчатыми изразцами и маленьким кухонным столом, который когда-то играл роль кофейного или журнального.

— Рассказывай, что у тебя за дело, князь Никто, — неприветливо произнес Вилим, кивнув подбородком в сторону грубо сколоченного табурета.

И я рассказал. Абсолютную правду, даже не пытаясь влиять или скрываться. Если Вилим — та самая прореха, то ничего не помешает моему рассказу. А мне позарез был нужен настоящий союзник, а не слепое орудие, как я собирался использовать, например, тех же «уважаемых людей», в обществе которых провел сегодня ночь.

Я рассказал про войну, в которую через пару десятков лет втрavit Российскую Империю только что взошедший на престол Император, который сейчас еще ни о чем таком не подозревает и качается в колыбели под присмотром десятка няnek. Рассказал, как он выжал из страны все соки, пыжась показать своим союзникам, какой он могущественный и великий. Рассказал, не называя имен, о семерых друзьях, которые задумали изменить это положение вещей. И о Бархатной Смуте, которая вслед за этим решением последовала. Рассказал про свой слепой идеализм и веру в лучшее в людях, которая и привела меня в конце концов к поражению.

Вилим слушал, не перебивая и не задавая вопросов. Несколько раз он вскакивал, открывал рот, но потом сразу же затыкал его себе ладошкой, чтобы не прерывать моей речи.

Когда я закончил, он долго молчал и смотрел себе под ноги, опираясь на все то же странной формы ружье. Я ждал. Ждал его реакции, но думал почему-то о том, что скорее всего это ружье вообще не стреляет. Просто игрушка. Пугалка. В общем-то, не менее действенная против шакалят, которые наскочили на меня на улице, что и настоящее.

— Ты, должно быть, безумен, еще больше, чем я, — сказал он, поднимая потемневший взгляд. — Но ты пришел сюда искать меня. Почему?

— Откровенно говоря, я искал не вас, — честно ответил я. — Прошка Брюс, который еще не родился, был в той, другой жизни, моим лучшим другом. Он приснился мне и дал какую-то туманную подсказку. И я решил...

— Навестить его отчий дом, не испугавшись бремени рока, я понял, — тяжелым голосом проговорил он и снова уставился в пол. — Что ты хотел здесь найти?

— Наследство Якова Брюса, — ответил я, сверля взглядом его замкнутое лицо. Только правда. Только правда, и ничего, кроме правды. Это игра ва-банк не допускает никаких экивоков и уклончивых ответов.

— Мальчик, ты хоть понимаешь, о чем говоришь? — Вилим посмотрел на меня и расхохотался, широко открыв рот. — Все его поместья давно разобраны по кирпичику,

просвечены магией, обнюханы ищейками Багровой Бригады. Там побывали все искатели приключений, от мала до велика. Его сундуки выпотрошены, сокровища описаны, посчитаны и разложены по новым закромам. И ты все равно из тех сумасшедших, кто верит, что хитроумный шотландец где-то спрятал что-то еще? Более драгоценное, чем все те драгоценности, которые уже найдены?

— Да, — я кивнул, и лицо мое помимо моей воли стало расплываться в улыбке. Но Вилим Брюс моей радости отнюдь не разделял. Он нахмурился еще больше, его пегие кустистые брови сошлись глубокой складкой на переносице. Он потер рукой заросший щетиной подбородок.

— Бремя рока, — сказал он. — Ты не смог бы рассказать мне все это,

— Но я смог, — ответил я.

— Это значит... Это значит, что вся моя жизнь никакого значения не имеет, ведь так? — он снова поднял на меня глаза. В глубине их затаилась боль, вселенская обида и тоска.

— И я пришел, чтобы это изменить, — сказал я.

— При помощи наследства Брюса? — губы Вилима сложились в горькую усмешку. Он больше на меня не смотрел. Он смотрел на то самое разбитое окно, в которое влетел мой камень. Эх, Вилим, если бы со мной произошло что-то подобное, и на порог явился безусый юнец, который заявил бы, что и ничто, отрезанный ломоть, что все, чем я занимаюсь, не будет иметь никакого значения и будет благополучно забыто всеми потомками... У меня было время, чтобы привыкнуть к тому, что я — НИКТО. А вот Вилима я огорошил этим знанием только что. Так что его тоску, боль и обиду я вполне понимал. Я мечтал изменить мир, а оказался куклой, сидящей в клетке на хрустальной цепи, весь смысл жизни которой был в том, чтобы слушать, как мой неслучившийся сын равнодушно читает мне газеты.

— Да, — горячо ответил я, и подался вперед.

— И куда же ты намерен отправиться на поиски этих таинственных сокровищ? — усмешка Вилима стала еще горше.

— Нет необходимости, — сказал я. — Я уже их нашел.

Глава 15. Кое-что о магии, алхимии и плохом характере

Я молча смотрел на то, как меняется лицо Вилима. Разгладилась недоверчивая глубокая морщина между бровей. В потухший тоскливый взгляд вернулся огонь и жажда жизни. Расправились глубоко запавшие скорбные складки возле рта. Дрогнули уголки губ, поднимаясь в едва заметную улыбку.

— Вилим Романович, граф Брюс, потомок шотландских королей и наследник чернокнижника, — медленно и торжественно произнес я. — Я, князь Никто, предлагаю тебе свою дружбу с этого момента и до завершения пути. Примешь ли ты мою руку?

— Проклятье... — прошептал Вилим и запустил пальцы в свою и так растрепанную шевелюру. — Мог ли я предполагать...

— Ты примешь мою дружбу? — повторил я и протянул ему раскрытую ладонь.

— Да, черти меня сожри, конечно же да! — Вилим сжал мою ладонь так сильно, что в ней хрустнули кости. — Только предупреждаю тебя, пацан, у меня крайне неуживчивый и хреновый характер. И ежели что...

— На всякий случай тоже напоминаю, что я только выгляжу как пацан, — усмехнулся я. — И, кстати, это первая проблема, о которой я хотел бы поговорить...

— Нет-нет, подожди, — Брюс вскочил со своего стула и забегал по комнате из стороны в сторону. — Сейчас... Я должен об этом спросить, чтобы понять, правильно ли я тебя понял... Ты считаешь, что я и есть то самое наследство Якова Брюса, которое так никто и не мог отыскать? Или ты просто решил польстить нелюдимому безумцу, чтобы... Чтобы...

— Наши сны, Вилим Романович, это очень странная материя, — сказал я, тоже поднимаясь с табурета. — Они не имеют отношения к магии, потому что видеть их одинаково может и крестьянин, и дворянин. Часто они просто ничего не значащий бред, набор волнующих образов. А иногда сны — это прозрение. И отличить одно от другого бывает очень трудно. В моем сне Прошка сказал мне, что Яков Брюс умел прятать тайное в очевидном. Все искали Черную Книгу, в которой сокрыта вся его мудрость, загадочные могущественные артефакты, припрятанные в самых неожиданных местах, записи и дневники, которые открыли бы тайны мироздания. Только это все не то. Черная Книга, как мне кажется, это не более чем миф, который сам же Яков Брюс и придумал...

Я подошел к висящему на стене овальному зеркалу в когда-то золоченой раме. Там отражался все тот же тощий подросток с непослушно вьющимися светлыми волосами. Одетый в уродливые штаны с закатанными штанинами и рубаху, в которую можно завернуть двоих таких. И как ни пытался я разглядеть за этим юным лицом умудренного годами старца, мне не удавалось.

Вилим подошел ко мне и встал за правым плечом. Его растрепанная пегая шевелюра шапкой возвышалась вокруг головы. Но достаточно было просто представить вместо потрепанного домашнего халата — бархатный камзол, голову увенчать завитым париком и немного пригладить кустистые брови, то никакой дополнительной фантазии не потребуется, чтобы узнать в этом человеке едва ли не близнеца сурового шотландца, друга и сподвижника Петра Великого, основателя Тайного Университета Магических и Прочих Искусств и автора множества учебников и методичек, по которым до сих пор обучают отпрысков всех дворянских фамилий.

— Ты и есть Черная Книга, — сказал я и подмигнул Вилиму через отражение. — В твоих жилах течет настоящая кровь Брюсов. Не знаю точно, что там случилось, когда у твоего рода отняли дворянское достоинство и магию, но кровь Якова Брюса они выжечь не смогли.

— Во мне все равно нет ни капли магии, — с тенью печали в голосе сказал Вилим. — Я пытался разомкнуть чары, искал обходные пути, собрал уйму самой разнообразной литературы по этой теме, даже запрещенной. И все равно ничего. Пустышка. Ноль. Даже примитивная магия мне недоступна, как какому-нибудь крестьянину. Я даже алхимией этой проклятушей увлекся, чтобы хоть иногда получать хоть какие-нибудь результаты...

— И все это очень нам пригодится! — весело сказал я и снова уселся на табурет. — Потому что первое, о чем я хотел с тобой поговорить — это возможность вернуть магию мне.

— Что значит — вернуть? — Вилим нахмурился. — Ты же продемонстрировал мне «ленту лепрекона», а это значит, что никакого запрета, замка или отмены на твоей магии нет.

— Да, с этим все в порядке, — я хмыкнул. — Только этому телу нет еще и пятнадцати, а это значит...

— Это значит, что глаголица тебе почти не поддается, не говоря уже о родовой магии, — подхватил Вилим, понимающе кивая.

— Раз ты собирал информацию о хитрых способах обходить запреты и ограничения, может тебе попадалось что-то, что позволит мне овладеть моими умениями в полном объеме? — с надеждой спросил я. — Я пытался обойти это при помощи Черной Троицы, но получилось совсем не то, чего я ожидал...

— О, нет-нет, увольь меня от выслушивания всей этой потусторонней чуши! — Вилим замахал руками, его лохматая шевелюра затряслась. — Я не отрицаю древние сущности, не такой я идиот, чтобы отворачиваться от очевидного. Но я убежден, что у человека свой путь. И принимать потусторонние подачки — это недостойно наших знаний и нашей мудрости! Я уверен, что все эти фокусы, которые показывают нам персонифицированные пороки и хтонические силы, мы способны повторить при помощи формул, систематизации и грамотного планирования!

Я слушал его горячую речь и не перебивал. Вилим прошелся по комнате от стены до стены. Запустил пальцы правой руки в свою шевелюру и внимательно посмотрел на меня. Изучающе. Как энтомолог на редкую букашку. Потом он отвернулся, подошел к тому самому разбитому окну, упер кулаки в подоконник и уставился в стену дома на противоположной стороне улицы. Только, сдается мне, он видел там вовсе не башенку с горгульей над аптекой. А какие-то туманные дали, состоящие из потоков формул и цифр, раскрывающих тайны мироздания.

— Прежде всего, ты очень худой, — сказал он, повернувшись. — Сколько ты вешишь? Сорок килограмм? — теперь даже его голос изменился. Он звучал хлестко, уверенно и отрывисто. Ни тени тех истерично-визгливых нот, как когда он потрясал ружьем, отгоняя напавших на меня шакалят, ни бесцветной тусклой тоски. — Препный обладатель тела очень небрежно относился к своему здоровью. В нынешнем твоём состоянии ты не выдержишь ни одной манипуляции, способной сделать тебя старше. Кстати, может оказаться, что для глаголицы будет достаточно просто привести в порядок твою физическую форму.

— Много есть и много двигаться? — иронично спросил я.

— Ну, если ты хочешь провозиться с этим еще лет пять, то можно и просто кидать в рот что попало и носиться по улицам, как оглашенный, — саркастично проговорил Вилим. — Я составлю для тебя рацион и план тренировок. Но этого недостаточно... Все равно это будет слишком медленно... Нам нужно максимально ускорить процесс роста мышц, и при этом не навредить тебе...

Вилим снова забегал по комнате, терзая пальцами свои и так всклокоченные волосы. Он что-то беззвучно шептал, глаза его вращались, как у безумца. Это было так знакомо, что на меня нахлынула волна теплых воспоминаний. Прощка делал точно так же. Каждый раз, когда начинал что-то придумывать, принимался бегать туда-сюда, размахивать руками, будто с кем-то спорить и горячо жестикулирует, и шептать какие-то слова, не произнося их вслух.

Вилим неожиданно замер. Снова посмотрел на меня, потом вдруг сорвался с места и потащил меня в сторону прихожей. К невысокой двери, обитой потертой тисненой кожей.

Вынул из кармана связку ключей, склонился над двумя замочными скважинами. Сначала один ключ, повернул на четверть оборота, потом вставил другой, потом вращал их то в одну, то в другую сторону, очевидно в каком-то особенном порядке.

Замок тихонько лязгнул, и дверь открылась.

Она оказалась много толще, чем обычная подвальная дверь. И не деревянная, как можно было бы подумать, а металлическая, тяжелая. Будто не дверь в подвал обычного дома, а в

банковское хранилище.

Мы спустились по короткой лестнице. Никакого затхлого запаха из подвала не ощущалось. Не пахло ни крысами, ни кошками, ни плесенью. Воздух был свежий, с едва заметным смутно знакомым свежим запахом.

Похоже, что подвал Вилима полностью повторял планировку его квартиры — комнаты тоже переходили из одной в другую. Только вот окон в них не было.

В самом низу лестницы Вилим снял с крюка старомодный алхимический фонарь. Эта лампа годилась и для керосина, и для саламандры. Вилим, ясное дело, использовал саламандру, причем у него она была немного непривычного голубоватого оттенка и очень яркая.

В отличие от квартиры наверху, где ощущался некоторый налет небрежности и разрухи, здесь царили идеальная чистота и порядок. Первая и вторая комнаты из анфилады были заняты книгами. Полки от пола до потолка были заставлены томами, каждая полка помечена своими символами, кое-где между книг вставлены разделяющий ярлыки с пометками. Но здесь мы задерживаться не стали, как и в третьей, где стоял металлический стол со множеством отверстий. Размером этот стол подходил для того, чтобы разместить на нем человека. Справа и слева от стола стояли два металлических шкафа, и, боюсь, мне не очень хотелось знать, что там у них внутри.

Четвертая комната была заполнена алхимическими приборами и посудой. Пузатые стеклянные колбы, высокие стеклянные трубки, такие тонкие, что кажется, что они разлетятся на мелкие осколки от одного только касания. Керамические и металлические чаши, реторты и прочие блестящие стеклом, металлом и фаянсом штуки, названий которых я так и не запомнил, несмотря на то, что Прошка мне неоднократно их все называл.

— Я занялся алхимией от безысходности, — Вилим поставил фонарь на стол, и его голубоватой свечение отразилось во множестве блестящих предметов. — Мне с самого начала эта область знаний виделась чем-то бесполезным. Этаким лазейкой в могущество для тех, кому не повезло родиться в нужной кровью. Я и до сих пор считаю ее таинственность изрядно преувеличенной. Ты присаживайся, Никто, в ногах правды нет.

Я сел на металлический стул, оказавшийся на удивление удобным, хотя со стороны он смотрелся каким-то орудием пыток.

— Сложность изучения алхимии в том, что каждый алхимик, вместо того, чтобы множить и передавать свои знания, старательно скрывает и зашифровывает их, — Вилим выдвинул ящик стола и достал оттуда толстый конторский журнал. — И вместо того, чтобы продвигаться в исследованиях дальше, каждый следующий алхимик вынужден сначала расшифровать труды всех предыдущих. И желательно экспериментально их проверить, чтобы убедиться, что ворон в этом трактате действительно означает гниение, а не, например, окисление или, скажем, возгонку.

Он продолжал говорить, а я ему не мешал. Слушал, но не очень внимательно. Про алхимию мне много рассказывал Прошка, и поступал я в точности так же — кивал, отмечал некоторые ключевые моменты, но в детали вникать не старался.

Вот только подходили они к искусству алхимии по-разному. Прошка бросался из одной стороны в другую, проводил бесконечные опыты и эксперименты, получал безумные какие-то эликсиры с самыми дикими свойствами. При этом записей особенно не вел. Так, заметки по ходу полета своей мысли. Примерно так действовали большинство алхимиков, суда по оставшимся от них трактатам.

Подход Вилима был совсем другой. Он пытался познать алхимию не как набор опытов по превращению из одного в другое, изготовлению ядов и целительных эликсиров, а как нечто целое. Придать этому знанию систему, составить единую таблицу сил, свойств и метаморфоз. Он собирал все алхимические трактаты и книги, до которых мог дотянуться, расшифровывал бесконечную тайнопись, переводил на человеческий язык метафоры и иносказания, переписывал и вносил в свой бесконечный каталог.

Судя по девственной чистоте всего алхимического оборудования, экспериментировал он довольно мало.

— Несколько месяцев назад я разбираю трактат о жидкостях человеческого тела одного арабского алхимика, — Вилим долистал журнал до нужной даты и повел пальцем по строчкам. — Мне в тот момент эти знания показались бесполезными, но сейчас, думаю, мы можем попробовать кое-что... Мне понадобится пара пробирок твоей крови. Закатай рукав на левой руке.

Лекция о методах и проблемах алхимии так быстро сменилась на указание, что делать, что я даже не сразу сообразил.

— Ты что, боишься вида крови? — Вилим грозно сверл брови, нахмурившись. — Закатай рукав и протяни мне левую руку!

Я торопливо выполнил его указание. Вилим ловко резанул ланцетом по основанию ладони и поднес к тонкой струйке крови стеклянную пробирку. Арые бусины срывались с кожи, некоторые падали сразу на дно, некоторые растекались по стеклу причудливыми узорами. Наполнив одну пробирку, он аккуратно заткнул ее пробкой и взял вторую.

— Сжимай и разжимай кулак, — скомандовал он. — Не видишь разве, что кровь медленнее пошла?

— И что мы будем делать с моей кровью? — спросил я, беспрекословно выполняя указание.

— Если не вдаваться в философские подробности, мы используем ее как базовую основу для эликсира, — ответил Вилим, сосредоточенно ловя капли моей крови. — Точнее, не саму кровь, а одну из ее фракций. Не гарантирую, что это принесет нужные нам результаты, но все же, у меня пока не было случая проверить.

— То есть, ты хочешь провести над моим телом непроверенный эксперимент? — я нервно хихикнул.

— Мне все равно не удастся сделать что-то более безумное, чем продаться Повелителю Червей, — огрызнулся он. — Не могу поверить, что после этого ты вообще способен хоть чего-то бояться.

Я вздохнул. Я пока старался не думать об исполнении этого договора. Потом. Всему свое время.

— Вот и все, — Вилим заткнул пробкой вторую пробирку тоже, пересек комнату и открыл высокий металлический шкаф. Извлек оттуда абсолютно черный матовый шар размером с человеческую голову. Нажал на незаметную кнопку, и тот распахнулся, словно чемодан, обнажив темно-красное бархатистое нутро. Что это было такое, я не имел ни малейшего представления.

Пробирки встали в идеально для них подходящие выемки, шар захлопнулся и отправился обратно в шкаф, а Вилим снова повернулся ко мне, посмотрел на меня долгим оценивающим взглядом, а потом склонился над своим журналом.

— Теперь пойдем оборудуем тебе спальню, — сказал он, после того, как сделал записи

и убрал журнал на место в ящик стола. — Фаза отделения лунной фракции твоей крови наступит не раньше полуночи, ждать ее здесь не имеет смысла.

— Ты предлагаешь мне жить у тебя? — уточнил я.

— А ты собираешься вернуться в свой грязный притон на Сенной площади? — огрызнулся Вилим. Его кустистые брови грозно сдвинулись.

— Не думаю, что это очень хорошая идея, — хмыкнул я, вспомнив каких-то неизвестных типов, устроивших на меня облаву пару часов назад. — Только мне нужно кое-что забрать в районе Сенной.

— Что-то настолько важное, что ты готов на ненужный риск и не можешь так просто об этом забыть? — прищурился Вилим.

— Ну... Это шесть с чем-то сотен рублей и немного золотых украшений, — я пожал плечом, но подумал почему-то вовсе не про деньги в своем тайнике, а про девушку, читавшую за окном книгу. Почему-то ее лицо врезалось мне в память, хотя видел я ее всего несколько мгновений.

— Это довольно весомый повод вернуться на Сенную площадь, — серьезно проговорил Вилим и задумчиво кивнул. — Деньги нам с тобой понадобятся, и немало. Только одного я тебя не отпущу.

— А... — попытался возразить я, но прикусил язык. Возможно, так было даже лучше.

Глава 16. Кое-что об умении пользоваться чужой доверчивостью

«Какая ирония судьбы, — думал я, шагая рядом с Вилимом, как прилежный сын. — Я никогда не любил Васильевский остров, старался по возможности обходить его стороной, и именно здесь нашел то, что мне было больше всего нужно».

Я скосил глаза и посмотрел на алхимика. Он до выхода пытался как-то пригладить волосы, но это почти не помогло. Ветер свел на нет его усилия, пегая грива все равно торчала во все стороны. При ходьбе он сильно размахивал рукой, а его суровое не улыбочивое лицо прекрасно отпугивало и привязчивых уличных торговцев и зазывал, и хулиганов. Да и жандармов, пожалуй. Никому не хотелось связываться с грозным стариком в длинном плаще и с тростью с тяжелым набалдашником. А то, что он вовсе не старик, становилось понятно только на второй взгляд. Бросать который на Вилима решался далеко не каждый.

Наш путь пролегал мимо роскошного особняка Меньшиковых. Вот уж кто умел тыкать всем в глаза пошлой роскошью! Сама постройка была похожа на кремовый торт с множеством завитушек, лепнины, барельефов и просто узоров. Они и во времена Петра Великого страдали чрезмерной расточительностью, а уж когда с триумфом вернулись из опальной ссылки, так, кажется, вообще забыли все границы приличия.

Над вычурным кованым узором ограды свешивались пышные кусты розовых кустов. Крупные белые цветы размером с две ладони одуряюще благоухали на всю улицу.

Я опять подумал о белокурой девушке с книгой в мансарде. От цветника Меньшиковых не убудет, пожалуй... Я подпрыгнул, чтобы дотянуться до шикарного цветка размером с чайное блюдце. Шипы чувствительно кольнули ладонь, но ради такого цветка можно и потерпеть. Вилим глянул на меня с неодобрением, но говорить ничего не стал. На улице он вообще был не особенно разговорчив.

Мы пересекли Неву по Благовещенскому мосту и свернули на Английскую набережную, которая как всегда была полна самым разнообразным народом. От жадно глазающих по сторонам туристов до ловких карманников, нацелившихся на толстые и тонкие кошельки

приехавших прикоснуться к имперскому величию столицы. От вычурно украшенных карет и новомодных, но пока еще редких автомобилей аристократов до жалких повозок старьевщиков, скрипящих колесами на разные лады.

Мы влились в людской поток, не привлекая совершенно никакого внимания.

Сенная площадь встретила нас многоголосым гулом, ржанием лошадей, выкриками зазывал многочисленных лавок, магазинчиком, питейных и едальных заведений и требовательными звонками пробивающихся через все это коловращение трамваев. Торговый день был в самом разгаре. Даже сложно было поверить, что каких-то несколько часов назад это место было пустынным и казалось практически вымершим.

Я поймал на себе какой-то слишком внимательный взгляд сидящего на углу оборванца в грязно-коричневом пальто и замотанным в мешковину половиной лица.

Не особенно обеспокоился. Скорее всего, это бдят подданные теневого царицы Ядвиги и ее молчаливого советника Веласкеса. Даже если те, кто за мной охотились ранним утром сейчас меня и заметят, то вряд ли в такое время рискнут продолжать охоту. Но вот на обратной дороге имеет смысл хотя бы немного запутать следы...

Мы протолкались сквозь толпу Сенной площади и свернули на широкую Гороховую. У приметного дома я остановился.

— Мы пришли, — я повернулся к Вилиму. — Только мне придется забраться на крышу.

Он молча кивнул и направился к расставленным прямо на тротуаре столикам уличного кафе. Да уж, противоречивый человек. У себя дома он много и с охотой говорит, рассуждает, думает вслух, толкает горячие речи. Но за всю нашу довольно продолжительную прогулку он не произнес ни звука.

Я нырнул в подворотню, огляделся, чтобы убедиться, что за моими маневрами не наблюдает какой-нибудь случайно забредший сюда жандарм. Осторожно взял колючий стебель белоснежной розы в зубы. Забрался на невысокий прилепившийся к стене внутреннего двора сарайчик, допрыгнул до пожарной лестницы и стал быстро подниматься вверх, пачкая руки в чешуйках старой краски и свежей оранжево-коричневой ржавчине.

Флюгер в форме петуха. Каминная труба с грустной рожицей. Ага, значит все верно, это та самая крыша...

Из-за раструба водосточной трубы выбрался рыжий кот. Распушил хвост и осуждающе посмотрел на меня. Я подмигнул мохнатому бандиту и опустил на корточки рядом со своим тайником. Запустил туда руку, нащупал бумаги. Вытащил все содержимое и сунул в карман. Готово.

Осторожно, стараясь ступать совершенно бесшумно, подобрался к той самой мансарде. Заглянул и тут же отпрянул. Девушка была там. Она стояла спиной к окну и медленно водила гребнем по своим белокурым волосам. Я положил розу на подоконник и легонько стукнул в окно. Отскочил в сторону и спрятался за каминной трубой.

Щелкнула задвижка, задрезбужало старое оконное стекло. С моего наблюдательного пункта мне было видно, как изящные пальцы девушки коснулись колючего стебля. Вздрогнули. Потом девушка взяла цветок и высунулась в окно. Я прижался спиной к трубе и подмигнул нарисованной грустной рожице рядом со мной.

Я услышал, как девушка пробормотала что-то радостное, но неразборчивое, а потом окно захлопнулось.

Обратный путь мы проделали в таком же молчании. Вилим шел вперед, как ледокол, оперев суровый взгляд в одну точку. Казалось, он не обращает внимания ни на кого и ни на

что. А мне же, напротив, хотелось глазеть по сторонам. Я помнил Петербург немного другим. Некоторых домов еще не было, на месте кое-каких знакомых построек стояли совсем другие. Но в целом центр города практически не изменился. Стремящееся ввысь величие и клубящаяся тьма подворотен. Построенный ценой множества жизней. Хранящий мрачные тайны едва ли не за каждым поворотом.

И беззаветно любимый.

— Здесь будет твоя комната, — как только дверь квартиры захлопнулась, к Вилиму вернулась его способность говорить. — В комод в столовой возьмешь постельное белье. Если хочешь большего уединения, в кладовой стоит старая ширма. Заклеишь дыры, и можешь отгораживаться.

— Хорошо, — я послушно кивнул, разглядывая простецкую узкую кровать, которая в углу огромной проходной комнаты казалась совсем уж крохотной.

— Уборная вон там, горячей воды сколько угодно, можешь даже ванну принять, — продолжал отрывистым тоном вещать Вилим. — Я бы даже сказал, не можешь принять, а должен принять! И тряпье свое в мусор выброси немедленно. А то еще клопы по дому расползутся, трави их потом.

Ванна! Горячая вода! Меня сказанные сварливым категоричным тоном Вилима эти слова звучали как сладчайшая музыка!

— Я вернусь через пару часов, — Вилим повесил на плечо большую хозяйственную сумку. — Нужно пополнить запасы продуктов, раз уж нас здесь теперь двое. Чтобы когда я вернусь, этого твоего хлама в доме не было.

Он обвел меня осуждающим взглядом с ног до головы. Точнее, мою одежду, конечно.

— Съесть можешь все, что найдешь, — уже от самых дверей сказал он. — Только куру не трогай, она, кажется, испортилась.

Дверь захлопнулась. Я остался в хоромах Вилима один. Послушно содрал с себя шмотки Пугала. Еще раз посмотрел в зеркало на свои пугающе торчащие ребра и тощие руки и ноги. Да уж, это тело реально надо откормить, Вилим абсолютно прав. Выгляжу я так, словно меня ветром должно сносить, в чем только душа держится.

Чугунная ванна на гнутых ножках была размером с небольшой бассейн. Не знаю уж, кому раньше принадлежали эти хоромы, но удобства были достойными даже дворянской усадьбы.

А вот подогрев воды уже явно был работой Брюса. Старая печь была разобрана, и вокруг трубы сооружена загадочная конструкция, похожая на странной формы ведьмин котел. Я повернул латунный вентиль в форме морской раковины, и из раструбы действительно полилась горячая вода. Похоже, алхимия — не такая уж и бесполезная дисциплина, как ее пытался представить Вилим!

Сколько я плескался, даже не знаю. Вода остыла, я добавил еще горячей, потом остервенело тер себя мочалкой, щеткой и скребком, поливая кожу жидким мылом. Страшно хотелось смыть с себя грязь и запах трущоб и многочисленные пятна от укусов всяких паразитов.

Когда я понял, что отмылся уже до скрипа, и если тереть себя мочалкой и дальше, то я начну сдирать с себя кожу, я выбрался наконец-то из ванной и завернулся в халат. Разумеется, он был мне велик и волочился по полу. Все-таки ростом наследник Брюса был много выше, чем тот же Пугало.

Я отрезал себе здоровенный пласт хлеба, положил на него кусман жирной ветчины и

набулькала в кружку молока из бутылки. Забрал все это с собой в свою комнату и взгромоздился на табурет рядом с подоконником. Блаженно пережевывая еду лениво смотрел на улицу. И мысли мои блаженно блуждали где-то между «когда доем этот бутерброд, надо будет сделать еще один» и «надо бы дойти до кровати, если усну на табурете, упаду на пол».

Но сытое и сонное блаженство продлилось недолго. Ровно до того момента, когда я понял, что человек, который стоит сейчас на крыльце аптеки Брюсов мне вполне знаком. Правда, сейчас на нем не было темного плаща и полумаски, но не опознать младшего князя Вяземского все равно было трудно.

Первая мысль была о том, что он меня все-таки выследил. Я скатился с табурета и спрятался под подоконник. Потом понял, что ерунда это все, ему с ярко освещенной улицы меня все равно не видно. И снова выглянул в окно.

Если Вяземский искал здесь меня, то делал он это довольно странно. Разве что проследил, что я пришел куда-то в этот район и сейчас расспрашивает хозяев разных заведений, вот и аптеки в том числе...

Внутри аптеки он пробыл недолго, не больше минуты. Вышел из нее не один, а в сопровождении высокого старика с шапкой седых кудрей, на вид типичного еврея, значит Брюсам ни с какого боку не родственником. Возможно, за прилавком работает. Или лекарства готовит...

Общались они так, будто были знакомы. Причем старику Вяземский не нравился, но он очень успешно это скрывал за вежливой и понимающей улыбкой. Они перебросились несколькими фразами, которые я не услышал. Потом перешли улицу и скрылись в подворотне дома Вилима. Пошли во внутренний двор посекретничать?

Я подобрал полы халата, чтобы не споткнуться, и дошлепал босыми ногами до столовой, часть окон которой выходило во внутренний двор. Осторожно, сдвигая буквально по миллиметру, отодвинул шпингалет. Приоткрыл небольшую щель...

— ...только эти карты очень надежно спрятаны, — вполголоса сказал аптекарь.

— Но эти карты существуют? — Вяземский, от волнения или возбуждения, говорил явно чуть громче, чем собирался.

— Вне всяких сомнений, — голосом, не терпящим никаких сомнений, сказал аптекарь.

У меня немного отлегло от сердца. Вяземский здесь был вовсе не по мою душу, во всяком случае пока.

— Я плачу тебе немало денег, чтобы ты добыл мне эти сведения, — сказал он.

— Уверяю вас, я прилагаю все возможные усилия, — голос аптекаря звучал слегка осуждающе. Мол, он занимается опасным и неблагодарным делом, а его еще и попрекают какими-то там презренными деньгами. — Мне удалось довольно много узнать о поместье Пятая гора. Сегодня вечером я отправлю вам с посыльным бумаги, ваша светлость.

— Но я уже был в Пятой горе! — воскликнул князь. — Там ничего не осталось, кроме жалкой кирпичной коробки! И все изрыто, наверное, на метр вглубь. Тебя точно не водят за нос?

— Вы просто не знали, где именно нужно искать, — мягким тоном преподавателя изящной словесности в школе для умственно-отсталых детей проговорил аптекарь. — Видите ли... Яков Брюс оставил множество зашифрованных подсказок-ключей к своим тайникам. Большую часть из них я уже нашел, дело осталось за малым. Заполучить точную карту и составить верный план. Бездумно раскапывать землю и крушить стены в поисках

сокровищ — глупо, недалековидно, а главное — бесполезно.

— Но если семейство точно знает о местонахождении клада, то почему они сами до сих пор его не достали? — в голосе Вяземского зазвучали нотки сомнения.

— Потому что речь идет вовсе не о деньгах, ваша светлость, — уверенно ответил аптекарь. — Вы же видите, в каком состоянии их семейство сейчас пребывает? Какой им толк от наследства Брюса? Черная Книга не сможет принести им никакой пользы. Что толку от нее людям, лишенным магических способностей? А представьте, если в обществе проскользнет даже не слух, а тень слуха о том, что она найдена и хранится в какой-то замухрыжной аптеке? Да их просто сметут! Уничтожат... Нет, я как раз отлично понимаю, почему Брюсы так тщательно делают вид, что они ни сном ни духом...

Он говорил очень гладко. И очень убедительно. И, похоже, врал, как сивый мерин.

Я вспомнил обстоятельства, при которых мы с Вяземским столкнулись. Поддельные книги из библиотеки Брюса, на которые его приманили в труповозную контору какие-то темные личности. Стремительный побег. Странная, глушащая магию паутина у него на плаще...

И вот сейчас он слушал как сладкоречивый аптекарь льет елей ему в уши, расписывая, какое сказочное могущество его ждет, когда он сможет заполучить Черную Книгу Якова Брюса. Осталось совсем немного, ваша светлость, буквально пары бумаг не хватает, чтобы разгадать этот ребус...

— Когда же, когда уже?! — нетерпеливо спросил Вяземский.

— Несколько дней, — твердо ответил аптекарь. — Максимум, неделя. И еще я составил небольшой список того, что мне понадобится...

Что-то зашуршало, наверное, сладкоречивый аптекарь извлек из кармана специально подготовленную бумагу.

— Еще двести сорок рублей сверху? — почти закричал князь. — Но это же...

— Всего двести сорок рублей, ваша светлость, — мягко поправил его аптекарь. — У меня неплохие связи, что позволяет мне купить некоторые вещи по очень выгодным ценам. Через кого-то другого все это обошлось бы вам во все четыреста, а то и пятьсот рублей.

— Ну хорошо, хорошо... — раздраженно бросил Вяземский.

В этот момент лязгнул замок на входной двери. Вилим показался на пороге столовой с сумкой, битком набитой продуктами. Я приложил палец к губам и кивнул в сторону окна. Вилим осторожно опустил сумку на пол и подошел ко мне.

Мы вместе дослушали, как Вяземский вручал аптекарю деньги. Как тот их пересчитывал, снова повторяя, что цель уже практически в руках, и уже через неделю его светлость будет единственным и неповторимым обладателем всех тайн и секретов самого могущественного чернокнижника всея Российской Империи.

— Теперь мне нужно возвращаться на службу, чтобы не вызвать подозрений, — сказал аптекарь.

— Да, да, конечно, — нетерпеливо и нервно проговорил князь. Раздались шаги двух пар ног. После этого все стихло.

— Я так и знал, что этот пройдоха засланный, — буркнул Вилим, возвращаясь к сумке с покупками. — С кем это он разговаривал? Что-то не узнал его по голосу...

— Это Вяземский-младший, — ответил я. — Надеется отыскать Черную Книгу в Пятой Горе.

— Дааа? — кустистые брови Вилима удивленно взлетели вверх. — Я думал, что эта

тема среди мошенников уже устарела и вышла из моды... Еще лет сто назад. Когда я был ребенком, продавать карты сокровищ Брюса уже считалось не комильфо. Неужели до сих пор находятся те, кто покупается?

— Вяземский же совсем молодой еще, — усмехнулся я. — Жизненный опыт пока еще не выбил из него мечты о дармовом всемогуществе.

Я посмотрел на Вилима, раскладывающего по полкам пакеты с крупами, круги сыра, закатанные банки консервов и прочие припасы. Его пегая шевелюра колыхалась на сквозняке от разбитого окна. Поблескивающие серебряные нити в волосах делали волосы как будто немного призрачными.

Призрачными.

Призрак... Призрак!

В голове моей забрезжила немного безумная идея...

Глава 17. Кое-что о тайном и очевидном

Вилим слушал меня с непроницаемым выражением лица. Иногда хмурил брови, иногда его губы складывались в какое-то подобие улыбки. Когда я наконец договорил, он некоторое время молчал, потом подошел к зеркалу и посмотрел на свое растрепанное отражение.

— И ты думаешь, что этот Вяземский такой идиот, что примет такую фантазмагорию за чистую монету? — спросил он.

— Может и нет, но мы ведь ничего не теряем, если проверим, — я пожал плечами.

— Его род точно не обеднеет, если младший отпрыск запустит в него свои тщеславные ручонки и извлечет немного золота. Или даже много золота...

— А ты знаешь, что с точки зрения алхимии создание золотого гомункула, чтобы отпереть некую трансцендентную дверь, за которой спрятана Черная Книга — это полнейший бред? — губы Вилима задрожали, как будто ему очень хотелось рассмеяться.

— Думаю, его познания в алхимии ненамного обширнее моих, — хохотнул я. — Но говорить придется тебе, так что, надеюсь, ты поправишь мой сценарий, чтобы он звучал чуть более реалистично. Главное — не менять ключевой момент. Чтобы получить книгу, требуется положить в тигель золото. Потом еще золото. Потом еще больше золота... Потому что вряд ли призрак Якова Брюса стал бы требовать рубли в ассигнациях.

— Хорошо, я понял, — Вилим наконец-то одобрительно хмыкнул и кивнул. — Единственное, что меня в этой истории немного смущает... У нас ведь явно есть конкуренты. Вряд ли Соломон Григорьевич работает один.

— Этот аптекарь? — я подошел к окну и посмотрел на довольно скромную вывеску аптеки Брюсов. — С одной стороны, мы можем подкараулить этого хитрого еврея и узнать подробности той аферы, которую он крутит. С другой — если он вдруг окажется частью серьезной группы, нам совершенно невыгодно так глупо себя выдавать.

— А костюм? — Вилим снова задумчиво посмотрел на себя в зеркало и попытался причесать двумя пятернями свою всклокоченную гриву. — У меня как-то не завалилось камзола и парика по моде двухсотлетней давности...

— Ерунда, — я легкомысленно махнул рукой. — В любом театре нам легко дадут все необходимое напрокат. Можно даже купить у них этот хлам, чтобы не переживали, что мы можем их ценный бархат подпортить. Могу хоть прямо сейчас сбегать...

— Нет! — Вилим резко повернулся ко мне и строгим взглядом пригвоздил к месту. — Прежде всего ты должен пообедать!

«Кажется, Вилим Романович решил выместить на мне все свои нерастроченные отцовские чувства», — думал я, наблюдая, как алхимик ловко управляет с кухонной утварью, сооружая из мяса, яиц и крупы густое сытное варево. Он что-то сварливо по-стариковски бормотал, будто бы споря сам с собой, сверялся с какими-то записями, строго отмерял крохотными ложечками разные специи.

На все манипуляции с едой ушло не меньше часа. Все это время я сидел и молча наблюдал, еще раз прокручивая в голове авантюру с Вяземским. План был прост до чрезвычайности. Переодеть и слегка загримировать Вилима под Якова Брюса и устроить Вяземскому явление призрака великого чернокнижника, который скажет, что избрал его наследником своего могущества и расскажет, что чтобы заполучить Черную Книгу, ему понадобится открыть дверь в тайное хранилище, ключ от которого может держать золотой гомункул, создать которого можно вот по этой тинктуре. А рецепт, разумеется, включает в себя большое количество золота. Только вот тащиться ради всего этого маскарада в развалины поместья Пятая Гора мне совершенно не хотелось. Нужно было подыскать какой-нибудь другой заброшенный дом, прямо в городе. И оборудовать трансцендентную дверь прямо там.

— Слушай, Вилим, а дача Коржинских на Каменном острове уже заброшена? — спросил я, перебирая в памяти самые эффектные руины, которые мог вспомнить.

— Насколько я знаю, нет, — отозвался алхимик, продолжая сосредоточенно помешивать содержимое кастрюли. — Там сейчас обитает их недоросль, все время устраивают какие-то сборища с шумом и фейерверками, соседи жалуются, в газеты писали уже не раз.

— А дом Шарли на Английской набережной? — в мое время этот особняк был забит досками и имел недобрую славу проклятого места. Чушь, конечно. Мы неоднократно туда забирались и даже устраивали шумные попойки прямо на мозаичных плитах внутреннего двора. И никакие грозные призраки нас не сожрали.

— Говорят, что там бордель, — Вилим снял с плиты кастрюлю и потянулся на полку за глубокой миской.

— Эх, жаль! — я поставил локти на стол и упер кулаки в подбородок. — Там отличный внутренний двор, и призрак Брюса мог бы сколько угодно завывать, никто из соседей бы не услышал.

— Бери ложку и ешь, — Вилим поставил передо мной тарелку не особенно аппетитно выглядящего месива. — Нужно, чтобы ты это съел до последней крошки. Если не будет получаться, глотни вот этого эликсира и продолжай.

Я понюхал серовато-коричневую комковатую массу. Нда, это будет не так уж и просто... Я вздохнул и обреченно взялся за ложку.

— Городская усадьба Демидовых, — вдруг сказал Вилим. — Та, что в Конном переулке.

Я замер с ложкой во рту. А ведь точно... Этот роскошный дом с кованной чугунной лестницей застроили другими домами, и все его колонны с человеческими лицами, барельефы и прочие архитектурные изыски оказались скрытыми за глухими стенами гораздо более скучных построек. А переулок, который некоторое время даже носил имя богатейшего рода промышленников, переименовали обратно в Конный. Потому что коней на Сенной площади продавать продолжали, а вот все Демидовы в какой-то момент столицу покинули, бросив свои многочисленные дома, загородные поместья, особняки и магазины.

— А ведь этот дом подходит даже лучше, чем все другие-прочие! — воскликнул я и

попытался вскочить. Но Вилим твердой рукой усадил меня обратно за стол. — Вроде бы Никита Демидов и Яков Брюс особой дружбы не водили, но поговаривали, что начало состоянию Демидовых помог положить как раз-таки великий чернокнижник. С каким-то там особым набором секретов рудознатцев и черной металлургии...

— Ты не отвлекайся от своей тарелки, — сварливо проговорил Вилим.

— Да, конечно, — я послушно замолчал и принялся торопливо запихивать в себя почти безвкусную мешанину. Странно, вот он вроде специи какие-то на моих глазах в это варево сыпал, но почему же тогда оно кажется даже не соленым?!

До Конного переулка мы добрались почти к вечеру. Вместе с продуктами заботливый Вилим принес мне кое-каких вещей, так что больше я не смотрелся оборванцем. Темные брюки, белая рубашка и жилетка сделали меня похожим скорее на ученика старшей школы. Одежда все равно была мне велика, но уже не настолько, чтобы требовалось подворачивать рукава и затягивать складки ремнем. Правда теперь моя худоба еще больше бросалась в глаза. Надеюсь, странноватая кормежка Вилима быстро исправит этот недостаток...

Конный переулок был тихим и довольно благопристойным, несмотря даже на соседство с Сенной площадью. Попасть в заброшенную усадьбу Демидовых с этой стороны возможности не было — рядом с парадными доходного дома, отгородившим заброшенную роскошь от глаз любопытных прохожих, дежурили не улыбочивые охранники с явно военной выправкой, а сами двери были сработаны на совесть, и в каждой из них красовался новенький шведский замок.

Зато поплутав по лабиринтам дворов со стороны набережной Мойки, мы оказались возле ряда запертых каретных сараев, взобраться на которые было несложно даже для Вилима. А нависающие ветви буйно разросшихся кленов скрывали нас от взглядов тех, кто может выглянуть в окна соседних домов.

Даже странно, что мы с приятелями ни разу не догадались забраться в это странное место. А ведь мы любили выбирать для своих дружеских попок разные заброшенные дворцы, особняки и усадьбы.

Кустистые розы, покрытые измельчавшими от отсутствия ухода цветочками, разрослись до угрожающих размеров, колючие плети заползли на дорожки из покрытого трещинами узорчатого мрамора.

И яблони... Усыпанные красными и золотистыми плодами. Они хаотично разбросали свои ветви, и сейчас уже сложно было сказать, как именно выглядел этот небольшой сад в те годы, когда Демидовы закатывали здесь роскошные балы, литературные вечера и устраивали для гостей всяческие представления.

Я потрогал перила знаменитой чугунной лестницы. Сейчас это уже не было такой роскошью, как в те годы, когда Григорий Демидов начал это строительство. Но тогда потратить такое огромное количество металла просто для того, чтобы показать, что у тебя очень много денег, считалось... Да ладно, зачем я сам перед собой морализаторствую? Люди всегда демонстрируют свое превосходство, как умеют. А что до Демидовых... Думаю, когда этот род неожиданно возвысился, занявшись неблагодарным делом добычи руды и выплавки металлов, вся аристократия захлопала крыльями, заклемила Демидовых выскочками. Наверняка кто-то даже пытался сделать так, чтобы роскошные приемы разбогатевших кузнецов игнорировали. Но получилось все равно так себе. Но дворянское достоинство Демидовы так и не получили. Их могущество было основано только и исключительно на деньгах. Насколько я знаю, их род все еще не угас, просто интересы их

окончательно сместились из Петербурга на Урал и в Сибирь.

— Надо же, какое богатство они бросили... — задумчиво проговорил Вилим, останавливаясь в самом низу изящно изогнутой чугунной лестницы. — Странно, что до сих пор не разграбили полностью. И лестницу эту не распилили и по частям не вынесли.

— Да, странно, — согласился я, проводя рукой по здоровенному железному шару, покрытому облупившейся белой краской. — Может быть, Демидовы какое-то проклятье после себя оставили?

— Ни разу не слышал, — буркнул алхимик, вытаскивая из сумки громоздкий фонарь в металлическом корпусе. — Это аристократы любят после себя потусторонний мусор разный оставлять. А Демидовы были работяги с Урала. Первый так вообще простой кузнец, в Петербург чуть ли не пешком пришел. Это потом они научились носить шелка, бархат и пудренные парики.

— Император мог даровать им и дворянство, и магию, — сказал я, отводя колючие ветки от входа в просторный нижний зал между колоннами. — Но почему-то этого не сделал.

— Не сделал, — эхом повторил Вилим. Луч голубоватого света от его фонаря вспорол густой мрак нижнего зала. На земляном его полу все еще были заметны длинные полосы, пересекающие практически все внутренне пространство. У дальней стены высилась груда белых продолговатых предметов, похожих на кукол с массивными головами, только без рук и без ног.

— Кегельбан, — пояснил Вилим. — Демидовы привезли это развлечение из Европы, но оно так и не прижилось. Только здесь и играли.

Почему-то мы здесь разговаривали тихо, почти шепотом. Будто опасались разбудить спящих или потревожить охрану, которой не было.

— Думаю, это место отлично подходит для наших целей, — сказал я, когда мы снова вышли на улицу и остановились у основания лестницы. — Можно установить тигель прямо на земле между колонн. Окон нет, свет туда не проникает даже днем, значит будет очень просто обставить явление призрака. Даже моей примитивной магии хватит.

— Мы должны здесь сначала все осмотреть, — строго сказал Вилим. — Здесь три этажа и два флигеля. Даже сейчас кто угодно может затаиться и слушать наш разговор.

— Что-то мне подсказывает, что здесь никого нет, — сказал я, поднимаясь на несколько ступенек. — Если бы тут поселился один бродяга, то уже через неделю его до самой крыши заполнили эти вонючие отбросы общества. Они же как тараканы...

— И это меня тоже немного беспокоит, — Вилим решительно направился вверх. Подумав, я пришел к выводу, что он прав, а я слишком тороплю события.

Мы потратили несколько часов, обходя бесконечные залы, комнаты, галереи, гостиные, спальни, курительные комнаты, салоны и прочие помещения. Время уже оставило на внутреннем убранстве свои следы — барельефы потрескались и частично обрушились, дубовые панели рассохлись, кое-где их перекосило, то ли от влажности, то ли еще от чего. В паркете зияли щели.

Но почему-то дом не был разграблен. На месте была мебель, в гостиных стояли рояли и клавесины, кое-где в гардеробах на плечиках даже висели какие-то запыленные тряпки. Возможно, когда-то они были даже роскошными... Интересно, почему, когда дома покидают люди, они так быстро начинают приходить в упадок? Уверен, что те же самые панели на стенах прожили бы без изменений еще несколько сотен лет, если бы дом остался

обитаемым. И толстенные ангелочки с барельефов продолжали бы порхать под потолком. И мраморная мозаика на полу бальной залы не раскрошилась бы.

— Не понимаю, — сказал я, когда мы добрались до самой верхней комнаты в мансарде. — Мы обошли весь дом. Никого не встретили, здесь нет даже следов, что кто-то сюда забирался. Кажется, как Демидовы здесь все побросали, так оно и лежит с тех пор нетронутое.

— Возможно, твои слова про связь первого Демидова с Брюсом имеет под собой какие-то основания, — Вилим провел пальцем по запыленному стеклу и выглянул в медленно погружающийся в жемчужные сумерки белой ночи яблоневый сад. — Подобные необъяснимые фокусы очень в его духе.

— Прятать тайное в очевидном? — я хмыкнул. Скорее чтобы скрыть некоторую тревогу, чем недоверчиво.

— Именно так, — серьезно кивнул Вилим. — Причем это никак не касалось магии. Ни примитивной, ни глаголицы, ни родовой. Он мог положить битком набитый кошелек на видном месте посреди толпы, а все просто ходили мимо, не обращая на него никакого внимания. Он не становился невидимым. Он становился... неважным. Очевидной, привычной, несущественной частью мира. Чем-то таким, на что не обращают внимания. Скользят равнодушным взглядом и все. Может быть, с этой усадьбой та же история?

— Но мы же почему-то смогли сюда забраться? — я встал рядом с Вилимом и тоже выглянул в окно. Мы с университетскими друзьями точно знали о существовании этого места. И даже в разговорах его упоминали, случалось. Но разговоры быстро сворачивали в другую сторону, а эта усадьба оставалась как будто на обочине дороги наших рассуждений и планов. Что-то неважное. Привычное. Подумаешь, заброшенная усадьба посреди Петербурга. Дома вокруг нее понастроили так, будто ее здесь вовсе даже и нет.

— Может быть... — кустистые брови Вилима зашевелились и сошлись в складке на переносице. — Нет, не имею представления, в чем тут дело. Будь такая история с каким-нибудь поместьем Якова Брюса, это было бы логично. Но это-то имение Демидова! Про него все известно, кто архитектор, какие гости сюда приходили. И построено оно было через несколько лет после смерти Якова.

— Думаешь, из-за этих всех странностей нам следует поискать другой заброшенный особняк? — спросил я. — А то вдруг наш друг Вяземский не сможет найти сюда дорогу?

— Хм, а ведь я даже не думал с этой стороны, — Вилим усмехнулся. — Впрочем, эту гипотезу легко проверить. Пригласим сюда какого-нибудь незаинтересованного человека. И если он не отвлечется по дороге на какие-нибудь другие важные дела, не свернет в случайный магазин и не вспомнит внезапно, что забыл покормить кота перед выходом, то это место нам подходит.

— Обычно в заброшенных домах ощущаешь что-то такое... тревогу или что-то такое, — я неспешно направился к лестнице вниз. — Тлен, уныние, тоска. А здесь я ничего такого не чувствую. Будто мы забрались в жилой дом. Ходим на цыпочках, говорим шепотом...

И будто в ответ на мои слова в то же мгновение этажом ниже рассохшийся паркет закрипел под чьими-то торопливыми легкими шагами.

Глава 18. Кое-что о вечных семейных ценностях

Не задумываясь, я бросился вниз по лестнице, но успел заметить только чью-то невысокую тень в дверном проеме.

— Стой, подожди! — закричал я и метнулся следом. Почему-то мне в этот момент даже не пришло в голову, что это может быть опасно, что мы вообще-то проникли в чужой дом, полный каких-то малопонятных странностей. За моей спиной по лестнице загрохотали тяжелые шаги Вилима.

Я вбежал в зал с черно-белой мозаичной плиткой на полу и покрытыми пылью кружевными кулисами. Беглец в этот момент уже почти скрылся за противоположной дверью. Это точно был никакой не призрак. Невысокого роста, одетый в комбинезон с множеством карманов и широкую клетчатую кепку. Обычно так одеваются механики.

— Да стой же ты! — заорал я, ускоряясь. Ботинки скользили на мраморной плитке, под подошвами визжали какие-то камешки, песок и прочий мелкий мусор. Но дистанция между нами сократилась. Я догнал его в самом низу изогнутой парадной лестницы в холле. Прыгнул на спину, и мы покатались по разноцветным плашкам старого паркета.

Только когда мы уже падали, я понял, что беглец был маленьким, не особенно тяжелее меня. Я открыл рот, чтобы сказать что-нибудь успокаивающее, но тут в мою руку вцепились зубы, и я заорал вовсе не те слова, которые собирался. Кепка слетела с головы беглеца, и из под нее выпала тяжелая рыжая коса. Это девушка!

Я слегка опешил от этого открытия, чем она почти успела воспользоваться, едва не вывернувшись из моего захвата.

— Да не дергайся ты! — я ухватил ее за запястья, стараясь держать как можно бережнее. Девушка была отчаянной, но драться все-таки не умела. А мне совершенно не хотелось причинить ей вред. Но отпускать тоже не хотелось. Раз она здесь, значит... Значит... — Я не сделаю тебе ничего плохого. Ты кто?

— Никто! — огрызнулась девушка и снова попыталась вцепиться зубами мне в руку.

— Барышня, молодой человек говорит правду, — раздался сверху голос Вилима. — Не надо убегать, поговорите с нами!

Девушка вздрогнула, замерла, напрягшись, потом неожиданно расслабилась. Я отпустил ее запястья и поднялся на ноги. Отряхнул брюки от налипших щепок и пыли.

— Я хозяйка, — буркнула она. — Анастасия Акинфиевна Демидова, приятно познакомиться... А вы как сюда попали?

На вид девчонке было лет, может семнадцать-восемнадцать. У нее был вздернутый кончик носа и молочно-белая кожа, усыпанная россыпью золотистых веснушек. Из карманов комбинезона торчали рукоятки многочисленных инструментов. То-то я еще успел подумать, когда падал, что саданулся обо что-то твердое...

— Мы просто пришли, — сказал я. — Не знали, что у этой усадьбы есть хозяйка, думали, она давно заброшена.

— Теперь знаете, — неприветливо бросила девушка и отвернулась.

— В таком случае, мы просим прощения, юная барышня, — вежливо сказал Вилим. — И, если вы не желаете нас здесь видеть, готовы удалиться.

— Сделайте одолжение, — глаза девушки упрямо сверкнули. Зеленые, как у кошки.

— Пойдемте, ваша светлость, — Вилим шагнул ко мне. — Видите, нам здесь не рады...

Он говорил с наигранной светскостью. Но в сторону выхода двигался медленно, размеренным шагом, словно ожидая, что девушка нас остановит.

— Стойте! — зло крикнула девушка. — Как вы сюда попали?... Нет, не так! Как вы СМОГЛИ сюда попасть? Никто не может! Кто вы?

— Вы здесь живете, Анастасия Акинфиевна? — подчеркнуто вежливо спросил Вилим.

останавливаясь на почтительном расстоянии от нее. — Мы обошли дом, но не заметили никаких следов...

— Во флигеле, — девушка мотнула головой куда-то вправо. — Только его у меня и получилось привести хоть в какой-то жилой вид в одиночку.

— Может быть, вы пригласите нас туда, и мы поговорим? — я слегка улыбнулся. Чуть-чуть. Никто, хм... Какая, однако, ирония... Эта усадьба так и останется заброшенной, а про Анастасию Демидову я ни разу не слышал в свое время.

— А вы точно не разбойники? — снова оцетинилась девушка, сверкнув зелеными глазами. Но почти сразу сникла, плечи ее понуро опустились. — Хотя о чем я? Даже если и разбойники, то что с того? Пойдемте. У меня есть чай и какие-то соленые галеты. Смогла стащить на Сенном рынке.

Мы спустились во двор по парадной чугунной лестнице и свернули к прилепившемуся к величественному зданию усадьбы маленькому домику. Он был почти полностью скрыт разросшимися яблонями и розовыми кустами. Чтобы войти в дверь, понадобилось буквально продирачься через их одичавшие ветви.

— Я специально их не убираю, — сказала девушка. — Чтобы никто не заметил, что я здесь живу... Но это все как-то глупо, потому что кажется, я могу орать во всю глотку прямо на чугунной веранде и плясать там голой, и меня все равно никто не заметит.

Внутри оказалось довольно уютно. Пол небольшой гостиной был покрыт тканым половиком. Причем это явно был не собранный из ветхих лоскутков коврик из бедного сельского дома, а дорогущая стилизация, над которой кропотливо и вдумчиво работали. Чугунная буржуйка, покрытая множеством кованых из чугуна роз. Стол и скамьи из дубовых досок. Когда-то этому флигелю явно попытались придать интерьер сельской избы. Пыли и грязи здесь не было, клетчатые шторы явно не так давно постираны и отглажены, подушечки на скамьях тоже идеально чистые. На полу — никаких следов мусора, песка или обвалившейся штукатурки. Порядок царил почти идеальный. Только на столе лежал разобранном какой-то механизм из трубок, раструбов, вентилях и прочих деталей.

— Пыталась починить нагреватель, — объяснила девушка, присаживаясь рядом с дверцей печи. — Проржавело все, не получается. Нужны детали, а у меня денег нет совсем. Только эти хоромы...

Девушка быстро сунула в буржуйку несколько мелко наколотых дров, чиркнула огромной каминной спичкой. Пламя запылало в чугунном чреве печи практически сразу.

— Я вроде слышал, что Демидовы покинули Петербург и возвращаться не собираются, — осторожно начал разговор я.

— Ага, — зло выплюнула девушка. — Поселились кто у уральской глуши, кто под Красноярском, кто на Алтае. Отпустили вот такие бороды, вместо усадеб построили избы, которые топят по-черному. И носят зипуны с этими самыми... как их...

— Не понимаю, — сказал я. — Демидовы же баснословно богаты...

— Ага, — губы девушки скривились, в уголках глаз появились слезы. — Богаты, все так. У нашей семьи — множество заводов, фабрик и рудников. На нас работают десятки тысяч рабочих. Состояние... Не сосчитать. Да, все верно, у нас очень много денег. Только вот ими никто не пользуется. Картошку выращивают и коз разводят, чтобы питаться.

— Любопытная какая история, — сказал Вилим, усаживаясь на скамью. — И почему же так получилось?

— Представляете, я тоже об этом спросила! — воскликнула девушка и уперла руки в

бока. — Я родилась уже на Урале, в деревне Борзеевка. Младенцем ползала среди куриц по двору, потом — как и все остальные — по колено в земле в огороде. А потом мне попался альбом со старыми гравюрами. Я стала задавать вопросы, но мне велели прикусить язык и заниматься своими делами. И еще заговорили о том, что пора бы замуж меня уже выдать, чтобы детей нарожала и выбила из головы всякую блажь о корсетах, паркете и прочих клавиринах-лютях. Хорошо, что мне тогда еще семь было, рановато для замужества. Я разговор запомнила и затаилась. Потом выяснилось, что у меня дар к технике. Чинила в деревне всем и все. Возилась с плугами, молотилками, даже паровой трактор разбирала. И тайно вынюхивала-выспрашивала про нашу семью. Ну и разузнала. Что, оказывается, мы вовсе не нищие деревенские увальни. Что мои отец и дядя уезжают на три дня в неделю вовсе не на ярмарке картохой торговать. Про заводы узнала. Про закрома наши. И снова не выдержала и завела разговор о том, почему мы так живем. Мы снова поссорились, только в этот раз затыкаться я не стала, швырнула в дядю гаечным ключом, фингал у него потом был... И тогда отец и сказал, мол, все, хватит, Настасья. Хочешь богатое наследство — будет тебе наследство!

Девушка плюхнула на печь чайник. Тот обиженно булькнул.

— Достал бумагу, чернила и отписал мне усадьбу в Конном переулке Петербурга, — девушка сжала губы. На скулах ее заходили желваки. — Шлепнул печать и швырнул мне этим документом в лицо. Сказал, что вот, мол, мое наследство, и я могу убираться на все четыре стороны, чтобы глаза его меня больше не видели. «Хочешь, лицо пудри, хочешь сиськи из корсета вываливай, мне все равно!» — говорит. Схватил за косу и выкинул из избы. Прямо как была — босая и в платье домашнем.

Мы с Вилимом зачарованно слушали. Мимика у девушки была богатая, лицо ее постоянно менялось. Зеленые глаза под прямыми бровями упрямо посверкивали. Говорила она зло, отчаянно, но не похоже, будто сдалась или упала духом.

— Думаете, я струсил?! — девушка сжала кулаки. — Как бы не так! Я была зла как сто чертей. Я спрятала эту бумагу поглубже, чтобы не чернила под дождем не расплылись и пошла пешком в Екатеринбург. За три дня добралась. Ноги сбила до крови, голодная и злая. Смогла убедить машиниста поезда, что умею обращаться с инструментами. Он, стервец, какие-то другие инструменты имел в виду, но как только попытался руки распустить, я ему пообещала, что ломом зашибу и поотрываю всякое шаловливое. Добрый человек оказался, с поезда меня не выкинул после такого. И даже вроде как зауважал.

Из гнutoго носика чайника со свистом вырвалась струя пара. Девушка подхватила его рабочей рукавицей и поставила на плетенный из тростника кружок. Открыла дверцу шкафа, извлекла пузатый фарфоровый заварник с объемными толстомясыми синими цветами на боках. Я про себя отметил, что вещь непростая. Это была часть сервиза работы самого Виноградова. Иные коллекционеры не пожалели бы за такую нескольких тысяч рублей. А то и десятков тысяч. Потом поставили бы на видное место в стеклянный шкаф и пылинки бы сдували. Но Анастасия этого или не знала, или ей было наплевать. Она щедро сыпанула внутрь дорожущего предмета антиквариата дешевой заварки из бумажного пакета, залила кипятком и водрузила сверху тряпичную куклу, чья широкая полосатая юбка накрыла узорчатые стенки заварника.

— Промыкалась я в этом вашем Петербурге с неделю, — продолжила рассказ девушка. — Кого ни спросишь про усадьбу Демидовых, все что-то слышали, но разговор все время куда-то в сторону уходит. Я этот Конный переулок излазила сверху донизу. Никакой

усадыбы, как корова языком... Дуболомы эти от парадных меня гнали, когда я просила пустить меня забраться на крышу, чтобы сверху посмотреть. Потом догадалась, что с другой стороны можно подходы поискать. Ну и... нашла. Забралась сюда, а тут... вот это. Ну, вы сами видели. Пришла в жандармерию с бумагой, а на меня как на дуру посмотрели и плечами пожали. Мол, нам все равно вообще. Ты наследница, земля под усадьбой до сих пор за Демидовыми записана...

Анастасия снова вскочила и достала из шкафа три чайные чашки. Все три разные — одна тонкостенная, полупрозрачного фарфора и нежно-пастельным узором, другая наоборот, тяжелая, нарочито-грубая, выполненная в форме замковой башни. А третья яркая, с чередующимися синими, красными и золотыми полосками. Такое впечатление, что тот из Демидовых, кто собирал эту посуду, задался целью составить коллекцию «недостающих предметов». Чтобы никто и никогда не смог собрать полный комплект.

— Я так и не поняла, как бы мне пробить проход, чтобы внутрь усадьбы можно было пешком проходить, а не через сарайки карабкаться, — девушка сняла тряпичную бабу с чайника и принялась разливать янтарную горячую жидкость по баснословно дорогим и редким чашкам. — Так и лазаю, что сделаешь-то? Вы же, наверняка там же забирались? Каретные сараи, а сбоку клен разлапистый. Если до ветки допрыгнуть, то совсем легко забраться...

Мы с Вилимом покивали. Анастасия без всякого почтения грохнула заварником об стол, долила в чашки кипятку и достала с полки пачку соленых галет. В паек моряков такие входят.

— Вот и представьте... — девушка уселась на скамейку напротив меня и уперла кулачки в острый подбородок. — Вот я. Вот поместье это, набитое всякими пыльными шмотками. Денег нет. Ну, думаю, ладно. Тут Сенной рынок рядом, продам всякой посуды, на первое время хватит. Набрала в корзину всяких чашек, плошек, ситечек серебряных, ложечек... Пришла на рынок, разложила все это добро на рогожке. Страшно — жуть! Слышала, что там воры сплошные. И что с торговцев там деньги требуют. Вот ничего не происходило. Вообще ничего. Все шли мимо меня, как мимо пустого места. Я осмелела, принялась кричать даже что-то. Купите, мол. Редкая посуда, все такое... Люди подходили. Кто-то даже в руки что-то брал. Но только ничего не вышло! Никто так ничего и не купил. Кто-то что-то вспоминал срочное. Кто-то знакомого увидел, побежал здороваться, сказал, что вернется, и не вернулся. Я до вечера простояла, потом собрала вещи и домой вернулась. И стала думать, что это все какое-то проклятье. У меня ведь никто даже ложечку украсть не попытался! А там вокруг этих воришек бегало — тьма! Я сама видела, как они у зазевавшихся простофиль за просто кошельки из карманов тянут и часы срывают.

Девушка отхлебнула чаю из своей чашки. Взяла галету, надкусила ее. Совсем по-детски шмыгнула носом.

— А я от голода стала совсем с ума сходить, — ярко-зеленые глаза девушки потемнели. — По углам стали призраки мерещиться всякие. Чуть с лестницы этой чугунной кувырком однажды не свалилась, когда меня повело... И я тогда подумала, что пойду тоже что-нибудь украду. Жандармы ежели заберут, посадят в кутузку, так хоть накормят. Я пришла на рынок, долго не могла решиться. Потом выбрала лавку, большую и богатую. Чтобы от кражи моей не обеднели. Стянула пирожок, спрятала его в карман и стою. Жду, когда меня фараон дубинкой огреет или еще что. Но никто не заметил. С дороги толстяк какой-то с тележкой отодвинул, я ему пройти мешала...

Молочно-белая кожа девушки покрылась ярким румянцем. Она опустила глаза на пол и сделала вид, будто изучает узор на половике.

— Вы не думайте, я никогда не брала больше, чем мне прокормиться надо, — она снова шмыгнула носом. — Но все равно ужасно было стыдно, особенно первое время. Да и теперь... Я пыталась найти кого-нибудь, чтобы за крышу над головой мне помог с домом. И все время одна и та же история — человек сначала радостно соглашается, кивает, что, конечно же, он знает поместье Демидовых. Ну, там, чугунная лестница, кегельбан земляной, лепнина, барельефы, колонны, меняющие лица... А потом исчезал. Причем всегда это было как-то нелепо. Один почти дошел до набережной Мойки вместе со мной, но потом внезапно о чем-то вспомнил, убежал бегом, прокричал, что вернется, но не вернулся. Так его и не видела с тех пор, может он под трамвай попал, не знаю... Другой просто пропал, не пришел на место встречи. Я как-то флигель в одиночку обустроила и живу теперь. Пытаюсь что-то придумать, но ничего в голову не идет. А тут слышу голоса из поместья! Я бросилась следить, ну и... Дальше вы знаете...

— Ничего себе, — проговорил я и потянулся за своей чашкой-башней. — Это и правда напоминает какое-то проклятье.

— Между прочим я как раз то же самое говорил до того, как мы встретили Анастасию, — сказал Вилим, тоже взяв свою кружку. — Вся эта история — явный почерк Якова Брюса. Значит слухи о том, что они были дружны с Никитой Демидовым не такие уж и слухи...

— Яков Брюс, вы сказали? — глаза девушки недобро сощурились. — Никита Демидов никогда не был дружен с Яковом Брюсом!

Глава 19. Кое-что о тактическом планировании

Вилим удивленно вскинул кустистые брови и внимательно посмотрел на Анастасию. Девушка закусил губу и слегка покраснела. Как будто сболтнула лишнее. Потом посмотрела на меня. На Вилима.

— Наверное, я не должна этого рассказывать, — она хмыкнула и махнула рукой. — Но по мне так дело уже прошлое, все участники событий умерли давно, какой смысл хранить все в секрете?

Она вздохнула и снова опустила глаза.

— В общем, тут такая история... — тонкие пальцы девушки вцепились в чашку и сжали ее так крепко, что, казалось, драгоценный фарфор вот-вот лопнет. — Никита Демидов был обычным кузнецом. Ну ладно, необычным. Очень одаренным кузнецом, металл чувствовал как свою руку, при помощи молота и наковальни такие вещи удивительные делал, что просто не верится... Он считал, что достоин большего. И захотел изменить судьбу. Пришел к мамячке, принес... жертву... Старухи жертву приняли и сказали, что если он будет сидеть в своем селе, то никакого успеха и богатства ему не видать. Будет, мол, до конца жизни булавки диковинные ковать, девок с ярмарки радовать.

Девушка перевела дух и отхлебнула остывшего чая. Говорила она быстро и охотно. Кажется, невысказанные слова скопились в ее рыжеволосой голове за несколько недель одиночества, вот она и рада выплеснуть их на благодарных слушателей.

— Баба Мороча сказала ему в Петербург идти, — продолжила она. — И найти там колдуна-чернокнижника, что с самим императором дружен. Мол, он секреты какие-то знает, и если Никита сумеет секреты эти выпросить, то талант его засияет стократно. Никита

бросил дома жену и ушел. Якова Брюса он нашел, конечно, его сложно было не найти. Стал упрашивать секретом поделиться. Брюс ему отказал. Они повздорили и даже по пьяному делу подрались. Брюс наутро все забыл, а Никита закусился. Мол, Мороча ему сказала секрет добыть, и он добудет. Чего бы это ему ни стоило.

Анастасия встала отвернувшись от нас и подошла к окну. Видно в него ничего, кроме листьев, не было, флигель почти целиком окружали разросшиеся яблони.

— Замки у Брюса на всех дверях стояли хитрые, — не поворачиваясь, глухо продолжила она. — Он их сам конструировал и хвастался, что никто открыть не сможет. А Никита смог. Сковал ключи и пробрался к нему в поместье. Как тать какой. И секрет украл. Да так, что Яков не узнал, кто у него дома побывал.

Девушка вздохнула и помолчала. Мне хотелось задать один вопрос, но я прикусил язык, чтобы рассказ не прерывать.

— А потом у Никиты дела пошли в гору. Он женился снова, у него родился Акинфий, производство закрутилось с бешеной скоростью, да так, как никому и не снилось раньше...

— Как женился? — спросил Вилим. — Ты же говорила, что у него же уже была жена!

— А на что она ему такая? — Анастасия пожала плечами и горько улыбнулась. — Он же их первенца Черной Троице в жертву принес, а она умом повредила, когда узнала.

— Ох... — Вилим согнулся, как будто от удара. Лицо его стало растерянным и злым одновременно.

— В общем-то, я почти все рассказала, — Анастасия вернулась на свою скамью и сложила руки на коленях. — Потом Берг-коллегия Якова Брюса поприжала промышленную вольницу на Урале, они снова повздорили, а потом уже Григорий Демидов явился в Петербург. Он был богаче Императора. И принялся отстраивать тут поместья, в том числе и это. Но имя Якова Брюса в нашей семье было принято поминать не иначе, как сплевывая через левое плечо. Мол, он нам всю кровь испортил своим Горным законом и Рудным кодексом. Но на самом деле по-другому все было. О чем и сам Яков Брюс мог даже и не знать...

Девушка замолчала и внимательно посмотрела на Вилима. Нахмурилась задумчиво, склонила голову. Прищурила один глаз, будто приглядываясь.

— Ой, что-то я много болтаю! — вдруг спохватилась она. — Незнакомым людям взяла и всю подноготную выложила. А вы ведь мне даже имена свои не назвали!

— Наша промашка, барышня, — развел руками Вилим. — Меня зовут Вилим Романович Брюс. Нет-нет, не надо вскакивать испуганно. Это и правда прошлые дела. Было и былшем поросло.

— А я думала мне показалось с перепугу, — зеленые глаза девушки стали огромными. — Болтаю тут про Брюса, вот мне и мерещится его призрак на месте гостя. А оно вон как, оказывается... А вы... ты... кто такой? — она повернулась ко мне.

— Никто, — я усмехнулся. — Хотя вернее будет все-таки князь Никто. Брюсам оставили фамилию, но лишили дворянского достоинства и магии. А моя магия осталась при мне. Только вот имени не осталось.

— И как тогда тебя... вас... называть? — спросила девушка. — Князь Никто? Или ваша светлость?

— Ворона, — хохотнул я. Девушка обиженно насупилась. — Подожди, не обижайся. Меня и правда так называли, и у этого даже были причины.

Я с минуту помолчал, глядя на ее юное упрямое лицо. Может ли удача случиться два

раза за неполные два дня?

— Ты рассказала нам длинную историю, — наконец сказал я. — Теперь наша очередь быть откровенными.

Мой рассказ она слушала молча. Хмурилась, удивленно вскидывала брови, постукивала пальцами по краю стола, но не перебивала. Когда я закончил свою историю, глаза ее были похожи на огромные зеленые блюдца.

— То есть, ты правда князь Никто? — спросила она. — А если ты попробуешь написать свою фамилию, это сработает?

— Даже не знаю, — сказал я. — Мне никогда не давали бумагу, чтобы это проверить. А потом мне это почему-то не приходило в голову...

— Ну так может быть... — Анастасия расстегнула один из многочисленных карманов на своем комбинезоне и достала блокнот. А из нагрудного кармана карандаш. И придвинула их мне. — Ничего же не мешает попробовать прямо сейчас!

Я взял карандаш и занес его над чистой страницей. Вспомнил, как я подписывал бумаги своим полным именем. Опустил грифель на бумагу.

И Вилим, и девушка подались вперед.

— Наверное именно так и должен выглядеть вороний грай, записанный на бумаге, — сказала Анастасия. Я опустил взгляд на блокнот. Ломаная кривая линия даже близко не напоминала буквы. Она была похожа на множество птичьих следов, как если бы ворона долго ходила взад и вперед по листку.

Усмехнулся.

— Так просто эта задачка не решается, — сказал я.

— Ну и ладно, — девушка дернула плечом. — Мы должны были попробовать!

— Мы? — переспросил я.

— А разве ты рассказал мне это все, только чтобы вежливо попрощаться на пороге и больше никогда не увидеться? — Анастасия прищурила один глаз. Потом вздрогнула. — Ой... Это же получается, что на самом деле тебе... вам... девяносто пять лет?! А я тут тыкаю, как невежда... Да вы еще и князь... Ваша светлость...

— Нет-нет, можешь говорить, как говорила, — я махнул рукой. — Мой княжеский титул, как и прожитые годы больше никакого значения не имеют. Сейчас я Демьян Найденов, по прозвищу Ворона... — я на пару секунд замолчал, изучающе глядя на ее лицо.

Никакой тоски от тяжелого осознания, как это случилось с Вилимом, Анастасия, кажется, не испытывала. Наоборот, ее глаза блестели, на щеках заиграл румянец, да и вообще она оживилась.

— Слушай, Анастасия... — спросил я. — И тебе не стало грустно или больно от того, что я тебе только что рассказал?

— А почему должно было? — она склонила голову на бок и нахмурила брови.

— Ну как... — я споткнулся. — Ведь это поместье так и останется заброшенным, в будущем никто не помнит имя Анастасии Акинфиевны Демидовой. Значит, что бы ты ни сделала, ничего не имеет значения...

— Подумаешь, важность! — она дернула плечами. — Можно подумать, если бы я осталась в Борзеево, от меня было бы много пользы для истории. Выдали бы замуж за какого-нибудь дуболома, рожала бы каждый год, пока не померла прямо в поле на покосе. И что, кто-то бы вспомнил мое имя тогда?

— Тогда твои дети... — начал я, но поморщился от самого посыла, который я собирался

вложить в свои слова. Я что, собираюсь ее убеждать, что судьба, от которой она убежала, была бы для нее лучше?

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, — она хитро улыбнулась и глаза ее лукаво блеснули. — И даже понимаю, кажется, что мне должно быть грустно. Вот только у меня было уже несколько недель, чтобы смириться с тем, что я никто. Что меня не видят, даже когда я ворую еду. Я не Анастасия Демидова, которую можно сдать жандармам, чтобы она понесла наказание. А просто какой-то воришка, их тут много таких бегают, ерунда какая. А тут приходишь ты. Можно сказать, что ты этим своим рассказом вернул моей жизни смысл, а вовсе не отнял его. Да я тебя расцеловать готова, а вовсе не плакать над своей никчемной судьбой! Ой... — она покраснела и спрятала лицо в ладони.

— Милая барышня, я хотел вам вот какой вопрос задать, — вступил в разговор Вилим. — Вы говорили про свой талант механика, что вы имели в виду? И с какими механизмами вам приходилось иметь дело?

— Ну, я просто люблю всякие механизмы, — Анастасия убрала руки от лица. Румянец еще не прошел, но глаза блестели и в них как будто прыгали смешинки. — Если вижу, что какой-то не работает, могу разобраться почему и починить. Паровой трактор чинила у Бескудниковых. Ой, такая машина бестолковая, половина деталей лишние были! Без них все отлично заработало... А этот вот дурацкий нагреватель... — она махнула рукой в сторону разложенных на другой части стола деталей. — Я понимаю, почему не работает, но починить не могу. Не хватает нужных частей.

— Ты этому училась у кого-то? — спросил Вилим.

— Неа, — девушка мотнула головой. — Само собой как-то получилось. У нас Демидовых так часто бывает. Только кто-то с металлами на одном языке говорит, а я вот — с машинами. Никто не удивился даже.

— Занятно, — медленно проговорил Вилим.

— Мне все равно непонятно, почему вы смогли сюда прийти, — девушка снова нахмурилась. — Эта усадьба уже больше пятидесяти лет заброшена, и ни один человек сюда не забирался. Ну... Во всяком случае, так кажется. Вся обстановка выглядит так, будто как мои все побросали, так оно и лежит с тех пор. На тех же местах. А в будущем как? Так же?

— Не знаю, — я пожал плечами. — Мы знали про эту усадьбу, но нам никогда в голову не приходило сюда забраться.

— Наверное это и правда какое-то проклятье, — девушка вздохнула. — Яков Брюс даже после смерти нам отомстил.

— Как бы он мог это сделать, если эта усадьба была построена уже после того, как он умер? — спросил я.

— Ну не знаю, — пожала плечами Анастасия. — Я не очень-то в этой вашей магии разбираюсь. Просто... Ну... если бы у меня украли секрет, я бы точно попыталась отомстить. Наизнанку бы вывернулась, но сделала так, чтобы воришка пожалел о содеянном. А Никита хотел заполучить тайны Брюса из-за тщеславия своего. Славы и богатства ему хотелось. Значит забвение и запустение — это как раз большее всего бы ударило.

— Только Никита тоже давно умер, — проговорил я. — Боюсь, что мы все равно сейчас точно ничего не узнаем. Только предполагать можем, почему с этой прекрасной усадьбой такое приключилось, и почему на нас с Вилимом эта магия не подействовала. Причина должна быть. Но такие причины редко рисуют на стенах крупными буквами. Смогли — и хорошо. Значит судьба такие карты нам сдала. Нам нужно другое понять...

— Что же? — Анастасия поерзала, как на иголках, будто захваченная не то охотничьим, не то исследовательским азартом.

— Сможем ли мы сюда заманить князя Вяземского, — хмыкнул я. — Или нам все-таки придется другой заброшенный дом искать.

— А может... — девушка подняла глаза к потолку и пошевелила губами. — Да нет, ерунда какая-то получится...

— Но ты все-таки скажи, вдруг не ерунда, — я подмигнул. — Ты все-таки с этой усадьбой дольше, чем мы общаешься.

— Я подумала, что ежели его в ящик посадить и крышку гвоздями прибить, то он же не сможет срочно о делах вспомнить и убежать, — сказала девушка и хихикнула. — И не встретит кого-то, кто его в сторону уведет. Вот только как ящик сюда доставить, входа-то нет... Через каретные сараи его поднять можно, если на клен блок приладить и трос пропустить, но это как-то... как-то... Он же может что-то заподозрить, если его таким образом... Ну вот, вы смеетесь! А я сразу говорила, что идея дурацкая!

— Да подожди, — отсмеявшись, сказал я. — Может не такая уж и дурацкая. Там же каретные сараи. С этой стороны ворота можно открыть, а заднюю стенку разрушить. И тогда в усадьбу можно будет въехать на повозке.

— Ой, а я даже не подумала, что так можно, — девушка всплеснула руками. — Задняя стенка там кирпичная, но разобрать ее несложно... Вот я глупая! Я и сама могла давно так сделать, а не лазать через крышу!

— Осталось придумать убедительный повод посадить князя в запертый ящик и погрузить в карету, — Вилим закашлялся, пытаясь сдержать новый приступ смеха.

— Можно придумать какое-нибудь мистическое оправдание, — проговорил я. — После золотого гомункула с трансцендентной дверью будет не так уж и бредово звучать... Этот Вяземский верит мошеннику-аптекарю, который рассказывает ему про то, что Яков Брюс какие-то подсказки для потомков оставлял, чтобы они могли его тайны отыскать. А у нас есть практически двойник...

— Может его просто похитить? — сказала Анастасия. — Напасть, связать, надеть мешок на голову, сунуть в ящик. Привезти сюда, а тут уже ему явится призрак Якова Брюса и расскажет про дверь, золотого гомункула и все такое прочее...

— Мы с ним не справимся, — я вздохнул. — Он, конечно, довольно молодой, но уже достаточно взрослый, чтобы при помощи магии превратить нас в три кусочка бесполезного мертвого мяса. Возможно даже поджаренного, я не помню точно всех родовых способностей Вяземских, мы никогда не были дружны.

Я помолчал. Побарабанил пальцами по столу. Возможно, нам действительно имело смысл поискать другой заброшенный дом. Или вообще любой пустырь на отшибе. Какая нам, в сущности, разница, где конкретно устраивать представление с явлением призрака?

Но почему-то я был уверен, что все должно произойти непременно здесь. Что в другом месте у нас попросту ничего не выйдет. Заявятся жандармы в самый ответственный момент. Вяземский не поверит в призрака и бросится в драку. Стая бродячих собак откуда ни возьмись понабежит. Или приبلудный кабан из леса. Или еще какая-нибудь холера. В общем, это место — самое подходящее. Если нашему безумному плану и суждено стать реальностью, то только в этой усадьбе, а не где-то еще. Кроме того, это место действительно как-то связано с Брюсом. Вилим говорит, что это именно его почерк, Анастасия рассказала, что Демидовы фактически возвысились за счет какого-то украденного у Якова Брюса

секрета...

Теперь дело за малым. Нужно всего лишь понять, как именно кто-то еще, кроме нас троих, может оказаться внутри. По своей воле.

— Идея с ящиком может и неплоха, — сказал Вилим. — Но ведь нам нужно, чтобы он пришел сюда несколько раз. Чтобы принести золото, ему нужно будет вернуться.

Мы снова замолчали. Анастасия вскочила и принялась снова раскочегаривать буржуйку. Вилим запустил пятерню в свою всклокоченную шевелюру, шевелил бровями и тихо шептал. Как будто спорил сам с собой. Я еще раз осмотрел гостиную флигеля. Не то, чтобы рассчитывал заметить что-то новое. Просто мне так было проще думать.

— Глупая усадьба, — Анастасия насупилась. Снова поставила чайник на печку, вернулась за стол и уперла кулачки в подбородок. — Она такое же никто, как и мы все. Что она есть, что ее нет, ничего не меняется. Могло бы быть любое другое пустое место...

— Может мы поэтому и смогли беспрепятственно зайти внутрь? — медленно проговорил я. — Кажется, у меня есть одна идея! Только ее надо сначала проверить, вдруг она не сработает...

Глава 20. Кое-что о типичных подростковых проблемах

— На эту мысль меня навела твоя просьба написать свою фамилию, — я кивнул Анастасии. — Понимаешь, какое тут дело... Магия работает с духом, а не буквой. С цельными образами, а не с деталями. Если говорить на языке законников, то с намерением, а не с составом преступления.

Девушка нахмурилась, зато Вилим согласно закивал.

— Ничего не случится, если я просто решу произнести этот набор букв, — я пожал плечами. — Или написать его. Не имея намерения кому-то эту информацию передать. Но как только в моей голове появляется хотя бы тень мысли о том, чтобы РАССКАЗАТЬ... Неважно, каким способом — ткнуть пальцем на нужную фамилию в газете или передать зашифрованное сообщение. Заклинание срабатывает. И чем сильнее намерение, тем сильнее будет противодействие, которое помешает мне открыть правду.

— А что, если... — Анастасия подалась вперед.

— Да оставь это! — я подмигнул. — Если тебе непременно хочется узнать, какого я рода, ты можешь сделать это сама. Совершенно независимо от меня. Просто посмотри внимательно на мое лицо, а потом... — я хотел сказать, что она может сходить в Геральдическую коллегия и полистать там кодекс дворянских фамилий. И по фамильному сходству запросто сможет определить, в тело бастарда какого именно из князей меня забросило. Только вот вместо этих слов из моего рта раздалось громкое воронье карканье.

От неожиданности Анастасия даже вскочила. Я улыбнулся и развел руками.

— На самом деле это неважно, — сказал я, когда приступ вороньего грая закончился. — За много лет я уже привык, что я никто. Если у нас ничего не выйдет, то неважно, какую фамилию я носил. А если получится, то это будет тем более неважно. Но вообще-то я вороний грай привел для примера. Идея у меня была совсем другая. Что бы ни было такое с этой усадьбой — это явно какой-то магический эффект. Причем судя по его масштабности — это магия высшего порядка, магия рода. Но это и не непроходимая магическая стена, вроде тех, которыми в свое время пользовались Рюриковичи. Правда, их это не спасло в конечном итоге... В общем, я все это к чему? Намерение — это ключевая точка не только «вороньего грая». Может оказаться, что с этой усадьбой так же история. И если Вяземский

попадет внутрь, убежденный в том, что идет в совершенно другое место, то все у нас может и получиться.

— А во второй раз? — спросил Вилим. — Нам же нужно, чтобы он сюда пришел как минимум дважды...

— Поэтому я и говорю, что идею надо проверить, — я пожал плечами. — Потому что мы до сих пор не знаем, с какими именно чарами имеем дело. Может случиться и так, что единожды преодолев этот загадочный барьер, зайти второй раз труда не составит. А может и нет... Думаю, нам пора прекращать разговаривать и начинать действовать.

— И на ком же мы будем проверять? — спросил Вилим.

— На почтальоне, — не задумываясь, ответил я. — Напишем несуществующий адрес по Конному переулку, а потом кто-то из нас по доброте душевной подскажет короткую дорогу через каретный сарай.

— А если магия со второго раза действовать и правда перестанет, то этот почтальон будет сюда таскаться, чтобы все получше рассмотреть и каких-нибудь вещичек стянуть? — Анастасия насупилась. — Не вижу, что мешает нам сразу проверить на этом Вяземском. Если не сработает, мы всегда можем сунуть его в ящик, и...

— Барышня права, — Вилим кивнул своей растрепанной гривой. — Нет необходимости втягивать в нашу историю кого-то еще. Чем меньше людей в это посвящены, тем меньше шансов, что нами заинтересуются те мошенники, которые тянут из Вяземского деньги сейчас. А ведь в отличие от Анастасии, мы с тобой не укрыты пологом незаметности...

— Зато я могу за ним хоть весь день ходить, а он даже не обратит на это внимания! — радостно сказала девушка.

— Подожди, но у тебя же вроде получается общаться с людьми, — я внимательно посмотрел на Анастасию. Ее никак нельзя было назвать незаметной. Нет, конечно, если скрутить ее рыжую косу обратно под кепку, то в этом бесформенном комбинезоне она становится похожа на обычного подростка, еще и вполне прилежного, не бездельника какого, с работой.

— На самом деле я не пробовала совсем уж наглеть, — лицо девушки стало задумчивым. — Я заметила, что меня как будто не видят, но если я обращаюсь к кому-то, то он мне отвечает и сквозь не смотрит. Это похоже на... Ну, как будто у людей есть более важные вещи, на которые можно посмотреть. А я — это что-то такое банальное, что даже разглядывать незачем. Но ведь для того, чтобы следить, именно это и нужно, разве нет?

— Мы начинаем ходить по кругу, как мне кажется, — Вилим поднялся и подошел к окну. Сумеречный свет слабо пробивался сквозь листья, скорее всего, время уже было ближе к утру. — Думаю, нам всем стоит вернуться на Васильевский и лечь спать.

— Но у меня же есть дом! — Анастасия гордо выпрямила спину и вздернула подбородок.

— Зато у меня работает нагреватель воды, — парировал Вилим. — Кроме того, я хотел бы беспардонно воспользоваться вашим талантом, барышня. Кроме того, ваша усадьба точно никуда не денется.

— Давайте хотя бы на каретный сарай посмотрим... — Анастасия посмотрела на меня, потом на Вилима.

— Успеет еще, — строго сказал Вилим. — Хочу напомнить, что нам совершенно не нужно, чтобы князь Вяземский пришел в усадьбу Демидовых прямо сейчас. Для начала нам еще предстоит все подготовить как следует. Начиная от призрака Якова Брюса и заканчивая

тиглем для золота и прочими декорациями. Так что, не волнуйтесь, барышня, мы проведем в вашей усадьбе еще немало времени. Но я настаиваю на режиме. И хочу напомнить вам, — он выделил интонацией это «вам», — ваша светлость, что соблюдать режим для вас едва ли не более важно, чем золото князя Вяземского.

— Тогда я только захвачу мой ящик с инструментами, — покладисто сказала Анастасия, быстро вскочила и выбежала из комнаты.

— Ох и встрял я с вами... — по-стариковски вздохнул Вилим и тоже поднялся.

Дорога до Васильевского острова заняла у нас чуть больше получаса. Когда мы перелезли через каретные сараи и вышли на улицу, Вилим снова превратился в молчаливого и хмурого типа, целенаправленно шагающего строго по прямой. А мне же, напротив, хотелось то нестись вприпрыжку, то даже кричать от радости. На мосту я замер, наблюдая как от Петропавловской крепости отчаливает серебристая машина дирижабля. Рассветное солнце окрашивало его пузатые борта в оттенки розового и золотистого, а я вцепился в перила, провожая взглядом небесного исполина.

— А было бы здорово полетать на ките, правда? — Анастасия прилипла к перилам рядом со мной и тоже блестящими глазами смотрела на отчаливающий куда-то в Европу пассажирский дирижабль. — Я бы смогла работать на таком механиком, только меня же не возьмут... Эх...

Я искоса посмотрел на нее. Она закрутила косу обратно под клетчатую кепку и опять превратилась в курносого мальчишку с россыпью веснушек по щекам, мечтательно провожающего взглядом летучий корабль, величественно плывущий в акварельном небе имперской столицы. Совсем как я в далеком детстве. Тоже вцеплялся в перила и мечтал о том, как когда-нибудь обязательно отправлюсь в путешествие на таком вот гиганте и буду смотреть на мир в огромной высоты... Я посмотрел на свои руки и фыркнул. Когда-то в детстве, да. Мои пальцы с обгрызенными ногтями и сейчас сжимали перила моста, а сам я взобрался на них повыше, как будто так чувствуешь себя немного ближе к своей мечте. Тогда мне было пять. Сейчас девяносто пять. И ничего не поменялось.

— Тошниловка этот ваш кит, — неожиданно открыл рот молчавший всю дорогу до этого момента Вилим. — Мне однажды пришлось лететь на «Опоре Императора» до Баден-Бадена, на взлете ужасно трясет, а уж если ветер сильный, то и вовсе чувствуешь как будто тебя трясут, как паука в банке. Не зря же там по всем стенам поручни понатыканы...

— Ну и ладно! — Анастасия упрямо вздернула подбородок. — А мы сможем у Вяземского взять столько золота, чтобы купить собственного кита?

— Очень вряд ли, — покачал головой Вилим. — Владеть дирижаблями кто попало не может, это нужен княжеский титул, причем не пожалованный. Иначе Демидовы обязательно бы себе такой заполучили, разве нет?

— Они пытались, — Анастасия слезла в перил моста и отряхнула штанины своего комбинезона. — В поместье есть рабочий кабинет, часть переписки и бумаг остались нетронутыми. Никодим Демидов переписывался с Фердинандом фон Цеппелином, хотел в долю войти в обход императорского запрета. Но я по-немецки плохо читаю, похоже, бош отказался от сотрудничества.

Вилим повернулся к нам спиной и зашагал в сторону дома. Мы с Анастасией синхронно вздохнули, проводили одинаково мечтательными взглядами ставший похожим на серебристую рыбку дирижабль и поплелись следом.

«В каком-то смысле это довольно странно, — думал я, дисциплинированно сидя на

табурете и следя за тем, как Вилим колдует над кастрюлей, превращая продукты в неаппетитную мешанину, которую мне придется съесть. — На самом деле я старше Вилима по меньшей мере вдвое. И он отлично об этом знает. Но видит перед собой подростка, и ведет себя со мной как с подростком. Воспитывает, отчитывает, следит, чтобы я поел...»

Но странно было еще и другое. Я старше его по меньшей мере вдвое. И своим зрелым и опытным разумом я понимаю, что моя худоба из-за дрянного питания и нищей жизни — это серьезное препятствие на пути к прежнему могуществу. И что в моих интересах сейчас как раз соблюдать режим. Но веду я себя почему-то как этот самый подросток — пытаюсь протестовать, спорю, корчу рожи у него за спиной, чтобы Анастасия закрывала себе рот ладошкой, чтобы не расхохотаться. И обдумываю план, как бы это месиво, которым вознамерился накормить меня Вилим, незаметно выкинуть в окно. Как будто рассудок в моей голове имеет только совещательный, а никак не решающий голос.

Впрочем, кажется именно об этом меня и предупреждал Повелитель Червей...

Я проснулся неожиданно для самого себя. Даже не помню, как именно я уснул. Когда мы только пришли, я был бодр, взвинчен и горел желанием немедленно приступить к выполнению плана. Хотя бы бежать в Мариинку за костюмом для призрака Якова Брюса или расписывать ключевые пункты нашего плана. Потом Вилим поставил передо мной огромную миску с едой и бутылочку эликсира на тот случай, если я не смогу самостоятельно заставить себя съесть все. Вот я с завистью смотрю, как Анастасия намазывает себе обычный бутерброд с маслом... А вот я уже открыл глаза в своей постели. И слышу как где-то в другой комнате о чем-то горячо болтают два голова — сварливый Вилим и звонкий Анастасии.

Совершенно не помню, как я заснул. С ложкой в руке, уткнувшись носом в остатки яично-крупяной безвкусной мешанины? Вот стыдоба-то... Наверняка Вилим в этот эликсир что-то подмешал! Ну хоть раздевать меня не стал, прямо в одежде на покрывало положил...

— Хорошо, что ты проснулся! — воскликнула Анастасия, до того, как я успел что-то сказать. — Мы обсудили всякое и подумали, что сегодня я прослежу за этим аптекарем. Может мне повезет, и удастся выяснить, кто его сообщники, и насколько опасно с ними сталкиваться. Потому что где искать Вяземского прямо сейчас мы все равно не знаем, не бегать же по городу, в надежде случайно наткнуться...

Пока она тараторила, я успел забыть гневную отповедь, которую заготовил для Вилима. Посмотрел на часы. Судя по всему, я проспал не так уж долго, не больше трех часов.

— Звучит разумно, — я кивнул и тоже сел за стол. — А я до того, как отрубился, думал, что мне нужны книги по магии. Вилим, в твоей обширной библиотеке случайно нет учебников университетского курса глаголицы?

— Вообще-то выносить учебники по магическим дисциплинам из библиотеки университета строго запрещено законом, — чопорно проговорил Вилим.

— Так у тебя они есть или нет? — нетерпеливо спросил я.

— Конечно же есть, — Вилим хмыкнул. — Только читать их лучше все-таки в подвале. В окно могут заглянуть и донести.

— Тогда проводи меня, мне надо кое-что освежить в памяти, — я попытался вскочить, но Вилим ухватил меня за запястье и усадил на место. Он поднялся и направился к стоящей на плите кастрюле. О нет, опять эта еда!

К счастью, голосу моего разума удалось урезонить бунтующего подростка в моей

голове, так что никаких гримас я корчить не стал, просто смолотил быстро необходимый строительный материал для своего тела и запил все это стаканом белесого напитка, похожего на молочный кисель.

«Магическая глаголица» Якова Брюса и «Значесбник сочетаний» Марии Ленорман были в том же самом издании, которое я помнил по своим собственным годам в университете. Зато «Сословно-знаковый календарь» и «Основы символической вязи», за которыми нам приходилось выстраиваться в очередь, Вилим Брюс не поленился переписать от руки. На самом деле, мне хватило бы и «глаголицы», но учебники лишними не бывают.

Вилим поставил на письменный стол лампу, показал, где в каком ящике писчие принадлежности и ушел, оставив меня наедине с магическими дисциплинами. Я поерзал в его рабочем кресле. Оно казалось показалось мне чересчур широким для моей нынешней субтильной фигуры. Но очень быстро меня это перестало заботить.

В доступной всем глаголице заклинаний для отвода глаз существовало не меньше десятка. От самых простых, рассчитанных только на одного человека, мимо которого нужно быстро проскочить, почти примитивная магия, до сложнейшей вязи, вроде «заячьей тропы» или «сосновой путанки», которыми защищали свои охотничьи домики те аристократы, которым для поддержания могущества требовалось хотя бы на время покидать шумный город и уединяться в лесу.

Сам я этой областью магии никогда особо не увлекался. Все-таки я был стопроцентным горожанином, лес всегда воспринимал стихией враждебной и непонятной. Но сейчас меня больше интересовало не то, как наложить отводящие глаза чары, а как им противодействовать.

Символический язык глаголицы хорош тем, что он все раскладывает по полочкам. Это та часть магии, которая имеет чеканную структуру, четкие правила, как по букве, так и по духу. И каждый эффект каждого заклинания можно разобрать на составляющие части и найти способ это все нейтрализовать.

К родовой магии подобный подход применить не получится. Там высокие материи и философия совсем иного порядка. Но материи, может быть, и выше, но законы у магии все-таки общие. И если понять принцип, то гораздо проще будет найти способ обойти почти любой эффект.

Вот например очень городское заклинание, защищающее от воров... «Глиняный колокольчик». Эффект устанавливался на дверь, и он возвещал каждому проходящему, что в этом доме все очень плохо, бедно, недавно обворовали, шаром покати, в общем — ловить нечего. На дворянских усадьбах такое не использовали, обычно вешали это заклинание на свои тайные дома и квартиры, которые редко посещали, а охрану нанимать было или дорого, или не хотелось посвящать кого бы то ни было в тайны встреч в этом месте.

Заклинание простое, но эффективное. Если специально не ждать чего-то подобного, то можно и не заметить. Обнаружить случайно можно только если у тебя есть «Треснутое стекло», которое подсвечивает стационарные магические эффекты. Вещь редкая, требует сложной работы для изготовления и ингредиенты дорогие. Дальше, дальше...

Ага. Вот. «Нейтрализовать „Глиняный колокольчик“ можно обычным „Визгливим трампетом“. У этих двух заклинаний имеется конфликтующая пара знаков... бла-бла... при звуковом диссонансе простая структура „колокольчика“ распадается, и заклинание перестает работать, даже если „трампет“ был применен рядом совершенно случайно».

— А я знаешь что хотела у тебя спросить? — вдруг раздался у меня над ухом голос

Анастасии. Я встрепелулся и увидел, что она сидит на полу в другом конце комнаты и возится с каким-то механизмом, похожим на двух сцепившихся в смертельной схватке осьминогов. Когда она успела сюда прийти?! — Ты уже думал, что будешь делать потом? Ну... Когда пора будет приступать к изменению истории?

Глава 21. Кое-что о специфике наружного наблюдения

— А ты разве не собиралась следить за Соломоном... как там его?... — я потер лоб, пытаюсь вспомнить. — Ну, за тем евреем-аптекарем, в общем.

— Так он еще три часа будет на службе, — Анастасия дернула плечиком. — Решила пока не сидеть без дела и разобраться в этом агрегате.

— А что это? — спросил я, разглядывая причудливое переплетение трубок.

— Я первая спросила, — девушка потянулась за куском ветоши и вытерла руки от машинного масла. — Так что? Ты уже думал над планом?

— У меня было пятьдесят лет на цепи, — горько усмехнулся я. — Конечно же я думал..

Я крепко зажмурился, потому что на глазах неожиданно выступили слезы. Я вспомнил лицо Голицына в ту ночь. Последнюю, когда мы еще были друзьями, братьями и соратниками. Он на меня не смотрел. В лице его будто что-то поменялось, но я тогда еще не понял, что именно. Многократно вспоминая эту сцену, я каждый раз пытался что-то в ней поменять. Придумывал, что Голицын прятал глаза и мучился чувством вины. Нет, конечно. Ничем он не мучился. Его больше волновало, как бы я не догадался обо всем раньше времени. До того, как займут позиции громилы из Багровой Бригады и Императорская Инфантерия, наглухо прикрытая магическими щитами.

Я открыл глаза. Анастасия смотрела на меня, не отрываясь. В глазах ее отражалось голубоватое пламя саламандры, странной саламандры из алхимической лампы Вилима Брюса.

— Я думал, конечно, — ответил я. — Но детальный план здесь составить не получится. Игра с судьбой похожа на прогулку с шестом по болоту. Вроде бы, вся поверхность выглядит одинаково. Но сделаешь неверный шаг, и провалишься на дно трясины, и уже через секунду никто не вспомнит, что ты вообще здесь был.

— Это опять какие-то очень высокие магические материи... — вздохнула девушка и вытерла лоб тыльной стороной ладони. На белоснежной коже осталась черная полоса.

— Не очень высокие, — усмехнулся я. — И совсем даже не магические. Помнишь, ты рассказывала о том, как чинила паровой трактор? Убрала кучу деталей, а он все равно работает, так?

— Ага, — девушка кивнула.

— Вот то же самое и с судьбой, — продолжил я. — Очень много вещей, которые случаются в жизни, никак и ни на что не влияют. Убери их, и ничего не произойдет. То есть, события жизни вроде бы немного поменяются, но ключевые поворотные пункты останутся на своих местах.

— То есть, менять надо как раз эти самые «ключевые моменты»? — Анастасия положила на пол какую-то кривую железку, заканчивающуюся петлей. Представления не имею, для чего она используется...

— Именно, — сказала я. — Но давай вернемся к твоему трактору. Представь, что ты пытаешься его ломать на ходу, и суешь голую руку в движущийся механизм. Что произойдет?

— Руке кранты, — девушка посмотрела на свои ладони и снова схватилась за тряпку. —

Это если повезет. А может и целиком затянуть в механизм и в фарш перемолоть.

— А если тебе надо сломать движущийся трактор, но при этом не превратиться в фарш? — спросил я.

— Да запросто! — самоуверенно заявила Анастасия. — Надо просто выдернуть...

— С судьбой примерно так же история, — быстро перебил я ее, пока она не начала вдаваться в технические подробности, в которых я не разбираюсь совершенно. — Надо найти то, что ты можешь выдернуть, но чтобы при этом тебя не затянуло в механизм и не перемололо в труху. Только вот с каждой судьбой придется отдельно разбираться. Потому что никаких схем и инструкций на этот счет нет. Искать, балансировать, выбирать момент...

— Да, теперь я, кажется, поняла, — медленно проговорила девушка, и закусила губу. — И при этом это не магия?

— Нет, — я покачал головой. — Магия в этом деле может помочь, а может и помешать.

— А еще хотела спросить... — начала девушка. — Ой, ладно! Не буду отвлекать лучше, а то я заболтать кого угодно могу. Лучше пойду скажу Брюсу, что я починила эту штуку.

Она вскочила и вприпрыжку ускочила по лестнице вверх. Так и не стерев со лба грязную полосу.

А я вернулся обратно к книгам. Правда, сосредоточиться уже получалось хуже.

Вот, например, возьмем более сложное заклинание «заячьей тропы». В городе такое старались не использовать, потому что вместо того, чтобы отвлекать внимание, этот эффект наоборот может привлечь. Принцип работы простой — человек сворачивает в сторону, не подходя к тому месту, которое так защищено. Если у тебя хижина в лесу или охотничий домик, то случайный прохожий просто свернет в сторону и даже не задумается, что с ним произошло что-то странное. А вот в городе смена траектории всеми подряд прохожими будет выглядеть довольно странно. Об этом начнут болтать, и в результате ты окажешься хозяином вовсе не незаметного дома, а центра кривотолков и пересудов.

Я пролистнул описание довольно сложной вязи, которая требовалась, чтобы установить заклинание.

Ага, тут на самом деле совсем просто. У «заячьей тропы» есть противодействующее заклинание «лисий нос». Поможет и в том случае, если ты прицельно ищешь дом, закрытый «заячьей тропой», и просто используешь «лисий нос», если следишь за кем-то конкретным. Хм, вот только нет пояснения, почему именно так... Чтобы понять, надо прочитать внимательно и структуру «заячьей тропы», и структуру «лисьего носа».

А я после разговора с Анастасией, не мог сосредоточиться. Черт его знает, почему. Девушка мне нравилась, она была забавная, задорная и живая. Умница и очень симпатичная. Мне нравилось находиться в ее обществе, нравилось болтать с ней, нравилось, когда она на меня смотрит и меня слушает. Вот и сейчас я поставил локти на раскрытую книгу, улыбаюсь и думаю про ее измазанный машинным маслом лоб.

Я тряхнул головой и снова заставил себя прочитать текст на открытой странице.

«Сосновая путанка» работает как более более привлекательная дорожка...

Нет. Решительно не получается сосредоточиться!

Через некоторое время мои размышления прервал Вилим.

— Время принимать пищу, ваша светлость, — подражая мажордому сказал он, спустившись до середины лестницы. — Кроме того, аптекарь сегодня ушел с работы чуть раньше, и наша разговорчивая барышня убежала за ним следить.

— А... — я встал из кресла и понял, что даже слегка расстроен, что Анастасии не будет

за ужином.

С каждым следующим разом запихивать в себя питательное месиво становилось все проще. Мне уже не казалось, что если я съем еще ложку, то эта так называемая еда выплеснется через край. На самом деле, если сильно не задумываться, то даже терпимо на вкус. Во всяком случае, не противно... Мне даже эликсир не понадобился, чтобы доесть всю порцию.

Я поблагодарил Вилима и вернулся обратно в подвал. Совершив некоторое усилие над собой, я смог, наконец-то, заставить себя снова погрузиться в книги. Пролистав большинство описанных заклинаний, отводящих глаза, я пришел к следующим выводам.

Во-первых, каждое из них четко относилось к одному из типов — сокрытие, подмена или мимикрия. Если заклинание скрывало, то нейтрализовать его было проще всего, и для него уже придумали просвечивающее противодействие. С подменой и мимикрией было немного сложнее. Или даже много сложнее. Никакого общего принципа в обходящих или противодействующих заклинаниях не было. Отмена одного была побочным эффектом какого-то другого, цель которого была совсем не в этом. С мимикрией вообще темный лес. Вязь мимикрии была очень сложной, сам эффект при этом почему-то слабее, как будто всего лишь косметическая маскировка. Но зато и обходных путей в такой защите найти было почти невозможно, разве что подбором слабых знаков случайны образом... То есть, усаживаться рядом и швыряться разными заклинаниями, практически наобум, в расчете на то, что одно из них может нейтрализовать мимикрию. Но какое конкретно — можно было только случайно угадать, потому что в вязи мимикрии каждый раз были разные знаки, в зависимости от того, что именно окружает место, на которое эта самая мимикрия наложена.

Я потер виски пальцами. Нет, в целом, все было понятно. Все-таки, глаголица имела свою внутреннюю логику. И при желании даже в самой сложной вязи можно было разобраться. Но мне очень затрудняло работу то, что приходилось разбираться, не пробуя ничего воспроизвести. Практика магии часто оказывалась много проще, чем теория. Вполне возможно, пошвыряйся я, например, вот в тот сундук разными заклинаниями, у меня ушло бы гораздо меньше времени...

Кстати, об этом...

Я посмотрел на часы. Было уже половина второго ночи. И за все это время меня никто ни разу не побеспокоил. Ни Вилим, с очередным приемом пищи или требованием немедленно идти спать, ни Анастасия, которая давно уже должна была вернуться!

Я вскочил из кресла и скачками понесся наверх.

— Я думал, ты уже давно уснул, — не поднимая головы, сказал Вилим. Он сидел в кресле и читал книгу.

— Анастасия еще не вернулась? — спросил я.

— Еще нет, — он покачал головой. — И меня это немного тревожит...

В этот момент в двери тихонько заскрежетал ключ. Я услышал осторожные шаги в прихожей, и у меня отлегло от сердца. Она вернулась!

— Ой, я а не хотела вас будить, думала, вы уже спите! — она сняла с головы свою клетчатую кепку и превратилась из бесшабашного мальчишки обратно в миловидную девушку. — Я не хотела, чтобы вы беспокоились, но уйти раньше никак не могла! Правда-правда! Он только сейчас отправился домой, живет здесь совсем недалеко, я его до парадной проводила.

— Удалось узнать что-то интересное? — спросил я, опустив подробности о том, что я

волновался, и что за те несколько минут, когда я понял, что уже ночь, а ее все еще нет, я успел тысячу раз пожалеть, что мы, два взрослых и умудренных опытом мужчины, отправили юную девушку одну на такое опасное, может быть, дело. Она-то, в отличие от меня, не только выглядела юной. Она по-настоящему такой и была!

— Ну... — она уселась на стул, поерзала и поставила локти на стол. — Сначала мне казалось, что он просто бесцельно бродит по улицам. Он вышел из аптеки и пошел в сторону набережной. Медленно прогулялся почти до пришвартованного ржавого парохода, потом так же неспешно вернулся обратно. Купил кулечек семечек у торговки, присел на лавочку. В этот момент я уже заскучала, непонятно даже было, зачем он ушел с работы раньше, чем собирался. Я даже чуть не пропустила момент, когда на эту же лавочку уселся какой-то тип. Наверное потому что я не сразу поняла, что они разговаривают. Они сидели на разных концах, наш аптекарь делал вид, что празднично лущит семечки, а тот, другой, в полосатом костюме и какой-то дурацкой шляпе, как будто он куплеты на площади только что пел, просто крутил головой и по-дурацки улыбался.

— Ты слышала, о чем они говорили? — жадно спросил я.

— Почти нет, — вздохнула Анастасия. — Говорю же, поздно догадалась подойти ближе, не было похоже, что они разговаривают. Успела услышать только пару последних фраз. Полосатый сказал, чтобы он шел на Сенную сам, а аптекарь высказал недовольство, но встал и пошел.

— Они на тебя не обратили внимания? — спросил я.

— Неа, — девушка мотнула головой. — В общем, он быстро перешел мост, прошел по Конному переулку, а потом свернул направо. Он еще когда по Конному шел, мне как-то не по себе стало. Я уж было подумала, что он в мою усадьбу идет. Глупо, да, понимаю. Но шел он в ту же сторону, мысль как-то сама собой и появилась. В общем, он свернул, а потом снова свернул, в темную и замызганную подворотню, Там темень и вонь ужасная, меня чуть не стошнило. И чуть его из вида не потеряла, потому что там настоящий лабиринт!

— Вяземская лавра? — спросил я.

— Не знаю, там на входе написано не было, — огрызнулась девушка. — Это если выйти из Конного, свернуть направо, потом обойти площадь, перейти рельсы, и потом...

— Да, все верно, это она и есть, — кивнул я. — Что было дальше?

— Он остановился у какого-то вонючего бродяги, наклонился и что-то спросил шепотом, а тот ответил, тоже шепотом, — Анастасия махнула рукой, будто показывая дорогу. — В общем, он пошел туда, потом свернул... Ой, наверное, если меня туда еще раз привести, то я дорогу найду, но все повороты вот так на память не вспомню. В общем, там кирпичный дом низкий, и на нем — большие ворота. Он подошел, постучался. Я как-то приуныла слегка, мне в чужой дом страшно забираться, если честно... И тут ему дверь открыли. Там такой был человек невысокий, вертлявый, очень болтливый и с усиками такими... дурацкими. Но одет не как бродяга, у него костюм черный, как ворона... Ой, прости, — щеки девушки слегка покраснели, она чуть-чуть втянула голову в плечи.

— Похож на Волынина, — сказал я задумчиво.

— На кого? — переспросила девушка.

— Да, неважно, — я махнул рукой. — На одного чиновника.

— Ну да, на чиновника он похож, это точно, — Анастасия быстро покивала. — Он многословно так его приветствовал, потом запустил внутрь и дверь закрыл. Я сначала приуныла, потом попыталась в окно что-то рассмотреть, но какое там... Окно одеялом что

ли занавешено... В общем, я решила, что стоять у двери — глупая идея и решила обойти этот дом. Там он правда в одном месте стыкуется с другим домом прямо углом, не пролезть. Пришлось и его обходить. А там после арки глухой дворик. И дверь только одна. Я подергала, а она открыта. Зашла внутрь. Там темно было совсем, держась за стены пробираться пришлось. И лошадь! Нет, вы представляете! Там лошадь прямо в доме! Она заволновалась, когда я на нее налетела. Думаю, все, сейчас меня точно поймают! Но нет. Прикрикнули откуда-то, мол, да успокойся ты, кляча старая. И все. А вот дальше мне уже было хорошо все слышно. И даже видно.

— Волынин встречался с аптекарем в моей труповозной конторе? — пробормотал я.

— В общем, он ему говорит, что через три дня нужно все устроить, — продолжила рассказ Анастасия. — Нет-нет, не перебивайте, а то я могу что-то забыть или перепутать. Через три дня, ага. Аптекарь тогда возразил, что, мол, маловато три дня, он еще неделю может держать его на крючке, а если раньше дело сделать, то денег получится меньше. Тогда усатенький начинает очень таким сладким голосом намекать аптекарю, что его дело здесь вообще десятое, и раз ему сказали, три дня, то обсуждать это — не его еврейское дело. Он повздыхал, но согласился. Спросил только, будет ли там какая-нибудь защита. Да, вроде бы именно так... Как я поняла, он опасался, что когда тот, кого они ни разу не назвали, будет сопротивляться, ему может первому прилететь, и это его нисколько не радует. Тогда голос усатенького стал еще слаще, и он спросил, как аптекарь относится к каторге. И еще — как поживает его мамаша. В общем, неприятный такой тип на самом деле, мне прямо ужасно не понравился. Мне даже аптекаря в какой-то момент жалко стало.

— А еще кто-нибудь там в это время был? — спросил я.

— Не знаю, — девушка дернула плечиком. — Там большая комната, но лампа очень слабая, было видно только то место, где они сидели.

«Наверное, труповозную контору уже кому-то передали, — подумал я. — Когда обнаружили, что трупы никто не убирает...»

— Потом он его выпроводил, — Анастасия набрала в грудь воздуха. — Ну, этот с усиками нашего аптекаря. А я настолько осмелела, что просто проскочила через большую комнату по стене, открыла дверь и выскочила следом. Кажется, Волынин меня даже заметил. Ну, или может не совсем меня, просто какое-то движение. Но я уже снаружи была, не стала оставаться и смотреть, как он себя поведет дальше.

— А потом аптекарь домой пошел? — спросил я.

— Неа, — Анастасия мотнула головой. — Он вышел из этого вонючего лабиринта, закурил. У него еще руки дрожали, я по огоньку видела. А потом пошел вроде как обратно вдоль площади, но остановился возле распивочной со стоячими столиками. Заказал себе кружку чего-то и подозвал мальчишку. Дал ему монетку и что-то на ухо прошептал. Мальчишка убежал, а этот ждать остался...

Глава 22. Кое-что о помощи, которую не просят

Анастасия встала и походила по комнате, будто вторая часть истории тревожила ее гораздо больше, чем первая. Она налила себе воды из графина, сделала несколько плотков, поставила стакан на место и вернулась на свой стул.

— Он ждал недолго, минут, может, десять, я не засекала, — Анастасия сцепила пальцы в замок, и несколько раз стукнула сцепленными ладонями по столу. — А потом к нему подошел такой... такой... длинный, тощий, с жутким каким-то лицом, шея замотана

длинным шарфом, а на голове — беретик. Я сначала думала, может картуз... ну кто может носить берет на Сенной площади? И вроде выглядит как-то глупо, но от него прямо мороз по коже.

Девушку явственно передернуло. Она втянула голову в плечи, в глаза — искорки пережитого испуга.

— Мне прямо спрятаться захотелось сразу куда-нибудь, — она шумно выдохнула и потерла глаза кулаками. — Но я подобралась поближе и прислушалась к тому, о чем они там разговаривают. Аптекарь волновался, трепал в руках носовой платочек. А этот, страшный, вроде как пытался его успокоить. По плечу хлопал, улыбался. А глаза как у волка, вообще ни тени улыбки. И мне слышно все равно не было. Я тогда еще ближе подошла... И тут он на меня как зыркнет. Прямо как будто в душу заглянул. А я совсем рядом стою и думаю: «Ой, мамочки, вот я и попалась!» Но вроде обошлось. Он поморщился так, будто ему что-то показалось, и к разговору вернулся.

— О чем они говорили? — нетерпеливо спросил я. Опознать человека, с которым встречался наш аптекарь, было совершенно несложно. Может быть, на Сенной площади был еще один человек в берете, способный внушить ужас юной девушке одним своим видом, но что-то мне все-таки подсказывало, что конкретно этого человека я знал. Веласкес. Правая рука Ядвиги, теневой повелительницы воров, нищих и бродяг. А возможно он и есть настоящий некоронованный король. Только предпочитает править из тени.

— Ты что, знаешь этого... в беретике? — быстро спросила Анастасия.

— Думаю, что да, — я кивнул. — Так о чем был разговор.

— Аптекарь хотел, чтобы исчез какой-то Волынин, — ответила девушка. — Сначала они торговались о цене. Тот в беретике хотел пять сотен рублей, а аптекарь сбивал цену. Сошлись на четырех с половиной сотнях. А потом... Потом они поспорили о том, где подходящее место. И аптекарь сказал, что точно знает, что через три дня этот Волынин придет в один дом в Конном переулке.

— В Конном? — переспросил я. — Вот так совпадение!

— Ну, это не то, чтобы рядом с усадьбой, — Анастасия прикусила губу. — Это почти на набережной Екатерининского канала, я посмотрела на адрес, когда мимо проходила. Там такой дом обшарпанный, выглядит как заброшенный. Окна забиты досками... Ой, я не дорассказала разговор. В общем, аптекарь сказал, что если он исчезнет позже этой встречи, то вторую половину денег он не заплатит, потому что это уже вроде как не будет иметь значения. И еще сказал, что главное, чтобы больше никто из тех, кто там будет, не пострадал. И тогда беретик ответил, чтобы тот не беспокоился, они всегда ювелирно точны. Потом аптекарь незаметно передал ему деньги, и беретик ушел. Аптекарь еще чуть-чуть постоял. Выкурил папироску. И тоже пошел. К Конному переулку. Вот теперь все. А кто такой этот в беретике?

— Да так... — саркастично вздохнул я. — Помощник и советник Ядвиги, воровской царицы или что-то подобное. Я тогда еще не знал, чем именно он занимается, а после твоего рассказа стало понятнее.

— Давайте резюмируем, что удалось узнать, — Вилим подался вперед и оперся руками на стол. — Через три дня в доме на пересечении Конного переулка и Екатерининского канала планируется два действия. Кого-то, скорее всего нашего князя Вяземского, собираются похитить или сделать с ним еще что-то нехорошее. А страшный человек в беретике собирается убить того, кто планирует это самое похищение. Все верно, я ничего не

упустил?

— Фамилия «Вяземский» ни разу не звучала, — напомнила Анастасия. — Я слышала только, что...

— Да-да, я запомнил, — Вилим в задумчивости почесал лоб. — Три дня это довольно мало на подготовку. Если нам нужно разобрать стену каретного сарая, установить эффектный тигель, костюм, опять же...

— Не так уж и мало — три дня, — возразил я. — Вполне можно все и успеть. Зато вся эта заваруха может нам немного упростить дело, — я вспомнил тех типов, которые убили Кочергу в труповозной конторе. И от которых я помог сбежать этому самому Вяземскому. И еще, что ко всей этой ночной истории этот самый Волынин имел очень даже прямое отношение... — Или осложняет...

— Объяснись, — Вилим посмотрел на меня из-под кустистых бровей.

— Если мы поможем ему сбежать, то у нас есть шанс беспрепятственно затащить его в усадьбы Демидовых, — сказал я. — Как я понимаю, в этом доме на Екатерининском канале планируется изрядная такая суматоха, и князь не сразу сообразит, что тут не все охотники по его душу. А значит если Анастасия его оттуда вовремя вытащит, то может... Проклятье, в этом плане слишком много всяких «но» и «если». Но мне кажется, что все эти закрутившиеся обстоятельства — это самая подходящая для нас ситуация.

— Я хочу напомнить, что гипотетическое золото, которое мы можем получить от князя Вяземского — это далеко не последнее золото в Петербурге, — скривив губы проговорил Вилим. — Необязательно рисковать жизнью.

— Так мы и не рискуем, — я пожал плечами. — Нам всего лишь надо оказаться в нужное время в нужном месте. Если он вырвется из ловушки, которую ему готовят, окажется в необычном месте, где ему явится призрак Якова Брюса, то...

— Не могу сказать, что все это мне очень нравится, — Вилим усмехнулся. — Но поскольку моей задачей будет сидеть в усадьбе, нарядившись в камзол и парик, то возражать я не буду. Кстати, я немного подредактировал твой сценарий, и теперь все будет звучать реалистично с точки зрения алхимии.

— А... — я хотел попросить рассказать детали, но махнул рукой и не стал. Все равно я не разбираюсь в алхимии, зачем зря пытаться забивать себе голову лишними знаниями. Достаточно того, что Вилим считает, что теперь сценарий безупречен.

— Поздний час, — Вилим ткнул пальцем в сторону настенных часов. — Вы и так нарушили режим, ваша светлость.

Спать мне теперь не хотелось, но возражать я не стал. И, как ни странно, провалился в сон, едва положил голову на подушку.

Я падал, падал, будто в глубокую черную яму. Почти как в тот день, когда меня пленили... Только эта яма была много глубже, и ее стенки неслись мимо меня со страшной скоростью, будто я падаю куда-то в центр земли... Но мне не было страшно или тоскливо. Я почему-то знал, что падение скоро закончится, и я не разобьюсь.

И уже в следующий момент я зажмурился от яркого света. На почти белом небе нестерпимо сияло солнце. Высоко, почти над головой. Я стоял посреди ржаного или пшеничного поля. Тяжелые колосья доходили мне до груди. Палящий зной был настолько густой, что любое движение давалось с трудом.

Похоже, это все-таки не просто сон...

Впереди, в зыбкой горячей дымке мне навстречу двигалась фигура в белых одеждах. В

дрожащем и мерцающем воздухе было пока непонятно, мужчина это или женщина.

Ну да, я читал, что именно так она и является. Посреди поля, в белых одеждах.

Полуденница. Вторая часть Забытой Триады. Сестра Повелителя Червей.

Иссушающий зной, обжигающий ветер, смерть...

Страх накатил неожиданной волной, и я попытался отступить назад.

Как-то не задумываясь, инстинктивно. Сухие могучие руки горячего ветра толкнули меня в спину.

— Я не буду пытаться тебя про льяные полотна, ты все равно не знаешь, как они делаются, — голос Полуденницы был звонкий, даже не девичий, а девчачий. Но вот лицо совсем даже не детское. У нее были белые волосы, словно цвет их навсегда выжгло солнце, и медно-коричневая кожа. Пронзительная синева глаз была настолько яркой, что было больно смотреть. Взглянул — и даже если закрыл глаза, продолжаешь видеть два синих пятна, плавающих во мраке с другой стороны век. — Мы не в поле, и ты не крестьянин, нарушивший запрет не выходить на жатву в полдень.

— Тогда что же тебе нужно? — спросил я. — Или ты просто так явилась? Посмотреть на новую игрушку своего брата?

— Дерзкий какой! — она засмеялась, и обжигающе-горячий ветер закрутился вокруг нас вихрем. Колосья закачались и начали хлестать меня по рукам, оставляя на коже длинные тонкие царапины. — Я заключила с ним пари. Он считает, что ты сгинешь в неизвестности. Что у тебя не достанет сил и ярости довести свою месть до конца.

— А ты, значит, считаешь, что я справлюсь? — хрипло спросил я. Во рту пересохло, ощущение было такое, что когда говоришь, пережевываешь во рту песок.

— Не льсти себе, мне просто нравится с ним спорить, — Полуденница присела и принялась рвать заблудившиеся среди колосьев васильки. — Я никогда тебя не видела и ничего о тебе не знаю. Но брат сказал, что он настолько уверен, что даже если я трижды помогу тебе, то ты все равно не справишься. У тебя слишком доброе сердце для той цели, которую ты избрал.

— И ты правда будешь мне помогать? — спросил я и почувствовал, что холодею, несмотря на жаркий ветер и ослепительное солнце.

— Вот три цветка, — сказала она, сунув мне в руку букетик из трех ярких, почти как ее глаза, васильков. — Призови меня, когда тебе надо будет справиться со своей добротой и милосердием...

Я дернулся, и... проснулся. В правой руке я сжимал три высохших стебелька с венчиками резных синих лепестков. Первым порывом было отбросить их в сторону и немедленно отмыть руки. Но я знал, что это бесполезно. Полуденница была одной из самых грозных забытых богинь. Она была непредсказуема, капризна и совершенно безжалостна. Она — несправедливая смерть, позади которой все рыдает. Она приходит за маленькими детьми и за сильными здоровыми мужчинами. И забирает, кого захочет, в тот момент, когда этого никто не ждет.

Ее помощь — это последнее, о чем бы я просил.

Я посмотрел на засохшие васильки в своей руке. Зажмурился, сосчитал до пяти, все еще надеясь, что это был просто сон и ничего больше.

Открыл глаза.

Цветы никуда не исчезли.

Нда... И беда даже не в том, что могущественное существо вдруг взялось мне помогать.

Беда в том, что ее помощь тоже не будет бесплатной.

— Ты уже проснулся? — раздался из столовой голос Анастасии. — А Вилим ушел ни свет ни заря. Сказал, чтобы я проследила, чтобы ты съел свой завтрак.

— Кто бы сомневался, — буркнул я и направился в ванную.

На удивление, проглотить белесую мешанину, которую мне оставил Вилим, оказалось уже вообще не трудно. Анастасия молча следила за тем, как я орудую ложкой, но было заметно, что она хочет что-то сказать. И лицо у нее было такое загадочное — смесь тревоги и любопытства.

— Что-то случилось? — спросил я, отложив, наконец, ложку.

— Наверное, это глупо... — сказала она и ее щеки слегка порозовели. — И вообще какие-то детские сказки все...

— Валяй, рассказывай, — я широко улыбнулся. — Иногда детские сказки бывают мудрее иных взрослых и серьезных.

— Нельзя было рвать васильки, — сказала она, глядя куда-то вниз. — Строго запрещали, потому что это любимые цветы Полуденницы. И если их нарвать и букет дома поставить, то это будет как будто... В общем, что-то вроде призыва. Вроде как ее вспомнили и призывают обратно. А мне они очень нравились. Я однажды их нарвала и поставила у себя под кроватью, чтобы никто не видел. И когда я легла спать, дома поднялся как будто горячий ураган.

— И что, к тебе явилась Полуденница? — осторожно спросил я.

— Нет, не явилась, — мотнула головой Анастасия. — Хотя я, наверное, очень хотела. Только был этот вот горячий ветер. Цветы потом нашли и выбросили, а меня выпороли. И в тот день умерла родами моя тетка. И ребенок умер.

— И? — я подался вперед. Обычно она говорит очень быстро, а тут почти каждую фразу приходится вытягивать.

— Меня сегодня разбудил горячий ветер, как тогда, — сказала она и посмотрела на меня. — Теперь я знаю, что такое Полуденница, это тогда думала, что она просто красивая девушка в ржаном поле... Если это она являлась, значит кто-нибудь умрет? Но ведь я же не рвала васильки...

— Здесь была Полуденница, — сказал я и усмехнулся. — Она сестра Повелителя Червей, приходила ко мне во сне, — Я сунул руку в карман, нащупал хрупкие стебельки васильков и показал Анастасии. — Странно, что ты тоже это почувствовала.

— Ой... — она вздрогнула, потом бесстрашно протянула руку и коснулась кончиком пальцев синего лепестка. — Это все так странно. Когда я была маленькой, было какое-то множество непонятных запретов. Потом мы подросли, и все это стало казаться ерундой, которую специально для детей придумали, чтобы они сами себе не навредили. А сейчас вот оказывается, что васильки... Полуденница... Нет, я помню про Повелителя Червей, ты же рассказывал, как сюда попал... Но...

— И тебя это тревожит? — спросил я. — Что они оказались настоящими, а вовсе не детскими сказочками?

— Я пока сама не понимаю, верю я в них до конца или нет, — Анастасия поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее. — Ой, нет. Если они настоящие, им, наверное, все равно, верю я в них или нет!

Хлопнула входная дверь. В прихожей раздались тяжелые шаги Вилима и шуршание бумаги. Мы замолчали, ожидая, когда он войдет в столовую. Но он хлопнул дверью в ванну.

Зашумела вода.

— А куда уходил Вилим? — я недоуменно посмотрел на Анастасию.

— Сейчас увидишь, — глаза ее заблестели, губы расплылись в загадочной улыбке. Я нахмурился и посмотрел на дверь в столовую.

— Ладно, пес с ними, с суевериями, богами и прочими высокоумными магическими шутками! — Анастасия вскочила со стула. — Я подумала, что будет нелогично, если убежать Вяземскому будешь помогать ты. Он же на тебя напал, зачем тебе снова его спасать? Он и в лицо тебя знает. А меня он никогда не видел, и я даже в дом этот забраться могу, что никто не заметит...

— Насчет не заметит, я бы не обольщался, — сказал я, неотрывно глядя на дверь. Да где, наконец уже Вилим? Что еще за секреты? — Если Вяземский начнет применять магию, то эта твоя пелена может слететь совершенно неожиданно.

— Но все равно же мое предложение звучит логично, правда? — Анастасия уперла взгляд в мое лицо.

— Пожалуй, — вынужденно согласился я. Но почувствовал, что мне совершенно не хочется отпускать ее в ночную заварушку с неясным количеством участников. Она все верно сказала, конечно. Я бы даже и сам должен был именно такой план и предложить. Но... Но почему-то старался об этом не думать. Как будто заранее переживал о том, что она будет подвергать себя опасности.

Раздались шаги Вилима. Немного незнакомые шаги, будто он сменил обувь на другую, с металлическими набойками.

Цок, цок, цок. Шаги раздавались все ближе и ближе. Я даже затаил дыхание.

Дверь медленно распахнулась. Темно-красный бархатный камзол, отороченный черным кружевом и золотой канителью. Белопенное жабо и выбивающиеся из-под широких манжет камзола рукава рубашки. Два ряда золотых пуговиц. Булавка с кровавым камнем, закалывающая кружева на вороте. Тупоносые черные туфли с блестящими пряжками. Спадающие на плечи кудри длинного пышного парика, скрывающего его собственную растрепанную шевелюру. И в довершение образа — три тяжелых перстня-печатки. Одна на правой руке и две на левой.

В обрамлении полукруглой двери в столовую Вилим выглядел сошедшим с гравюры двухсотлетней давности.

Похожий, как брат-близнец.

Настолько похожий, что становилось не по себе.

Перед нами стоял Яков Брюс.

— Ой, мамочки! — взвизгнула Анастасия и зажала рот обеими руками. — Этого просто не может быть!

— Разве это не я должен был удивляться? — я хмыкнул. — Согласен, образ просто идеальный. Но ведь ради этого все и затевалось!

— Да нет же! — девушка сделала рукой жест, будто отгоняя назойливое насекомое. — Просто я только сейчас поняла, что это Вилим нарисован там, в усадьбе.

— Если там человек с таком же наряде, то это ничего не значит, — Вилим постучал по полу носком туфли. — Я никогда бы не надел такое по доброй воле. И под париком ужасно чешется голова.

— Я так просто не объясняю, — Анастасия дернула плечом. — Но мы же сейчас собираемся в усадьбу, верно? Это надо просто показать...

Глава 23. Кое-что о неприятных встречах

Я ожидал, что Анастасия поведет нас в один из парадных залов, кажется, кое-где на стенах я видел картины. Но нет. Когда мы забрались по разлапистому клену в поместье, она повлекла нас в останки земляного кегельбана на первом этаже.

— Вон на той стене! — сказала девушка, указывая на самый темный угол. — Только надо побольше света.

Вилим, уже переодевшийся в свой привычный вид, подкрутил свою алхимическую лампу, и саламандра засветилась ярче.

Это была не картина и не гравюра. Это был просто набросок. Чуть ли не углем на стене. Нарисован явно после того, как усадьбу покинули Демидовы. В центре — овал на двух закорючках, изображающих ножки. С одной стороны — человек в камзоле, пышном кудрявом парике и туфлях с пряжками. С другой — растрепанный, в рабочем халате и фартуке, но лица одинаковые. Впрочем, прорисованы они особенно не были, неизвестный художник был несомненно талантлив, но передать черты лица не старался. Это мог быть и Яков Брюс, и любой другой человек, одетый согласно моде той эпохи.

— Понимаете теперь, почему я удивилась? — Анастасия отвернулась. — Интересно, что это может значить?

— Что в усадьбу кроме нас кто-то все-таки заходил, — пробурчал Вилим. — И что нужно быть внимательнее. Давайте сделаем то, зачем пришли — осмотрим каретные сараи.

Всего каретных сараев в усадьбе Демидовых оказалось пять. Если внимательно присмотреться к саду, то до сих пор была заметна мощеная дорога, упирающаяся в глухую стену доходного дома по Конному переулку. То есть, парадные ворота усадьбы, к которым гости подъезжали на каретах, были в том месте, где сейчас возвели многоэтажный дом. Кареты подъезжали к двойной изогнутой лестнице сквозь яблоневый сад, гости выходили на мраморные плиты и поднимались по ступеням. А кучер проезжал дальше.

Замки на сараях проржавели намертво. Но сами ворота все еще были крепкими. Толстенные дубовые доски, покрытые узорчатой резьбой и окованные металлом, выглядели практически монолитными. Не всякий таран выбьет. Анастасия повозилась немного с замком, потом дернула плечиком и сообщила, что проще замок вместе с петлями вырвать, открыть его не получится.

С первым мы возились довольно долго. Все-таки прежние хозяева усадьбы постарались на совесть, а безжалостно ломать двери не хотелось.

— Пустой, — разочарованно развела руками Анастасия, когда ворота с надсадным скрипом наконец-то открылись.

— А что ты надеялась здесь найти? — спросил я. — Демидовы же покинули эту усадьбу, значит и весь транспорт забрали с собой.

— Так странно, — девушка стояла на середине просторного пыльного помещения и оглядывала его голые стены. — Каретные сараи есть, а конюшни нет.

— Может конюшня была в том месте, которое сейчас застроили соседними домами? — я тоже протиснулся в неширокую щель между тяжелыми створками. В косых лучах солнца, проникших внутрь, впервые за полсотни лет, плясали пылинки.

— Дома проходят строго по границе усадьбы, — девушка задумчиво потерла лоб. — Ни пяди земли Демидовых не занято. А еще кажется ломать стену будет не такой уж простой задачей...

— Да уж, построили на века... — я постучал кулаком в кирпичную кладку. Надо же, даже не раскрошился за это время...

— Надо открыть остальные двери! — глаза девушки азартно заблестели и она выскочила наружу.

Второй каретный сарай оказался братом-близнецом первого. Чтобы подобраться к остальным воротам, понадобилось взяться за грабли и топор — разросшиеся кусты роз оплетали их колючим благоухающим пологом. Даже жаль было такую красоту разрушать. Но Анастасию уже охватил исследовательский запал. Она безжалостно орудовала вилами, срывая колючие плети, покрытые ароматными красными и белыми цветами.

Приз ждал нас в четвертом сарае. Створки ворот нехотя и со страшным скрипом разошлись, и сквозь щель мы увидели вовсе не пустую пыльную темноту. Солнечный луч блеснул и рассыпался на множество ярких искр.

— Вот она! — Анастасия радостно взвизгнула. — Я знала, что где-то она должна быть! Давайте откроем ворота полностью!

Еще полчаса возни с вилами и лопатой, чтобы отгрести от створок землю и убрать остатки колючих стеблей.

Это была не совсем карета. То есть, впрячь лошадей в нее было возможно, этот вариант движителя создателями тоже был предусмотрен. Но по задумке ездить она должна была сама.

— Самоходная карета? — Вилим коснулся выпуклого стекла одного из лобовых фонарей. — Ей же лет семьдесят уже должно быть? Или даже больше...

Машина была покрыта пылью, кое-где ее лаковая поверхность бортов потрескалась. Будка была и правда больше похожа на карету, чем на автомобиль — громоздкая, вся состоящая из изогнутых линий, украшенная металлическими цветами. Выпуклые фары-фонари, нависающие над полированной до идеальной гладкости ажурной решеткой, делали «морду» этой кареты сонно-высокомерной. Выполнено сие чудо техники прошлого было в черно-золотых тонах.

— Ужасно шумная, — сказала Анастасия, выбираясь из-под днища. Когда она вообще успела туда залезть?! — Как паровой трактор. Она даже на ходу, надо только почистить и смазать.

— Даже ворота за эти годы проржавели, а с этой телегой ничего не случилось?! — Вилим похлопал машину по запыленному гляцевому борту.

— Ага, — нос девушки был измазан пылью, зато лицо светилось абсолютным счастьем. — Это «Сильфида», самоходная карета Афанасия Демидова. Он ее для своей невесты собрал, а она прямо со свадьбы сбежала. И он ее бросил тогда и больше никогда не заводил. И другим не позволил.

— Она на паровом двигателе работает? — спросил Вилим, поворачивая вычурную ручку на дверце кареты. Та поддалась, хоть и с небольшим скрипом. Внутри были красные кожаные кресла.

— Ага, — снова ответила Анастасия. — Тут есть кое-что странное, пока не пойму, что именно...

— Выехать на таком на улицы Петербурга — это произвести настоящий фурор, — хмыкнул я. — У Императора автомобиль поскромнее будет.

— Это если нас вообще заметят, — Анастасия хихикнула. — Но на самом деле, если уж и выбирать машину, то... Нет, с ней и правда что-то не так!

— Сломана? — спросил я.

— Нет... — девушка нахмурила лоб. — Просто в ней есть какая-то... Не знаю. Может, магия? Или алхимия какая-то. Надо будет ее разобрать и посмотреть!

— Демидов не смог бы построить магический автомобиль, — сказал я. — Он же не был дворянином.

— Зато у него вроде как был сердечный дружок-приятель из Голицыных, — Анастасия скривила гримаску. — Мог и подсобить. Правда, потом невеста как раз с ним и сбежала...

— Кто-то из Голицыных женился на простолюдинке? — удивился я. При упоминании Голицына больно кольнуло сердце. Моя невеста тоже, получается, сбежала к Голицыну...

— Так она и не была простолюдинкой, — хмыкнула Анастасия. — Это была баронесса Маргарета Розен.

— Ах вот это какая история... — я усмехнулся. Эту семейную байку Иоанн мне даже рассказывал. Правда, не уточняя, что его прадед красавицу Маргарету отбил у кого-то из Демидовых. Демидовы в его истории вообще не фигурировали. Зато была дуэль с Долгоруким, посмевающим критиковать акцент девушки, было бегство и тайное венчание, потому что родня была против этой курляндской выскочки. И то, что она была невероятно красива, никак суровые родительские сердца не согревало.

Я вдруг понял, что у меня дрожат пальцы. Упоминание Голицына всколыхнуло целую бурю воспоминаний о тех днях, когда мы еще были лучшими друзьями. Я доверял ему как себе. Или даже больше, чем себе. Иоанн был хладнокровный и рассудительный, его советы всегда были точны и своевременны. Проклятье... В горле встал колючий ком, глаза предательски защипало.

— Сегодня как-то особенно жарко, — сказал я. — Давайте я быстро пробежусь до Сенного рынка, принесу нам чего-нибудь прохладительного...

Я выскочил из каретного сарая до того, как Вилим или Анастасия успели мне что-то ответить. По открытым воротам забираться стало еще проще, так что я почти взлетел на крышу и соскользнул по клену с другой стороны в считанные секунды.

Шел я стремительно, почти бежал. Не хватало еще разрыдаться от избытка чувств...

Сбавлять шаг и замечать окружающую реальность я начал уже когда почти вышел на Сенную площадь.

Я остановился и перевел дух. Почувствовал, что надо выпить чего-нибудь крепкого. Подавил это сиюминутное желание. Огляделся.

Торговый день был в самом разгаре. Палатки, лотки, прилавки, уличные зазывалы, торговцы вразнос, продавцы всякой снеди с тележками. И здесь же — возы сена и дров, лошади, телеги и фургоны.

Я свернул налево, лавируя по расставленным прямо на тротуаре столикам и бочкам, выполняющим роль столиков. Большинство едальных и питейных заведений уже работали, но не сказать, чтобы среди дня здесь было много посетителей. Торговцы, из тех, что поуспешнее, заскакивали перехватить кусок пирога и кружечку пива. Домработницы в строгих форменных платьях и фартуках иногда позволяли себе рюмочку ликера на сэкономленные на покупке зелени, мяса и овощей деньги. И прилично одетые юноши, род занятий которых можно было определить разве что по нервно косящему взгляду. Впрочем, возможно это были вовсе не мошенники, а сбежавшие с занятий студенты...

Я засмотрелся на девушку в клетчатом платье, которая лениво пощипывала струны гитары, и налетел на какого-то прохожего.

— Смотри, куда прешь, дохляк! — прохожий с силой толкнул меня в сторону, и я чуть не угодил под колеса тележки торговца сушеной рыбой. Но вот голос прохожего я узнал. Как и его самого. Это был князь Вяземский. Я спешно опустил лицо и пробурчал неразборчивые извинения. Но на меня он уже не смотрел, все его внимание было поглощено общением с женщиной, которая шла рядом с ним.

Дама была похожа на учительницу из школы благородных девиц. Несмотря на теплую погоду, она была одета в глухое длинное черное платье, волосы ее уложены в идеальную высокую прическу, которую венчала черная же шляпа с вуалеткой. Она была значительно старше князя, но на родственницу при этом не похожа.

Они прошли мимо меня как мимо пустого места, продолжая увлеченно общаться.

Сначала я подумал, что странно, что князь меня не узнал. Он же в ту ночь вроде что-то про меня понял и даже собирался захватить... Хотя, с другой стороны, тогда я выглядел как обычный оборванец из Вяземской Лавры, а сейчас — как ученик старшей школы среднего достатка. Кроме того, ему явно сейчас не до меня...

Я пристроился вслед за ними. Так, чтобы видеть их спины, но не совсем рядом, чтобы между мной и этой парочкой шли другие прохожие. Мне ужасно хотелось послушать, о чем они говорят, но дара сливаться с окружающей обстановкой, как у Анастасии, у меня не было, так что я решил не рисковать.

На Сенной площади князь и его спутница не задержались и пошли дальше по Садовой. Мимо Юсуповского сада, мимо Дома городских учреждений... Они шли довольно быстро, будто не просто прогуливались, а точно знали, куда направляются.

Они пересекли Вознесенский проспект, Большую Подьяческую и свернули в Никольские ряды. Здесь я постарался подобраться поближе, чтобы в толпе случайно их не потерять.

В будущем Никольский рынок станет местом приличным, респектабельным и даже модным. Но это благословенное время для этой торговой клоаки настанет не меньше, чем через лет тридцать. А пока это было еще одно скопище низкопробных обжорок, распивочных, закусочных и рюмочных. Все пространство между заведениями занимали как и из чего попало сколоченные прилавки, прикрытые собранными из одних заплат навесами. В каком-то смысле, это место мало чем отличалось от Сенной площади.

Князь и его дама уверенно прошли сквозь торговые ряды, как будто уже не впервые здесь бывали, и скрылись за потемневшей от времени и грязи деревянной дверью. Которая когда-то, кажется, украшала вход в более респектабельное место. Пока ее не сняли с петель и не принесли доживать свой век в заведение под названием «Царская удача».

Не особо задумываясь, что это за место, чем там кормят, поят и какие услуги оказывают, я проскользнул внутрь вслед за толстячком с одутловатым лицом любителя выпить.

На несколько секунд я замер на пороге, ожидая, когда мои глаза привыкнут к полумраку. Окна в этом заведении были, но изнутри они были прикрыты тяжелыми и совершенно непроницаемыми для солнечных лучей портьерами. Если, конечно, этим словом можно назвать простые черные полотнища, закрывающие стены от пола до потолка.

— Тебе чего, пацан? — сказал официант, который и сам недалеко ушел от моего возраста. Разве что у него уже пробились усы. Я быстро осмотрелся. Зал был поделен на две половины. Справа стояли обычные столики. Слева столики стояли в кабинках. Которую сидящие внутри люди могли прикрыть от посторонних глаз, задернув шторку. Некоторые так

и сделали — три из семи занятых кабинок были закрыты.

— Слушай, тут такое дело... — заговорщически сказал я таинственным шепотом. — Сюда зашла моя мать с каким-то хлыщом. Посади меня за какой-нибудь столик, чтобы я видел выход, а меня было не очень заметно, а?

— С чего бы мне тебе помогать? — официант презрительно прищурился.

— Так я же не просто так буду сидеть, — я подмигнул. — Закажу чего-нибудь, а потом чаевые оставлю.

— Деньги покажи, — неприветливо буркнул официант. Я достал из кармана бумажный рубль и помахал у него перед носом. А про себя подумал, что чаевых от меня он вряд ли дождется.

Столик он мне выбрал не самый удачный. Выход действительно было видно, но вот зал с кабинками просматривался не весь, часть загораживала ширма, часть здоровенный куст гибискуса. «Почему сюда вообще приходят? — подумал я, отпивая глоток невкусного жидкого морса. — Дорого, невкусно и официанты хамоватые».

В этот момент шторка на одной из кабинок открылась, и из нее вышел пузатый дядечка с козлиной сидящей бородой, а вместе с ним две юные барышни. Козлобородый вид имел сытый и самодовольный. Ну что ж, кажется, это и был ответ на мой вопрос.

Не то, чтобы мне была сильно интересна личная жизнь молодого князя Вяземского... Даже если он пришел сюда, чтобы уединиться для всяческих утех в дамочкой вдвое себя старше, то мне-то что с того?

— Я присяду тут, вы не против? — раздался над моим ухом неприятный слегка шепелявый голос.

— Вообще-то против, — сказал я и посмотрел на своего неожиданного собеседника. Он был невысоким, средних лет, с лицом, которое было бы неприметным, если бы не щегольские подкрученные усы. Которые из-за этого несоответствия казались приклеенными. На голове его была круглая соломенная шляпа, одет он был по погоде — в мятый летний костюм. И для этого места выглядел, пожалуй, чуть более прилично, чем требовалось. Такой посетитель больше бы подошел для Невского или набережной Мойки.

— Но я все равно присяду, — мужчина осклабился. — Потому что в этом заведении несовершеннолетние не имеют права находиться без сопровождения.

— Я совершеннолетний, — буркнул я и снова сделал глоток морса. Скривился от кислоты.

— Как знать... — незнакомец откинулся на спинку стула и вытянул ноги в запыленных лаковых ботинках. — А не желаете интересную историю? Один взрослый дяденька должен был следить за тем, чтобы у одного юного мальчика было все... ну, скажем так, неплохо. Однажды дяденька отвлекся на свои дела, а мальчик вдруг исчез. Растворился, как призрак. Первого дяденьку наказали и велели немедленно отыскать мальчика. Но ему не удалось. И тогда они захотели нанять другого дяденьку. Сыщика с дипломом, можно сказать. Который отказался, потому что не любит искать всяких пропавших мальчиков. И вот идет этот дяденька...

— Который сыщик или который мальчика потерял? — спросил я с самым серьезным видом.

— Сыщик, конечно, — незнакомец улыбнулся одними губами. Взгляд остался холодным и колючим. — И вдруг видит этого самого мальчика. Который почему-то из оборванца превратился вовполне приличного юношу и вроде даже прибавил в весе... Ба! Какая удача,

правда же? И что прикажете теперь делать этому сыщику?

— Так если он отказался от работы, то какое ему теперь дело до этого мальчика? — спросил я. Этот тип людей был мне знаком. Такие служат в Тайной Канцелярии и в розыском отделе Багровой Бригады. Цепкий взгляд и неприметное лицо, которое легко изменить до неузнаваемости каким-нибудь дурацкими усами.

— А что если метаморфозы этого мальчика вызвали любопытство у самого сыщика? — незнакомец снова улыбнулся, блеснув желтыми зубами заядлого курильщика. Нет, определенно эти усы наклеены, у его бровей совершенно другой оттенок...

— Кто вы такой? — быстро спросил я. Если присмотреться, его лицо даже кажется немного знакомым. Будто я уже встречался с ним. Или с кем-то из его родственников.

— О, вы хотите познакомиться? — он склонил голову набок, как любопытная ворона. — Бенкендорф моя фамилия, если вам это о чем-то скажет. Митрофан Генрихович Бенкендорф.

Глава 24. Кое-что о тайных переговорах

Бенкендорф! Я дернулся, как от удара хлыстом. Ну конечно, кто же это еще может быть... Генрихович? Что это еще, интересно, за отчество? Не припомню ни единого Генриха среди Бенкендорфов...

— Я вижу, вам знакома моя фамилия, юноша? — холодно прищурился Бенкендорф. — Быть может теперь вы назовете мне свою?

«Сука!» — подумал я. В эйфории последних дней я как-то успел подзабыть, что тело, в которое я вселился, имеет массу каких-то собственных проблем. «Вороньим граем» кого попало не награждают. Значит в памяти юного бастарда из Вяземской Лавры хранится что-то такое, что пожелали скрыть. А не убили, потому что кому-то этот пацан еще нужен в качестве... козыря? Пешки в дворянских интригах? Скорее всего. Во всяком случае, попытка юного Вяземского захватить меня той ночью эту версию подтверждает.

Вот только есть одна проблема — я не знаю то, что знал Демьян Найденев, младший помощник труповоза из трущоб. По косвенным, опять же, данным, парень был тот еще жук.

— Не можете, — крученые усы шевельнулись вслед за уголками губ. — Значит я не ошибся. Между прочим, если вы хотите знать мое мнение, юноша, этот наряд вам гораздо больше к лицу.

— Не особенно хочу знать, но вы все равно уже сказали, — проговорил я. — Кстати, не припомню среди Бенкендорфов ни одного Генриха... Дайте угадаю, вы бастрад одной из беспутных дочек Александра Христофоровича? Митрофан, интересное имя для лифляндского дворянчика... Ваш папенька конюх? Или лавочник? Или с кем там еще путались потерявшие стыд барышни...

— Если бы я был дворянином, то должен был бы уже требовать у вас сатисфакции, верно? — он улыбнулся, но улыбка вышла злой.

— Это только в том случае, если бы я тоже был дворянином, — парировал я. — А так вы можете просто съездить мне по морде и гордо уйти с ощущением отмищенного достоинства.

Вот теперь его губы расплылись в настоящей улыбке, а в глазах блеснул неподдельный интерес.

— Когда я видел вас в прошлый раз, юноша, вы произвели на меня совсем другое впечатление, — сказал Бенкендорф. — Кажется даже, что месяц назад вы были совсем

другим человеком. Мелочным крысенышем, продажным и совершенно недалёковидным.

— Может я просто хотел произвести именно такое впечатление, — пожал плечами я, продолжая неотрывно следить за двумя все еще закрытыми кабинками.

— Интересно, за кем именно вы следите? — уловив направление моего взгляда проговорил Бенкендорф. — За молодым Вяземским или за старым Долгоруким?

Кажется, мне удалось все-таки сохранить на лице невозмутимое выражение. Во всяком случае, старому мне бы это точно удалось, несмотря на то, что сердце подпрыгнуло и заколотилось так, что кажется слышно было даже на Дворцовой площади. Я медленно взял стакан с морсом, сделал глоток и бесстрашно посмотрел Бенкендорфу в глаза.

— Не понимаю, о чем вы говорите, — сказал я. — Кстати, по вашей истории. Про потерянного мальчика и не очень сговорчивого сыщика. Почему он сразу не бросился к тем серьезным дяденькам, которые хотели его нанять? Или к другим серьезным дяденькам, которые, я уверен, тоже существуют и не очень любят первых дяденек? Ведь и в том, и в другом случае он бы получил достойную награду и плюс к репутации сыщика...

— Вот и меня этот вопрос тоже интересует, юноша, — Бенкендорф вздохнул. — Что такого особенного заметил сыщик в мальчике, что не стал торопиться продавать кому-то информацию о нем?

Я посмотрел на Бенкендорфа. Интересно, он работает на императорскую канцелярию, как и его дед? Или на германскую разведку, как его родственник в будущем? Впрочем, тот Бенкендорф был дворянином. А этот утверждает, что нет. Или он вообще сам по себе? Частный сыщик, решивший примазаться к славе Александра Христофоровича Бенкендорфа, почти всесильного главы Третьего отдела и просто присвоивший его фамилию, только без приставки «фон»?

Да нет, черты лица, если присмотреться, все-таки узнаваемые...

— Может быть, сыщику просто тоже хочется поиграть в игру больших дяденек и вернуть к своей фамилии три заветных буквы? — медленно проговорил я.

Несколько минут мы молча смотрели друг другу в глаза. В какой-то момент этих «гляденок» я подумал, что зря повел разговор именно в таком ключе. Теперь этот въедливый тип будет идти за мной по пятам, и если он действительно профессиональный сыщик, то прятаться от него будет довольно сложно. Кроме того, само наличие идущего по следу человека изрядно осложнит жизнь.

Потом я подумал, что может быть, я не так уж и ошибся. Крысеныша, которым был до моего появления Демьян Найденов, этот Бенкендорф, не задумываясь, сдал бы... кому? Кто придержал белокурого бастарда и для каких целей? Понятно, что к этому приложили руку Голицыны. «Вороний грай» — это из их родового арсенала. Но они могли просто оказать дружескую услугу, не больше...

Я вздохнул, не отводя глаз. Мне не очень хотелось оказаться втянутым в местные дворянские интриги. У меня была своя цель, и я намерен был ее добиваться, чего бы мне это ни стоило...

— Вот моя карточка, юноша... — не отрывая взгляда Бенкендорф достал из кармана и двинул ко мне по не очень чистой поверхности стола кусочек черного картона с тиснеными золотыми буквами. — Думаю, история про мальчика и больших дяденек нуждается в более тщательном расследовании. Кто знает, что там на самом деле будет в конце...

Бенкендорф отвел взгляд и встал. Отвел явно не потому что почувствовал себя проигравшим, а по какой-то иной причине. Возможно, ему было просто некогда. Он

приподнял свою дурацкую шляпу, уголки губ дернулись вверх вместе с подкрученными усами. Кажется, один стал чуть ниже другого...

— Надеюсь, вы проявите благоразумие и дальновидность, — сказал Бенкендорф. — И заглянете ко мне в контору, скажем... на днях. Ответ «нет» дать очень просто — не приходить. Если за ближайшую, скажем, неделю, вы не появитесь, я подумаю, к каким дяденькам мне лучше обратиться.

Он стремительно вышел из заведения, оставив меня за столиком одного. Я взял со стола оставленную карточку.

«Митрофан Генрихович Бенкендорф

Частный сыск, деликатные поручения, профессионально, конфиденциально, с сохранением тайны».

Контора на набережной Екатерининского канала. Карточка отличного качества, явно из дорогой типографии. Я покрутил ее в руках, зачем-то понюхал и сунул в карман.

В голове царил некоторый сумбур. Кто бы такой ни был этот Бенкендорф, он мог наделать мне немалых проблем. Значит имело смысл принять все же его приглашение. До того, как он решит, что выгоднее продать меня кому-то еще.

Может быть, есть какой-то способ добраться до моей памяти? В смысле — памяти этого тела. Уверен, если бы я знал все, в чем был замешан Демьян Найденев до моего появления, я не пребывал бы сейчас в такой растерянности. Я готовился попасть совершенно в другое тело.

Штора на одной из кабинок зашевелилась. Из-за нее появился князь Вяземский. Один. Вид он имел слегка растрепанный, но не сказать, чтобы довольный, как у предыдущего толстяка.

Князь, не оглядываясь, торопливо прошел к выходу, хлопнула дверь. Я мысленно заметался. Бежать следом за ним? И что мне это даст прямо сейчас? Тем более, что загадочная незнакомка в черном продолжала оставаться в кабинке. Одна или нет — я не знал. Не видел момента, когда они вошли и уединились.

Я еще раз посмотрел на дверь, за которой скрылся князь. И решительно устроился поудобнее. Даже не знаю, что именно мне было более интересно — узнать, кто такая эта дама или посмотреть в живую на легендарного Юрия Долгорукого, генерала, сломившего хребет туркам и захватившего Константинополь. По рассказам моего друга Севера, он был великанского роста, хотя сам он деда не видел, потому что его убили ассасины. Примерно в то время, когда отец моего друга, Ярослав Долгорукий, учился в университете. То есть, очень скоро, максимум в течение года.

Почти сразу, как только Вяземский вышел, занавеска на последней закрытой кабинке отдернулась.

Я схватил стакан и сделал вид, что пью. Чтобы прикрыть чересчур заинтересованное лицо.

Даа, Юрий и правда был великаном... Наверное, с Петра Великого или даже выше. Он как будто занял собой все пространство заведения. Вообще было непонятно, как он поместился в крохотной кабинке...

Он был не просто высокий, он действительно был настоящим великаном. Широкие плечи и кулаки размером с мою голову. Ему сейчас уже было, наверное, лет шестьдесят пять... Но ни о какой старческой немощи тут речи еще не шло. В волнистых волосах до плеч уже мерцали серебряные нити, но у того же Вилима их было куда больше. Хотя он

значительно моложе.

— Ида, ну что ты там копаешься? — громогласно воскликнул он и отдернул в сторону занавеску с той кабинки, откуда недавно выскочил князь. Я фыркнул. Кислый морс чуть не выплеснулся брызгами на стол. Вместо строгой училки из школы благородных девиц из кабинки навстречу Долгорукому выпорхнула легкомысленного вида дамочка в красном платье с золотой отделкой. Прическа ее больше не была похожа на крепостной вал. Русые волосы рассыпались по обнаженным плечам, сколотые одним только красным цветком. Я даже усомнился, а та ли это женщина, с которой пришел сюда Вязмский. Но это была она!

— Я толшна пыла испавиться от этого ушасного платья! — с жутким акцентом затараторила дамочка. — А фы толшны мне пятьдесят руплей за то, што я его долшна была натевайт.

— Какие еще пятьдесят рублей, Ида?! — князь Долгорукий развязно хлопнул дамочку по заднице. — Твои услуги бесценны! Я слышал все от первого до последнего слова. Ты уверена, что он нас не обманывает?

— Уфрена ли я? — дамочка сделала картинно-обиженное лицо. — Поферьте моему опыту, княсь, он софершенно не умеет фрать!

— Значит он на самом деле видел этого мальчишку, — Долгорукий сел на край стола и покачал ногой. — И упустил его...

— Княсь, фам стоит толко пошелать, и я найту для фас этого репенка, — дамочка развязно приобняла Долгорукого за плечи и принялась что-то шептать ему на ухо. Тот одобрительно кивал, иногда улыбался и громадной своей рукой поглаживал ее по бедру.

— Нет, милая, мне этот малец без надобности, — князь покачал своей здоровенной головой из стороны в сторону. Возможно, он казался таким громадным из-за женщины рядом с ним. Впрочем, она вовсе не была миниатюрной, я же шел ха ними по улице, они с Вяземским были практически одного роста. — Просто мне не нравится, что затевается, и я хотел бы это пресечь.

— Но фы же помните, што я фсекта к фашим услукам, та? — дамочка потерлась щекой об щеку князя.

— Конечно, милая, — он снова похлопал ее по заднице, а другой рукой полез в карман. — Вот, держи, купи себе каких-нибудь сладостей или на что там хватит...

Долгорукий сунул несколько крупных купюр в декольте дамочки, не забыв при этом ее полапать. Впрочем, она была совершенно не против такого обращения. Она только рассмеялась и подалась вперед.

Она вела себя как проститутка. Но почему я уверен, что это не так?

— Все, ступай, милая! — Долгорукий скользнул губами по шее дамочки и подтолкнул ее к выходу. — Сегодня ночью приду, не скучай!

Дамочка, виляя бедрами, задрапированными красным шелком и золотистым кружевом, направилась к двери. Только взявшись за ручку, она вдруг вздрогнула, будто почувствовав мой взгляд, быстро обернулась. Наши глаза встретились на какую-то долю секунды, потом я быстро отвернулся и сделал вид, что пью.

Но задерживаться она не стала. Вильнув напоследок бедром, она выскользнула за дверь.

Князь Долгорукий поманил официанта. Тот, без всяких дополнительных понуканий, появился сразу с подносом, на котором стояла большая стеклянная кружка с прозрачным напитком. Князь осушил ее практически одним глотком, похлопал официанта по хилому плечу, отчего тот даже пригнулся. Бросил на поднос пару бумажек, нахлобучил на голову

шляпу и тоже направился к двери.

Практически зачарованный его мощью я направился следом. Он не оглядывался. Не пытался определить, не следит ли за ним кто. Он шел сквозь Никольские ряды как ледакол. Потерять его в толпе было невозможно — он возвышался над всеми на целую голову.

Правда, долгой слежки не получилось. На Садовой Долгорукого ждала карета с его гербом на дверце. То есть, он действительно не скрывался. Он настолько не скрывался, что приехал сюда со своим кучером и двумя камер-лакеями. Которые по сравнению с кем угодно другим казались бы здоровенными громилами. На их лицах и фигурах было крупными буквами написано армейское прошлое и боевой опыт. Бархатные ливреи может и могли кого-то обмануть, но...

В любом случае, телохранители по сравнению с «телом», которое они охраняли, смотрелись субтильными и чахленькими.

Великан Долгорукий забрался в карету, кучер цокнул холеным лошадям, взмахнул хлыстом, и карета укатила.

Я постоял посреди Садовой, глядя ей вслед. Что это, интересно, я только что видел?

Князь Вяземский встретился с этой странноватой Идой, переодетой в строгую бонну. И что-то ей рассказал. Про мальчишку, которого он видел, но упустил.

Интересно, уж не обо мне ли речь?

С одной стороны, вряд ли Вяземский охотился еще на какого-то мальчишку. А с другой — довольно хлопотно бывает считать, что все в этом мире вращается вокруг моей скромной персоны. Так можно и впрямь в желтый дом загреметь.

Может быть, Вяземский нашел какого-нибудь сбежавшего наследника дворянского рода, но упустил его. И поспешил доложить об этом бонне... кого, кстати?

И тут я понял, что ни одного имени, кроме короткого «Ида», в разговоре Долгорукого и той дамочки не прозвучало. То есть, я даже не знаю, чьей бонной прикидывалась вульгарная Ида, чей род занятий я так и не смог определить. Напрашивающийся вариант был явно неправильным.

Я шел по Садовой в сторону Сенной площади и думал то про сцену, которой только что стал свидетелем, то про Бенкендорфа. По его поводу я испытывал довольно противоречивые чувства. Это был все-таки не тот Бенкендорф, с которым я был знаком, и который сыграл в моей судьбе довольно драматичную роль. Этот Бенкендорф даже дворянином не был. Просто какой-то выкидыш рода, возможно, пытаюсь его задеть, я оказался абсолютно прав. Просто он умеет держать лицо, вот его и не перекосило от слов, которые я ему сказал.

А еще ему известна та информация, которая нужна мне. Кто именно «припрятал» меня в Вяземской лавре? Для чего меня припрятали? В общем-то, ответа на эти два вопроса будет достаточно, чтобы увернуться от этой интриги. Я не собирался тратить на это время, но как раз для этого мне и нужно будет узнать, кто кукловоды?

Черно-белая сорока выпорхнула у меня из-под ног, взлетела на фонарный столб и обиженно застрекотала.

Сорока...

Сорока!

После того, как Сонька-Арфистка вытолкнула меня за дверь, я и думать забыл об одной важной вещи.

Моя мать. Мамячка упоминала мою мать, чтобы меня подловить, но потом разговор наш к этому не возвращался. Вот еще один человек, который может помочь мне как-то

пролить свет на то, в какие делишки втянут этот тощий крысеныш, который, похоже, очень хорошо умеет заводить себе «друзей».

Может быть, зайти прямо сейчас и спросить?

Время начинало клониться к вечеру, торговые ряды на Сенной площади редели, зато густела толпа, осаждающая входы в питейные, рюмочные и распивочные. Город готовился сменить деловитый дневной лик на разгульный ночной.

«Вообще-то я ушел из усадьбы, пообещав принести каких-нибудь напитков!» — вдруг вспомнил я. А сам пропал на несколько часов неизвестно где. И чуть было не собрался зайти еще в одно место, способное меня задержать!

Я остановил тележку уже собиравшегося уходить торговца квасом, забрал у него последние три бутылки напитка и поспешил в сторону Конного переулка.

Глава 25. Кое-что об очень непростых решениях

«Люди — удивительно нелюбопытные создания», — подумал я, остановившись на мостике через Екатерининский канал и делая вид, что задумчиво любуюсь перспективой. Я не собирался задерживаться, но мое внимание привлек тот самый дом на углу Конного переулка. Ветхий, всего в два этажа, с башенкой на углу. Такое впечатление, что его скоро собираются снести, чтобы возвести на этом месте что-то более пристойное.

Два человека, одетых в форменные или похожие на форменные жилеты, деловито отдирали доски от боковой двери. Рабочие вид имели невзрачный и угрюмый, как и все другие-прочие их коллеги. Да и эта самая боковая дверь...

Я открыл бутылку кваса. Пена с шипением рванулась из горлышка и полилась в канал. Пить мне особенно не хотелось, жест был скорее для маскировки. Мол, что-то долго стою на мосту просто так.

Впрочем, можно было этого и не делать. Никто не спешил обращать на меня внимания, хоть с открытой бутылкой, хоть без. Кроме старухи в платье с глухим воротом до самого подбородка. Она зыркнула на меня неодобрительно, прошипела что-то сквозь зубы и прошла мимо, стуча клюкой. Стук тоже звучал осуждающе.

Бутылка перестала фонтанировать пеной, и я сделал плоток. Зажмурился от ударившего в нос резко-кислого вкуса. Пузырьки зацекотали небо.

Я облокотился на перила мостика и сделал вид, что разглядываю лепнину, украшающую фасад одного из домов.

Тем временем рабочие освободили дверь от досок, и один из них присел рядом с ней и принялся копать в замке. Дверь была неприметная, мимо таких обычно проходишь, не обращая внимания. Что там может быть интересного? Дворник хранит метлы? Боковой вход в подвал, чтобы когда слуги продукты с рынка привозят, не топтались в парадной прихожей?

Дверь со скрежетом открылась. С края дверного проема посыпалась сухая штукатурка. Оба рабочих немедленно скрылись внутри. Дверь закрылась.

А на порог немедленно уселись невесть откуда взявшиеся двое бродяг-оборванцев. Постелили между собой газету, сноровисто расставили бутылку, стаканы и разложили краюхи хлеба и вяленую рыбу.

Еще одни «невидимки», за которых взгляды прохожих не цепляются даже на Невском, у Адмиралтейства или на Дворцовой площади. Я задумался, кого еще мы не замечаем. Фонарщиков. Извозчиков. Трубочистов... Как сложно, оказывается, описать маленького человека, привычную деталь пейзажа в большом городе.

Я всмотрелся в лица бродяг. Голова одного была замотана мешковиной, правый глаз скрывался под тряпкой, лицо вымазано грязью. Второй до самых глаз закутан в какую-то хламиду, на голове — мятая шляпа.

— Опышное тело — студент с пухляком на мосту, фэрно? — раздался прямо над ухом женский голос с сильным акцентом. — Я тебя заметила еще в Никольских рядах, мальшик.

— Ида? — я инстинктивно отшатнулся, но быстро взял себя в руки.

— Потслушифать нехорошо, — строго сказала она, но широко улыбнулась. Она была одета в то самое красное платье, в котором я ее видел полчаса назад. Как я мог не заметить, что она за мной следит? Ее наряд яркий, как новогодняя елка!

— Мое топрое сертце кокта-нипуать тофетет меня до мокилы, — она подчеркнуто-тревожно покачала головой. — Ты ф польшой опасности мальшик. Княсю нет то тебя тела, а мне — есть.

— Почему? — спросил я. В этой женщине было что-то странное. Сейчас она выглядела, как утомленная жизнью актриса дешевого театра, а вовсе не как уличная проститутка. Но что-то такое было в ее лице... Что-то...

— Потому што я снаю тфою мать, — она облокотилась на перила моста рядом со мной. Я смотрел на ее отражение в зеленоватой воде Екатерининского канала. И в этом отражении она выглядела моложе. И ее глаза... Между веками не было зрачка и цветной радужки. Они целиком были залиты тускло поблескивающим золотом.

— А я знаю кто ты, — сказал я и поднял глаза с ее отражения на саму стоящую рядом женщину. — Ты босорка. Что ты делаешь в Петербурге?

— А ты не тот, са кого сепя вытаешь, мальшик, — она как-то грустно улыбнулась и выпрямилась. Я понял, что она специально показала мне свое отражение. — Тот мальшик был нефешта, он не мок уснать меня по класам.

— Ты специально мне показалась? — пальцы мои сжались на перилах, костяшки побелели. В общем-то, босорки мало чем отличаются от людей. И не особенно враждебны, в отличие и тех же стриг или двоедушников. Их магия не очень могущественна, но если такую разозлить, то она может насыпать чары, подобные родовым дворянским. От которых практически нет защиты, и противодействовать им нельзя. А еще босорки часто становятся любовницами и рожают детей от мужчин. Девочек они забирают себе, а мальчиков бросают на отца. Потому что девочка, рожденная от такого союза становится босоркой, а мальшик остается обычным человеком.

— Это что-то меняет? — спросил я слегка дрогнувшим голосом.

— Нет, — она покачала головой. — У фсех сфои тайны, мальшик. Но так таше лучше. Ты мошешь мне помочь. Мне и сфоей матери.

— И ты даже не спросишь, кто я такой? — я пристально посмотрел ей в глаза. Глаза были человеческие. Серо-зеленые, не особенно-то и яркие. Без таинственных проблеском золота или чего-то подобного.

— Кто пы ты ни пыл, мальшик, но ты чуфстфуешь, што толшен отдать толк той, кто потелилась с топой своей плотью, — не отводя взгляда, сказала она.

Понимать ее речь было и трудно, и нет. По-русски она говорила бегло, но определить ее акцент было невозможно. Когда она говорила слишком быстро, то понимать становилось труднее.

— Они саперли тфою мать в шелтом доме на канале, где тва моста с пашенками, — лицо ее исказилось болезненной гримаской. — Моя сестра нишего не помнит теперь. Она не

помнит, кто она такая, не уснает меня... Ты — плоть от плоти моей сестры. Ты толшен ей помощь.

Босорки называли сестрами всех других босорок. Так что моя мать могла быть ей матерью или дочерью, а могла вообще не приходиться никакой родственницей.

— Кто ее туда запер? — спросил я.

— Три князя, — Ида выставила перед собой ладонь, показав три пальца. — Перфый пелокурый и кутряфый, отетый ф пархат и крушефо, как шеншина. И тухи у неко пахли лантышем, — она загнула один палец. — Фторой фысокий и черен гласами. Колос как у сопаки. Третий косит на отин клас, лшец и носит пелое.

Описание первого один в один было похоже на моего дядю! Того самого, в которого я думал, что вселюсь. Я удивился настолько, что открыл рот, собираясь назвать его имя. Но из моего рта раздалось громкое воронье карканье.

— Тепе нушна фрона, — сказала она, кажется, нисколько не удивившись. — Ты кофоришь на фроньем ясыке, а она путет коворить на тфоме.

— Расскажи мне о моей матери, — сказал я. — Как так получилось, что она оказалась здесь?

Она снова облокотилась на перила мостика и посмотрела в воду. Глаза отражения блеснули золотом. Я слушал историю, стараясь не переспрашивать, хотя иногда ее слова были не очень понятны. Насколько я знал, моя бабушка умерла через несколько лет после рождения отца. Об этом не очень любили разговаривать в семье, ограничивались кратким «зачахла и сгорела». И после этого дед ушел воевать с турками в Трансильванию. И вот оттуда-то он и привез свой «трофей», который скрыл от семьи. Босорка последовала за своим возлюбленным в Петербург, согласилась жить в небольшом уютном флигеле на Фонтанке, который для нее купил мой дед. И вскоре родила меня. В смысле, не меня, конечно, а этого парня, в паспорте которого написано «Демьян Найденов». Она собиралась оставить ребенка его отцу и вернуться домой. Но ее любовь была сильной, и она все откладывала этот момент. Пока тайну князя не знал кто-то еще. Его старший сын. Тупица, прожигатель жизни и очень неприятный тип. «Мерский молокосос», как его метко назвала Ида. Он с друзьями похитили девушку, ребенка подбросили в приют, а саму ее долго держали в плену, пичкали какой-то гадкой отравой и издевались с фантазией и размахом. Мой дядя никакой интриги по началу не замышлял. Ему просто хотелось досадить своему отцу, который не воспринимал его всерьез и обещал лишить наследства. Как и вышло в результате, впрочем. Жестокие юнцы наигрались и выбросили сломленную босорку на улицу, откуда она довольно быстро попала в желтый дом.

Поигрались и забыли.

Только вот рот на замке держать юные княжичи не умели, и нашлись другие заинтересованные лица, умеющие держать уши открытыми. Босорка в желтом доме тем временем начала приходить в себя, а брошенный на произвол судьбы мальчик подрос. Что точно произошло со мной, в смысле Демьяном Найденовым, Ида не знала. Зато знала, что к ее сестре однажды пришел посетитель. Богато одетый, с изящными манерами, не пропустить такого персонал лечебницы для душевнобольных, конечно же, не смог.

И вот этот самый человек, в отличие от тех юнцов, оказался гораздо более образованным, чтобы понять, что несчастная девушка — вовсе не человек. Чтобы она не оправилась полностью и не сбежала, он применил какую-то магию, и сознание ее спуталось.

Она замолчала и испытующе посмотрела на меня. Да уж, это очень неприятная история.

Если бы связь с босоркой, да еще и бастард от нелюди стали достоянием общественности, то мой дед мог бы лишиться всех наград, званий, а то и дворянства. Но ничего этого не произошло. Мой дед через несколько лет погибнет застреленным на тайной дуэли, его завещание обнародуют, и наследником официально станет мой отец, а его старшему брату оставят поместье где-то в Тамбовской губернии и крохотный пенсион. И еще через несколько лет он погибнет на Кавказе, по пьяной лавочке завербовался в армию.

— Ты помошешь сфоей матери? — потормошила меня Ида. А я замер в задумчивости и не знал, что ей ответить.

Ее история не проливала свет на отношение моего «тела» к своей матери. Сонька сказала, что настоящий я взвился бы от ярости при ее упоминании. Но почему? Что он был такое, до того, как я поселился в его голове?

«Крысеньш», «невежда», «маленький ублюдок»... Он крутил какие-то свои делишки, продаваясь в какие-то мерзкие махинации. Подсыпал отраву Пугалу, чтобы через его контору мошенники и контрабандисты могли обстряпывать свои сделки. При упоминании тех, на кого он работал, даже не самые приличные лица перекосило от отвращения... Почему он ненавидел свою мать? Ведь раз ненавидел, значит знал о нет?

— Почему я ее ненавидел? — я поднял взгляд на Иду так резко, что даже успел заметить золотой отблеск в ее глазах.

— Тшеслафие, мальшик, — Ида потрепала меня по щеке. — Она скасала тепе, што ты сын княса. Но тепе притетса хранить эту тайну, штопы зашшитить его топрое имя.

— А потом меня, видимо, поймали и заткнули мне рот, — губы мои скривились во что-то среднее между усмешкой и презрительной гримасой.

— Ты помошешь сфоей матери, мальшик? — снова спросила Ида.

Помогу ли я?

Что произойдет, если я выпущу босорку из желтого дома, и она вернет себе здравый рассудок? Не решит ли она начать мстить по очереди всем своим обидчикам, начиная с моего деда? Ведь, если задуматься, все ее несчастья произошли именно из-за него. Или Ида сумеет взять ее за руку и вернуть обратно в Карпаты, откуда они обе и появились?

Мне безусловно было жалко бедную девушку. Освободить ее было бы благородным и верным поступком. Ида совершенно права насчет того, что это мой долг. Я плоть от ее плоти, и все такое.

Но вдруг это... прореха? Прореха в истории моего рода. И необдуманно ткнув в нее, я изменю его историю, а то и вовсе уничтожу?

Я закрыл глаза, и почти как наяву увидел малый тронный зал и грозный лик Императора. И почти услышал звучный голос князя Голицына, который зачитывает безжалостный приговор. Вот Император поднимает перст, и с придворного мундира пропадают сначала все ордена и награды, потом эполеты и аксельбанты, потом золотое шитье... Пеплом рассыпаются кольца и перстни, обращается в труху золотая цепь... А потом и сам парадный мундир становится жалким рубищем. И вместо грозного и гордого князя, одного из первых, чье имя золотыми буквами вписано на страницы Бархатной Книги, перед блистательными придворными на коленях стоит жалкий изгой, ничтожество, лишенное всех званий, титулов, наград, должностей, права передавать по наследству родовую фамилию и родовую магию.

Сплетутся в замысловатом жесте пальцы князя Голицына, сверкнут алым и синим его глаза, и в горле у бывшего князя навсегда поселится колючий клубок, который никогда не

пропустит ни единого слова из тех, что не должны быть сказаны.

Я тряхнул головой, отгоняя кошмарные видения из собственного прошлого. Я видел все это своими глазами, но сейчас представил на месте себя своего деда. Возможно, вместо Голицына будет Долгорукий. Может быть, никто не станет зажимать ему уста вороньим граем и выжигать весь его род до последнего человека. Может быть, узнав о босорке, Император решит не предавать это дело огласке, строго пожурит своего верного сподвижника и генерала, а остальным посвященным высочайше прикажет забыть все, что они тут слышали. И если кто-то проболтается, то ему придется сожрать собственный язык, перед этим самостоятельно приготовив его на дворцовой кухне. В сливках и со специями.

Может быть.

«Орловы, — хладнокровно напомнила мне память. — Вспомни, что случилось с родом Орловых».

Любвеобильные братья вовсе не породили потомство от русалки или богинки, не знаю точно, с кем они там путались. Но когда это дошло до Императрицы Екатерины, которая с самого начала к этому семейству была весьма расположена, то она без всяких сомнений и сожалений повелела вычеркнуть род Орловых из всех гербовников, кодексов и дворянских книг. «Дабы честь дворянская и правила строгие не мешали сим господам нелюдь и нежить семенем своим орошать».

Может быть, там дело было в отношениях Императрицы и братьев Орловых, и род их пал жертвой чисто женской мести.

Но по букве закона Императрица поступила довольно мягко. Она сделала Орловых простолюдинами и отняла магию. И все. Никто из них не отправился на каторгу, никого не приговорили к усекновению разных частей тела. И даже клеймо на лбу ни у кого не выжгли, хотя даже по закону она имела на это полное право. Не говоря уже о монаршей воле, которая позволяла трактовать этот закон сколь угодно вольно.

— Что за князь пытается купить информацию обо мне? — спросил я. Просто вспомнил беседу Иды и Долгорукого и сделал выводы. Вяземский рассказал Иде под видом чьей-то бонны или confidentки, что видел какого-то мальчика, но упустил. Это значит, что кто-то из князей тайно объявил награду за меня. Но в дело вмешался старший Долгорукий и нанял Иду, чтобы выяснить подробности. А Ида или не знала, или не сказала, или...

— Я не снаю, — брови Иды приподнялись, будто ее очень удивил мой вопрос. — Ты же знаешь, што я босорка, зашем ты спрашифаешь меня об именах?

— А что не так с именами? — я недоуменно нахмурился.

— Я и сестры не польсуемся именами и не мошем насывать тругих, — Ида улыбнулась. — Кокта называем, то теряем сфою силу.

— А как же Ида? — спросил я.

— Это не имя, — отрезала босорка, но больше ничего объяснять не стала.

И тут я, как назло, вспомнил еще одну историю. С вовсе даже английским дворянином, который, оказавшись в Петербурге, спутался с русалкой. Для простолудина — дело совершенно обычное и неподсудное, ну разве что соседи будут судачить за спиной, да жена сковородкой по башке отоварит. Русалки только женатым отдаются, холостых разве что дразнить могут, игриво нежные части тела демонстрируя. Некоторые юнцы хвастались, что с русалкой, мол, валялись по всякому. Но любой образованный человек понимает, что именно это значит. Не даются русалки в руки неженатым. Только смотреть можно, потрогать не получится.

А вот между простолюдинами и дворянами они разницы не делают. И некоторые дворяне даже в своих загородных поместьях, я уверен, этот запретный плод нет-нет да вкушают. Вот только держат потом язык за зубами. А тот британка не удержал. Рассказал все в красках и с подробностями. И потом с благородным британским акцентом удивлялся, когда громилы из Багровой Бригады ему невежливо отбили почки и швырнули в подвал Трубецкого бастиона. А на следующий день его англосаксонская голова отделилась от плеч одним ударом палаческого топора. И даже английский посол не стал этого дурака защищать...

— Мальшик? — Ида потрясла меня за плечо. — Так ты помоешь сфоей матери?

Глава 26. Кое-что о делах, идущих по плану и не очень

«...ты проиграешь, если поддашься сиюминутной жалости...» — эхом пронеслось в моей голове. Я почти увидел безгубую ухмылку Бабы Морочи. Инересно, как это может выглядеть для меня, если история свернет со своего пути? Просто настанет черное небытие? Или я останусь болтаться бесплотной тенью между жизнью и смертью, глядя как мир существует без меня? Или случится что-то другое, более страшное, что мне пока даже в голову прийти не может?

Я поднял глаза на Иду. Она смотрела на меня распахнутыми, полными надежды глазами. Если я пообещаю помочь, и обману, то стану ее врагом. А если откажусь?

— Боюсь, что ты слишком хорошо обо мне думаешь, Ида, — медленно проговорил я.

— Ты такой же как и тот крысеныш! — в глазах босорки свернуло золото.

— Нет-нет, подожди! — я ухватил ее за рукав, смяв в ладони золотистое кружево. — С некоторых пор я избегаю клятв, которые не могу выполнить. Посмотри на меня! Разве я похож на человека, способного в одиночку вызволить кого бы то ни было из желтого дома? Там охрана, решетки на окнах, и кого попало туда не пускают. Если я сейчас упаду перед тобой на колени и поклянусь, что сделаю все, чтобы вызволить оттуда свою мать, то это будет выглядеть ребячеством, не больше.

— Трукой на тфоем месте шиснь пы полошил, а не рассуштал, как путто кофорит о незнакомом шелофеке! — Ида отшатнулась от меня.

— Другой на моем месте уже был, — хмыкнул я. — Я не понимаю, чего именно ты хочешь. Освободить сестру, или чтобы я поклялся, что освобожу ее...

Я замолчал, увидев, как лицо босорки перекошилось от ярости. Я что, случайно оказался прав? Ей нужно не чтобы я освободил мать из лечебницы для душевнобольных, а чтобы дал ей клятву, исполнить которую буду не в состоянии?

— Ида, скажи, а моя мать на самом деле в желтом доме, — я заглянул в ее глаза. — Или ты просто душещипательную историю придумала, чтобы меня на крючок поймать?

— Турак! — возмущенно воскликнула Ида. Это прозвучало фальшиво, или мне показалось? — Сашем мне тепя лофить на крюшок?!

— Милая, напомни мне, босорки же не могут жить вдали от людей? — я шагнул к ней ближе. — Так моя мать правда там, где ты говоришь? И она босорка, как и ты? Или это вранье от первого до последнего слова?

— Ты еще хуше, шем тот, трукой! — Ида с силой оттолкнула меня, развернулась и бросилась бежать. Я потер ушибленные об перила мостика ребра и проводил ее красно-золотую фигуру задумчивым взглядом. Кажется, я только что увернулся от одной беды, но навлек себе на голову неизвестные неприятности...

Босорка скрылась за поворотом.

Я сделал еще глоток кваса, открытую бутылку которого все еще продолжал держать в руках. Я что-то тут делал, пока она не появилась... Ах да, этот самый дом!

На пороге освобожденной от досок двери остался только один бродяга. Он подстелил под себя кусок рваной тряпки, и спал, громогласно храпя на всю улицу. Сверху он накрылся еще одним куском грязной рванина. Которая воняла даже на вид. Второй куда-то делся. А на берегу канала образовалось два неприметных рыбачка. Невысоких и крепеньких, на вид типичных домашних дядечек средних лет. Когда они успели тут появиться?

Один из рыбаков склонился к другому и что-то прошептал. Потом оба посмотрели на меня. Похоже, пора была покидать свой наблюдательный пост сомнительного качества. Я заткнул бутылку пробкой и пошагал дальше по Конному переулку. Неторопливо, хотя мне уже хотелось ускориться.

Впрочем, беспокоился я совершенно зря. Вилим и Анастасия, кажется, даже не заметили моего отсутствия. Их громкие голоса я услышал, как только забрался на крышу сарая. Они азартно спорили, с применением множества терминов, совершенно мне незнакомых. Кажется, речь шла о том, как сделать эту самоходную карету из чадающего котлом тихохода удобным средством передвижения. С применением алхимии и талантов Анастасии.

Я сел на край крыши сарая. Мои друзья уже выкатили самоходную карету наружу, для этого им пришлось выкосить еще некоторое количество розовых кустов и молодой яблоневого поросли. Декоративные панели с бортом машины были откручены и аккуратно стояли в стороне. От Анастасии было видно только ноги, головой с корпусом она забралась под переднюю часть самоходной кареты. Что-то делала, не переставая вести разговор с Вилимом, который перечислял возможные варианты алхимического топлива.

— Я принес кваса, — сказал я, выждав, когда в их споре появилась наконец-то пауза.

Анастасия высунулась из-под носа кареты, которая без своих богато декорированных панелей смотрелась не так уж и эффектно. Вилим тоже уставился на меня с некоторым недоумением.

— Тебя как-то долго не было, да? — Анастасия поднялась на ноги и отряхнула со своего комбинезона налипшие розовые лепестки и веточки. — Представляешь, если этот котел немного доработать и вместо угля использовать алхимическое топливо, то эту карету вполне можно разогнать до приличной скорости, не опасаясь, что она рванет прямо посреди Невского проспекта!

— А я последил за тем домом на Екатерининском канале, — я протянул Анастасии бутылку кваса. — Я насчитал шестерых человек, которые суетились вокруг и явно к чему-то готовились.

— Я могу подобраться поближе и посмотреть, что там происходит, — девушка дернула плечом и сделала глоток кваса. Зажмурилась. — Но ведь если там столько народу, то будет лучше, если князь не зайдет внутрь, верно? Надо подкарауливать его на подходе...

Остаток вечера мы потратили на обсуждения возможных вариантов развития событий, но к какому-то единому плану так и не пришли, слишком много было неизвестных.

На половину следующего дня Анастасия и Вилим меня бросили, опять погрузившись в механическое нутро антикварного средства передвижения. А я, предоставленный сам себе, потратил время на блаженное ничегонеделание. Нет, у меня были мысли добраться до желтого дома и проверить, сказала ли Ида мне правду или все-таки это была искусство

сплетенная провокация. Но психиатрическая лечебница на Фонтанке была настоящей крепостью, кроме того, я никогда даже не задумывался о том, как там все устроено. Ну, допустим, могу я прямо сейчас, пока мои друзья заняты, добраться до этого самого желтого дома. И что я там узнаю? «Сюда мою мать, кажется, поместили, но это не точно... Как ее зовут, я не знаю, как она выглядит, понятия не имею, могу я посмотреть на ваших пациенток и выбрать подходящую?» Даже если в ответ на подобный спич меня пустят внутрь, то я ведь и правда ничего о ней не знаю. Определить босорку без полных способностей или какого-нибудь «ртутного монокля», который подсвечивает активную магию, я просто не сумею. Разве что она самом захочет продемонстрировать мне золото своих глаз...

Так что я отложил пока что эти мысли до лучших времен. И, после того, как строгий Вилим пришел во флигель, чтобы накормить меня обедом, направился заново исследовать усадьбу, чтобы подобрать подходящее место для явления призрака.

Я остановился посреди бывшего кегельбана, с недоумением разглядывая странную конструкцию, практически вросшую в землю. Раньше здесь ничего такого не было...

Металлическая чаша в форме морской раковины была утоплена в землю, на ее края заползли языки зеленого мха. Несколько трубок петлями выступали из земляного пола, словно волнистая змея со старинной иллюстрации. В роли головы этой самой змеи был позеленевший медный раструб, нависающий над чашей-раковинной.

— Пришлось немного ограбить уборную на втором этаже, — сказала над самым моим ухом Анастасия. — Похоже это на конструкцию для создания золотого голема?

— Гомункула, — механически поправил я, продолжая созерцать конструкцию. Похоже, вчера я отсутствовал сильно дольше, чем мне самому показалось. И в отличие меня сегодня, они вовсе не сидели сложа руки.

— Вон с той стороны есть отличная ниша, — девушка ткнула измазанным чем-то черным пальцем в сторону темного проема, частично скрытого невысоким парапетом. — Там проход на кухню, но сделан он так, чтобы играющим не было видно суетящихся поваров. И еще я бы перекидала к парапету кучу кеглей. Чтобы не было возможности быстро подойти...

— Разумно, — я перешагнул через две бороздки и перегнулся через парапет. — Вы отлично справились тут без меня!

— О, этот твой Вилим — настоящий гений! — Анастасия хлопнула в ладоши. — Даже когда ворчит, делает очень дельные замечания и наводит на нужные мысли. Это он предложил использовать раковину. Знаешь, там наверху есть гостевые покои, выполненные в морском стиле. И вот там вся уборная...

— А из этой трубы что-нибудь льется? — спросил я.

— Лилось бы, если бы у меня было еще дня три, — девушка сокрушенно вздохнула. — Но Вилим сказал, что необходимости создавать действующую модель философского камня у меня нет. Мы или сумеем убедить князя в правдивости происходящего, или нет. А будет из крана литься что-то светящееся или нет... Это неважно.

— Подсветить это я смогу, — сказал я, неожиданно почувствовав укол ревности или что-то вроде. Надо же, Анастасия так искренне восхищается ворчливым Вилимом, а ведь я всего-то на полдня их одних оставил.

Поймав себя на этой мысли, я смутился. Как-то глупо так думать. Разве было бы лучше прийти вчера вечером в усадьбу и застать их разругавшимися вдрызг и сидящими на разных этажах?

— Что-то не так? — девушка посмотрела на меня широко открытыми глазами.

— А? — я тряхнул головой, отгоняя дурацкие мысли. — Почему ты так решила? Все отлично!

Белые ночи — не очень хорошее время для засады. Сумерки настолько прозрачные, что даже самые глухие подворотни не делают непроглядно темными. Надежда была только на «покров незаметности», окружающий Анастасию.

Я устроился на гранитных ступеньках набережной Екатерининского канала, на голове у меня красовалась серая кепка, похожая на ту, которую почти все время носила Анастасия, когда выходила на улицу. Но сейчас она переделалась из своего рабочего комбинезона в старомодное темное платье. Похоже, когда-то оно служило нарядом горничной в усадьбе Демидовых. Перед выходом она распустила косу, расчесала гребнем свои огненно-рыжие волосы. А потом, критически посмотрев на себя в зеркало, немного растрепала. Чтобы смотреться еще более трогательно.

В отличие от меня, она не собиралась сидеть на месте. Она прогуливалась то по Конному переулку, то вдоль Екатерининского канала. Мы же не знали, откуда появится князь. И придет ли он вообще.

Прохожих с каждой минутой становилось все меньше, зато шум с Сенной площади нарастал. Ежевечерняя гульба привычно набирала обороты.

Черный фургон медленно проехал вдоль канала и остановился у соседнего дома. Из него вышел человек, закутанный до глаз в плащ, открыл заднюю дверь будки и принялся с чем-то там возиться.

Трое бродяг, невпопад распевая похабные куплеты и демонстративно размахивая наполовину пустыми бутылками приземлились прямо на поребрике набережной так, что теперь их спины частично скрывали от меня дом.

Влюбленная парочка остановилась на мосту и слилась в жарком объятии. Надо же, нашли место... Хотя может это вовсе даже не влюбленные?

Хоп.

Человек в плаще отлип от своего фургона, но дверцы остались открытыми. А сам он расслабленно облокотился на перила набережной и закурил. Свет фонаря косо упал на его лицо.

Волынин.

На пламенеющую рыжей гривой Анастасию никто не обращал внимания. Она остановилась прямо на середине перекрестка и как будто напряглась, вглядываясь в сторону Сенной площади. А потом резко ускорила шаги и бросилась в ту сторону. Кому именно, мне видно не было. Но раз она начала действовать, значит там были князь с аптекарем.

Пьяные бродяги залились громким гоготом, один из них пустился в пляс, отхлопывая ритм по головам своих собутыльников. Проклятье. Из-за них мне совершенно ничего не видно и не слышно! Мое убежище было идеальным до того момента, как появились эти трое. Причем двое из них подозрительно похожи на тех, которые сидели на пороге дома вчера вечером.

Я поднялся по ступеням, чтобы увидеть, наконец, что происходит в Конном переулке.

— Ты не смеешь вот так со мной поступать! — взвизгнула Анастасия и залепила князю Вяземскому звонкую пощечину. Ударила настолько сильно, что шляпа слетела с его головы, и я снова увидел эту его полумаску, скрывающую лицо.

Вроде бы, она собиралась говорить что-то совсем другое... Что-то про бедную девушку,

на которую напали-ограбили, и теперь ей немедленно нужна помощь...

— А ты заткнись, старый осел! — она топнула ногой, уперла руки в бока и снизу вверх, но весьма высокомерно посмотрела на аптекаря.

Что именно он ей ответил, мне было не слышно, как раз в этот момент трое бродяг взвыли припев.

— Ты не можешь вот так меня бросить! — голос Анастасии стал рыдающим. Она порывисто бросилась на грудь Вяземского.

— Что вы себе позволяете, барышня?! — возмутился аптекарь. — Да вы хоть знаете, кто перед вами?!

Вдруг Вяземский, который сначала пытался оттолкнуть девушку, замер и склонил голову, будто прислушиваясь. Анастасия, всхлипывая, прижалась к нему еще крепче.

А я смог наконец разглядеть третьего мужчину, который молчаливо стоял по другую руку от князя. Высокий и тощий, на голове — французский беретик, на шее — длинный шарф. Веласкес.

Ну что ж, все в сборе.

— Родная, ты все не так поняла... — голос Вяземского нервно подрагивал. — Я клянусь тебе, что между мной и Анной ничего не было, это просто сплетни...

— Правда? — Анастасия слегка отстранилась от князя. — Я так боялась, так боялась... Твои дела могут подождать еще несколько минут, чтобы ты проводил меня до дома?

— Господа... — Вяземский поднял с брусчатки свою шляпу. — Прошу прощения за задержку, но мой долг как мужчины и дворянина...

В этот момент трое бродяг поднялись с поребрика. Обнялись тесной кучей и, шатаясь, направились в сторону Сенной площади, громко рассуждая о коварстве пойла, имеющего обыкновение заканчиваться в самый неподходящий момент. Парочка на мосту уже больше не обнималась. Девушка куталась в плащ, который подозрительно топорщился спереди, будто она прятала под ним что-то продолговатое. Вольнин бросил окурок в канал и неспешно вернулся за руль.

— Бежим! — взвизгнула Анастасия.

Глава 27. Кое-что о правилах поведения в непредвиденных ситуациях

Обнявшаяся тройца бродяг распалась. Со звоном разбились об мостовую отброшенные бутылки. От пьяной разудалой неуклюжести не осталось и следа. Один бродяга бросился наперерез Анастасии и Вяземскому, отрезая им путь к мостику.

Впрочем, мостик и так был перекрыт — в руках у «влюбленного» внезапно появилась короткая дубинка, а из-под полы плаща девушки высунулся раструб странного оружия. Я бы может даже и внимания не обратил, но по бронзовой поверхности выпирающего из-под плаща конуса заплясали бледно-зеленые магические искры.

Анастасия резко изменила направление и побежала в противоположную от меня сторону, к стоящему с открытой будкой фургону. Оружие в руках девушки на мосту ослепительно засияло и выплонуло в сторону князя клубок светящихся нитей. В полете этот ком развернулся в что-то похожее на паутину.

Анастасия толкнула князя, они не удержали равновесие и кубарем покатались по набережной. Но этот неуклюжий маневр неожиданно возымел успех — зеленая паутина пролетела мимо и рассыпалась на медленно гаснущие искры.

Тем временем бродяги поскидывали свое тряпье, оставшись в черных облегающих

нарядах. Один из них повернул лицо в мою сторону. Глаза сверкнули фосфоресцирующим блеском. Что за ерунда? Это вообще кто такие?

Анастасия вскочила и попыталась поднять князя, но тот уже вроде перестал выглядеть растерянным и вспомнил, что он все-таки дворянин. Облокотившись на левую руку, он быстрым жестом вызвал над правой знак «ферт», выкрикнул несколько слов, и под ноги преследователям метнулась клубящаяся волна «кавказского прилива». Не самый лучший выбор заклинания, но на какое-то время оно преследователей задержит.

Густо-серый туман окутал ноги троих бывших бродяг, теперь каждый шаг давался им с трудом, как будто они шли по вязкому болоту. Вяземский вскочил, и они с Анастасией припустили вдоль набережной.

— За ними, идиоты! — из фургона выскочил взбешенный Вольнин, размахнулся и что-то швырнул в спину убегающему князю. Тот дернулся, споткнулся и чуть не упал. Анастасия резво подставила плечо, так что шаг они почти не замедлили.

Буммм! От низкого раскатистого звука у меня заложило уши и потемнело в глазах. Это что еще такое? Откуда?

Очень медленно, будто кто-то остановил время, мостик через канал вспучился, девушку с почти набравшим новый заряд оружием отшвырнуло к стене заброшенного дома. Ее мнимого возлюбленного, скрыло дымом, щепками и гранитной крошкой. Он оказался в самом эпицентре.

Ударом об мостовую меня и почти оглушило, и привело в сознание одновременно. Все произошло так быстро, что я даже не успел понять, что упал. Ощущение было такое, будто набережная вздыбилась и со всего маху ударила меня по спине, а в лицо швырнули горсть раскаленного песка.

Уши наполнились звенящей ватой. Я быстро вскочил на ноги, но меня качнуло. Чтобы не упасть, пришлось схватиться за стену.

Кто-то взорвал мост?

Но кто?

Почему?

Надолго задуматься у меня не получилось. Последний из бывших бродяг, не бросившийся преследовать Вяземского с Анастасией, вдруг повернул взгляд своих светящихся глаз в мою сторону. Почему-то его взрывом не швырнуло на землю...

Одним скачком он преодолел Конный переулочек, перемахнул ограждение и нырнул в воду.

Еще мгновение, и его темная фигура уже взмывает над кованной решеткой ограждения с моей стороны.

— Вы кто еще такой? Что вам от меня нужно?! — сквозь вату в ушах услышал я голос Вольнина.

Бродяга со светящимися глазами двинулся на меня.

Я попытался сделать шаг в сторону, но оглушенное тело слушалось плохо. В этот момент кто-то налетел на меня сбоку и сшиб с ног. Я второй раз грохнулся об мостовую, поворачиваясь в сторону нового действующего лица. Бахнуло два выстрела, фигура бывшего бродяги дернулась и стала заваливаться на бок. Чьи-то руки дернули меня за плечи и поставили на ноги.

— Ходу, ходу! — сквозь вату в ушах услышал я смутно знакомый голос. — Это его надолго не остановит!

Не особенно рассуждая, я начал как-то переставлять ноги в сторону от Конного переулка, вдоль канала. А мой спаситель, которого я пока не опознал, подталкивал меня в спину, иногда поддерживая, чтобы я не упал.

Шагов через десять онемение отпустило, я оглянулся назад. Аптекаря нигде не было видно. Как и Волынина. Вяземский, Анастасия и двое бывших бродяг тоже скрылись из вида. На перекрестке, засыпанном обломками бывшего моста, лежало чье-то неподвижное тело.

— Давай быстрее, пацан, а то этот упырь скоро придет в себя! — прикрикнул мой неожиданный спаситель, и в этот момент я его опознал. Бенкендорф. Только сегодня у него не было щегольских завитых усиков.

— Что вы здесь де... — начал я, но прикусил язык после чувствительного тычка в спину, вынуждающего меня свернуть на широкую Гороховую.

Здесь было гораздо более многолюдно, чем на узкой набережной канала. Но шумным подвыпившим прохожим особого дела до нас не было, даже единственный жандарм сделал вид, что ничего необычного не происходит.

Вообще-то, здесь должно было слышно грохот от взрыва, почему туда все еще не спешат охранники городского порядка?

— Туда! — скомандовал Бенкендорф, явно намереваясь перейти на другую сторону улицы.

— Нет! — я вывернулся из его цепких рук и понесся в сторону набережной Мойки. Надеюсь, те двое бродяг не догнали Вяземского с Анастасией. Если этих тварей даже два выстрела в упор надолго не останавливают, то что же с ними вообще можно сделать? Бенкендорф назвал его упырем, но это скорее было ругательство, чем определение видовой принадлежности. Упыри не двигаются с такой бешеной скоростью, кроме того, если бы это и правда был упырь, то канал пересечь он бы точно не смог. Воды эти наполовину мертвяки боятся примерно так же, как и огня. Хотя видимого вреда она им не наносит... Я тряхнул головой, отгоняя сухие строчки из учебника по разновидностям нечисти и припустил быстрее.

Они сбежали в противоположную сторону, значит перейдут канал по горбтому мостику, а потом... Их путь получался много длиннее моего, значит я должен успеть чуть раньше. Хотя с этим взрывом я не был уверен, что меня не вырубало...

— Куда ты бежишь? — Бенкендорф поравнялся со мной, ухватил за рукав и снова попытался утащить в другую сторону. — Давай за мной, там есть проходной двор...

— Нет, — я мотнул головой. Как бы теперь от него избавиться? Бежать еще быстрее у меня уже не получалось. Я остановился и перевел дыхание. — Слушай, спасибо, что ты меня вытащил, но у меня правда есть еще свои дела. И совершенно некогда прятаться в убежище.

— Не знаю, что ты не поделил с «Доктриной Крафта», но если бы не я, от тебя сейчас только мокрое пятно бы осталось! — Бенкендорф тревожно глянул мне за спину. Я тоже обернулся, но не заметил там ни фигуры в черном со светящимися глазами, ни Волынина, ни аптекаря.

— Что еще за «Доктрина Крафта»? — спросил, было, я, а потом махнул рукой. — Хотя все равно. Послушайте, Митрофан Генрихович! Я собирался зайти к вам в контору завтра днем. Сейчас мне и правда нужно спешить...

— Ничего не мешает нам поговорить по дороге в то место, куда ты так стремишься, — губы Бенкендорфа изогнулись в усмешке.

Я набрал в грудь воздуха, пытаюсь придумать аргумент, чтобы бесцеремонный

Бенкендорф от меня отстал, но ничего не приходило в голову. Да и ладно! Может мне удастся чуть оторваться перед каретными сараями, а потом сработает магия усадьбы Демидовых, и он сам вспомнит о каких-то срочных делах или на что-то отвлечется.

Я снова бросился бежать, уже не обращая внимания на пристроившегося сбоку Бенкендорфа.

Я нырнул под арку и совершенно инстинктивно метнулся вбок. Щеку обдало ветром от пронесшегося мимо кулака. Проклятье!

Хорошая новость — Вяземский и Анастасия уже в усадьбе. Вторая хорошая новость — эти бродяги со светящимися глазами последовать за ними не смогли.

Плохая новость — они здесь! И мне надо как-то проскользнуть мимо них и запрыгнуть на каретный сарай.

Раздался звук взводимого курка, но выстрелить Бенкендорф не успел — второй громила отшвырнул его в стену как тряпичную куклу. Я метнулся за куст и прошептал заклинание «бледного близнеца». Слабая надежда, конечно, что эти две боевые машины купятся на детский трюк убегающей за ближайший угол фигуры, но вдруг...

Получилось! Оба бродяги бросились за моим полупрозрачным двойником. Я рванул, было, к повороту, но остановился и оглянулся. Оглушенный Бенкендорф ворочался, пытаюсь подняться. Сейчас эти двое вернутся и прикончат его. Я подскочил к нему и с силой рванул за одежду вверх. Он уцепился за стену и поднялся.

— Беги, они же сейчас вернутся! — громким шепотом проговорил я и попытался толкнуть его в сторону выхода из двора.

Громкие шаги громилов на мгновение стихли, а потом снова стали приближаться. Да чтоб их... Я же не смогу провести его в усадьбу!

Ладно! Я подставил Бенкендорфу плечо и почти поволок его к каретному сараю.

Двор-лабиринт отражал звуки шагов, и было непонятно, насколько близко уже двое преследователей.

Не оглядываться.

Бенкендорф то переставлял ноги сам, то наваливался мне на плечо. Сердце колотится как бешеная птица.

Стена сарая.

Клен.

Я подтолкнул сыщика на нижнюю ветку. Он подтянулся, нога сорвалась, и ботинок больно шерканул меня по кисти. Я толкнул его ногу, и он, наконец, смог перебросить тело на крышу сарая. Я подпрыгнул, чтобы взобраться следом.

Чьи-то пальцы ухватили меня за лодыжку, я дернулся, пнул наугад второй ногой.

Рука преследователя соскользнула вместе с моим ботинком, а я взлетел на крышу каретного сарая и почти кубарем скатился с другой стороны, увлекая за собой Бенкендорфа.

— Что... Что это за место? — Бенкендорф приподнялся, опираясь на руки и медленно огляделся.

— Неважно, — буркнул я, переводя дыхание и прислушиваясь. Вроде бы, эти громилы за нами не полезли. Но почему тогда у меня получилось провести сюда Бенкендорфа? — Слушайте, сейчас нам нужно вести себя как можно тише. Я может быть объясню, что здесь происходит, но потом. Хорошо?

Бенкендорф поднялся на ноги, потрогал рукой ушибленные об стену ребра, поморщился и кивнул.

— Вы же все равно увяжете за мной, даже если я попрошу вас остаться здесь? — спросил я. Уголки его губ дрогнули. Я шумно выдохнул и мысленно сосчитал до пяти.

Больше всего мне хотелось наорать на него и покрыть всеми известными мне ругательствами на семь слоев. Но вряд ли это бы мне помогло.

Я приложил палец к губам и двинулся через кусты к черному входу на первый этаж усадьбы.

Еще не видя помещения кегельбана, я понял, что немного опоздал к началу представления. Монотонный голос Вилима излагал замысловатый рецепт изготовления гомункула, необходимого для входа в тайное хранилище. Мерцающий голубоватое свечение проникало в дверной проем. Похоже, Вилим использовал какой-то алхимический состав, чтобы придать сцене мистический вид. Не стал надеяться, что я успею со своей магией.

Снова кольнуло чувство болезненной ревности. Гениальный Вилим, конечно же!

Бенкендорф коснулся моего плеча. Я схватил его за руку и изо всех сил сжал пальцы, призывая молчать.

— Ты уже видела это раньше? — раздался голос князя Вяземского.

— Нет... — испуганным тоном отозвалась Анастасия. — Он похож на какой-то старинный портрет! Эй... Вы кто?

Вилим продолжал вещать, будто не слышал вопрос Анастасии.

— Он похож на Якова Брюса, — сбивчивым голосом проговорил Вяземский.

Вилим ненадолго замолчал. Потом заговорил снова.

— Если вы видите меня, значит я готов открыть вам свою последнюю тайну, — проговорил он. Похоже, он решил не вступать в общение с князем, и обставил все так, будто Брюс оставил послание для того, кто достоин его услышать.

— Нет! — вдруг взвизгнула Анастасия. — Не надо! Здесь все может сработать не так, как ты ожидаешь, мне дед рассказывал...

— Но это всего лишь знак «зело», милая, — удивленно проговорил князь. — Я просто хотел рассмотреть немного получше, чтобы... — он замолчал, потом громко вскрикнул.

Монотонная речь Вилима споткнулась. Анастасия громко завизжала. Глухой удар, идущий откуда-то снизу заставил стены усадьбы содрогнуться.

— Что-то пошло не так? — спросил Бенкендорф, пытаясь перекрыть нарастающий гул. Я бросился вперед, выскочил из-за кухонной ширмы и уперся в спину Вилима. Земля под его ногами светилась тем же голубоватым светом, что и алхимическая лампа.

Вяземский, скрючившись, лежал рядом с чашей-раковиной, Анастасия стояла рядом, зажмурившись, и закрывала уши.

— Настя! — крикнул я, оттолкнул Вилима и бросился к ней.

Буммм!

Низкий грохот раздался откуда-то с улицы. Будто что-то взорвалось в дальней части усадьбы. Стены снова содрогнулись, с потолка посыпалась штукатурка, колонны в правой части начали заваливаться.

— Настя, что с тобой? — я обнял девушку, чувствуя какой-то яростный коктейль из эмоций. Все идет как-то не так! Вопрос мой звучит совершенно неуместно и по-дурацки. И я ничего не могу с этим поделать!

Девушка в моих объятиях простонала что-то неразборчивое, не отнимая рук от головы. Что-то про князя, кажется.

Я посмотрел на него. Из-под сомкнутых век катились кровавые капли.

Буммм! — снова раздалось снаружи.

— Надо уходить! — прокричал Вилим. — Усадьба может обрушиться!

Я сделал шаг в сторону парадного выхода, увлекая за собой сопротивляющуюся Анастасию. Она не то, чтобы не хотела уходить, просто была как будто оглушена и не очень понимала, что вокруг происходит.

Честно говоря, я тоже понимал плохо. Те громилы принесли взрывчатку и решили взорвать каретный сарай? Или это что-то другое?

Все шло нормально до того момента, как князь не вызвал знак «зело».

Князь громко и надрывно закричал. Я обернулся. С потолка падали уже довольно крупные куски. Непонятный гул, который звучал, кажется, со всех сторон сразу, становился то громче, то тише.

— Надо вытащить его отсюда! — крикнул я. Вилим опустился перед князем на корточки и попытался его приподнять. Но тот, кажется, окостенел в своей скрюченной позе. Но кричал при этом, не переставая, значит был хотя бы жив.

— Я помогу! — к Вилиму присоединился выскочивший из кухни Бенкендорф. Вилим возмущенно вскинулся, потом бросил на меня недобрый взгляд, но говорить ничего не стал. Впрочем, может и сказал, губы шевелились, но из-за гула я все равно ничего не слышал.

Гулкий грохот сотряс стены усадьбы в третий раз. Земляной пол под ногами вздыбился и заходил ходуном. Из-за поднявшейся пыли, подсвеченной призрачным свечением алхимической смеси, все окружающее казалось нереальным.

Рухнула одна из колонн, перегораживая нам путь к выходу.

Я рванулся вперед, пытаюсь поднять Анастасию на руки.

В этот момент пол ушел у меня из-под ног, и я понял, что падаю куда-то вниз, в мешанине комков слежавшейся земли, обломков прогнивших досок и еще какого-то мусора. Я развернулся, чтобы смягчить удар от падения Анастасии. Прикрыл ее голову своими руками от сползающих сверху камней.

Все затихло как-то внезапно.

Мне даже показалось, что я оглох. Я пошевелился. Кусочки земли, щепки и обломки штукатурки посыпались с меня с тихим шуршанием. Значит с моим слухом все в порядке. Просто все закончилось, что бы это ни было. Во всяком случае, шумная часть этого всего. Анастасия вздрогнула, ресницы ее затрепетали и она открыла глаза.

Уф. Жива.

Но что произошло? Я посмотрел наверх. Похоже, что пол под нами провалился, и мы оказались в подвале, вход в который мы до этого не видели.

— Оххх, — раздался откуда-то справа стон Вилима.

Я прищелкнул пальцами и запустил «светляка». Шарик яркого света скользнул вдоль земляного обвала и замер над поднявшимся на четвереньки Вилимом. Парик сполз с его головы, пышные завитые кудри были щедро посыпаны смесью земли и сухой штукатурки. Вроде с ним тоже все в порядке. Я шагнул в сторону от завала. На гранитные плиты пола.

— Что с князем? — спросил я.

— Без понятия, — проворчал Вилим, стаскивая парик с головы. — Дышит, но без сознания. А этот... Ох тыж... Тоже вроде живой, но приложило чем-то по башке. Где это мы?

Я отправил «светляка» в глубь подземелья, в котором мы оказались. Это была совсем небольшая комната овальной формы. Стены и пол из серого гранита грубой обработки.

Никаких дверей или проходов не было. В центре стоял совершенно неожиданный для такого места предмет — письменный стол из черного дерева. С резным креслом и высоким светильником матового стекла.

На столе лежала открытая на середине книга. Ни на чем не было пыли и грязи. Кроме той, которая обрушилась с потолка вместе с нами.

Я подошел к столу. Открытые страницы книги были пусты. Я захлопнул ее, чтобы посмотреть на обложку. Переплет был шершавым на ощупь, словно иссохшая кожа.

— Названия нет, — хмыкнул я, — Кому пришло в голову устраивать кабинет без дверей в подвале?

— Это она, — непонятым голосом проговорил Вилим.

— Кто?

— Этого просто не может быть, но это она, ваша светлость, — Вилим протянул руку к книге, не решаясь ее коснуться. — Это Черная Книга Якова Брюса.

Больше книг на сайте - Knigoed.net